

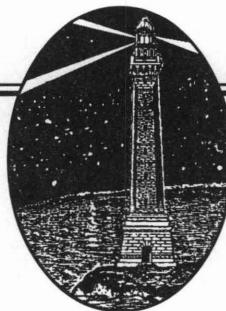
НОВАЯ ПОЛЬША 4/1999

Содержание

1. У порога
2. Мы с Польшей любили друг друга
3. Неплохой финиш короткого столетия
4. Не домашний это был спор
5. С какой ноги встает Варшава?
6. Пятое время года
7. Большевик
8. Записки Аношкина
9. Государство первого разряда
10. Этот шанс нельзя упустить
11. Хроника (некоторых) текущих событий
12. Варшава была столицей «Континента»
13. «Континент» и нам открыл глаза на иную Россию
14. Сон разума под грохот бомб
15. Острова взаимопонимания
16. Есть и такие ксендзы
17. Зелёный ксёндз Леон
18. Польская коленда
19. О польском костеле последнего столетия
20. Женское лицо польской поэзии
21. Польки Астафьевой
22. Бенедикт Дыбовский – исследователь Байкала и Камчатки
23. Поэма Кароля Войтылы
24. Обзор литературной периодики
25. Летопись культурной жизни
26. О знании и невежестве
27. Из нашей почты

Ежи Помяновский

У порога

Ежи Помяновский У ПОРОГА

Ежи Помяновский (род. в 1921) — писатель, эссеист, театральный критик, публицист, переводчик русской литературы (в частности прозы Исаака Бабеля, комедий Евгения Шварца, «Архипелага ГУЛАГ» и «В круге первом» Александра Солженицына). В последнее время опубликовал том очерков «Русский месяц с гаком», готовит к печати «На восток от Запада». Сотрудник парижской «Культуры», краковского еженедельника «Тыгодник повседневный» и др. Главный редактор «Новой Польши».

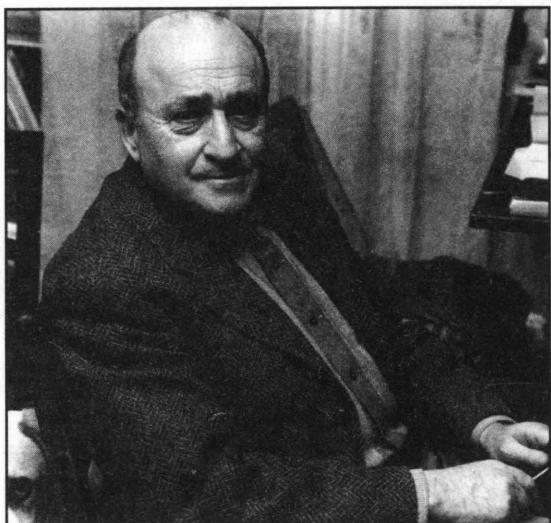

Фото Mario Gelosi

Биолог Алексей Сперанский, преданный анафеме ученик и истинный последователь академика И.П.Павлова, предупреждал своих студентов, чтобы они не тратили времени на мечты о прекрасных перспективах исследований, а принимали во внимание только возможные препятствия и опасности. Успех придет, если не терять смелости. Хоть я и недолго был в числе его слушателей, а предостережения эти запомнил. Поэтому прошу прощения за то, что посвящу эти заметки не светлому будущему, а теням века сего, тянувшимся за нами, как мародеры за армией, и что прибегну при этом к определениям, взятым из языка медицины — моей первой, честной профессии.

Речь идет о последствиях — хронических осложнениях и метастазах — некоторых идеологий, ставших сущей чумой этого столетия. Нельзя, чтобы они затянулись на следующий век — достаточно того вреда, свидетелями которого мы были. Были и в Польше, хотя не тут началась эпидемия. Но Польша обладает той печальнойной

привилегией, что болезни нашего континента отражаются на ней сильнее всего. Она стала как бы *locus minoris resistentiae* Европы, что в данном случае означает не точку наименьшего сопротивления, а наиболее травмированное место. Словно старая рана, отзывающаяся болью при каждом новом недомогании. Через Польшу прокатились почти все войны, и в ее земле покоится больше всего жертв.

В лексиконе Наполеона не было клейма страшней, чем «идеолог». И его можно понять. Он был свидетелем эксцессов и результатов идеологии того самого переворота, о котором его соотечественник Токвиль так писал в 1858 г.: «В болезни, именуемой “Французская революция”, я ощущаю присутствие чего-то особенного... какого-то неизвестного возбудителя совершенно нового вида. Внезапные революции случались в мире и раньше. Однако в общественных движениях

минувших веков не найти примера такой неумеренности, как у наших революционеров, такого насилия и такого радиализма — от чаинного, мужественного, почти бешеного, но в то же время мощного и эффективного...»

То, что наш век принесет веку грядущему, требует значительно более резкой оценки. В истории трудно найти пример столетия, в котором столько жертв, страданий, разрушений и разочарований было бы принесено практическими выводами из теоретических посылок, из идеологии. Не столкновение материальных интересов, не голод, не насущные нужды вызвали эти ужасающие преступления и потери, а та или иная идеология, т.е. плоская проекция некой доктрины, ставящей своей целью, разумеется, благо человечества. Или, по крайней мере, благо собственного народа.

Это не значит, что вслед за Наполеоном слово «идеолог» следует считать ругательством. Но никакой Наполеон, никакой кодекс, никакая конституция не помогут, если все мы не поймем, какими опасностями чреваты отдельные идеологии и все черно-белые схемы.

Меня преследует мысль, что в новое столетие могут перекочевать и заразить его те три напасти, которые более остальных заслужили того, чтобы остаться за его порогом. Речь при этом идет вовсе не о памятниках идеям, не о милой сердцу старине, а о грязном хламе. Эти напасти, впрочем, были изобретены вовсе не в XX веке, но именно в этот век нашли больше всего самых безжалостных и безразумных сторонников. Никогда ранее в арсенале этих людей не было таких поражающих средств и способов воздействия.

Первая из этих напастей — идея жизненного пространства, Lebensraum'a, якобы необходимого ради могущества государства, прокормления нации и полного

развития ее энергии. С сотворения мира идея эта вела за собой властителей и военачальников, обосновывала право на завоевания и оправдывала национальный эгоизм. Более того, в течение долгих веков ее, казалось, объясняла беспомощность экономики, фактическая слабость средств производства, реальная нужда в завоевании все новых и новых пространств под поселения и посевы; по крайней мере, так считали завоеватели. Но вот именно в нашем столетии произошла новая промышленная революция и такими мощными стали технические средства, что они позволяли отказаться от дедовского экстенсивного хозяйства и перейти к новым, интенсивным методам хозяйственного использования земли, сырья, ресурсов и рабочей силы. Но даже это не изменило бы картины мира, если бы не политическая необходимость. Одни расстались с завоеваниями, колониями, отказались от империй, проиграв войну, другие — из-за стремления подданных к независимости, и все — потому что вдруг выяснилось, что это не окупается.

Все ли? Дело именно в том, что не все. Идеология Lebensraum'a, основанная на геополитическом предположении, что в старой добре географии таится дьявольский фатализм, научно обоснованная шведом Кьелленом и немцем Ратцелем, получившая развитие в трудах Карла Хаусхофера (этого отца пакта Риббентропа—Молотова), отвергнутая и забытая в Германии, нашла убежище и ярых сторонников в России. Здесь она стала стержнем идеологии националь-большевизма, т.е. сплава черной и красной сотни. Хуже того, эта идеология, как уже сказано, заразна. Она, по сути представляет теоретическую базу тех политических сил, которые пользуются своим влиянием в громадной стране для того, чтобы вырыть из могилы труп Советского Союза и поставить его на ноги ради того самого

замысла, который совсем недавно привел их государство на край катастрофы.

Здесь проблема превращается в жизненно важный для Польши вопрос. Нам не все равно, будет ли и дальше эта идеология наносить ущерб России и бывшим союзным республикам. И нет для нас опасности больше этой.

Кто держал в руках книгу вашего покорного слуги «Русский месяц с гаком», мог заметить, что я не советую чего-то от России требовать или чем-то угрожать ей. Зато я считаю, что всем нам пригодилось бы своего рода говенье. Мне представляется это в форме совещания самых опытных политиков и ученых из всех стран, которые со вздохом облегчения избавились от былых завоеваний и колоний, а теперь и благоденствуют, и совесть у них чиста. Пусть они расскажут русским партнерам — пригласив их как можно больше, — о том, что приобрели их страны, оставив в покое свои Эстонии и Украины, и предоставив им свободу. Я, пожалуй, не знаю другой темы, которая больше подошла бы для срочного совещания виднейших ученых и политиков России и Запада.

Вторая напасть, которой нельзя дать переступить порог нового века, — идеология коллективной ответственности.

Этот вопрос требует более пространного рассмотрения, чем то, какое мы можем здесь себе позволить. Тому есть несколько причин, две из которых (менее важные) следуют объяснить сразу. Во-первых, подспудно эта идеология исповедовалась и у нас, так как она очень удобна. Она, после немецкой оккупации, позволяла смотреть сквозь пальцы на грехи и подлость, творившиеся во время насилиственной высылки немецкого гражданского населения с западных земель Польши. Инициатива, выраженная ставшими впоследствии известными знаменитыми словами: «Мы прощаем и просим прощения»,

которыми в 1964 году польские епископы закончили свое письмо немецким епископам, была не только самым важным шагом в отношениях с соседями, но благодаря ей пример Польши всегда будет упоминаться в мировой истории как свидетельство о том, что великодушие и порядочность окупаются и в политике. Тем не менее, до сих пор идея коллективной ответственности позволяет многим из нас мириться как с самим принципом, так и с той мстительностью, с которой была проведена операции «Висла» — массовое переселение польских украинцев, проведенное в 1947 г., после боев с УПА. Часть людей переселили даже за восточную границу Польши, где их ждали сибирские лагеря. Исправление этой несправедливости — необходимое условие наших тесных и равноправных отношений с независимой Украиной, а пора, наконец, понять, что эти отношения, и эта независимость — условие польской независимости. Другой щекотливый момент этого дела состоит в том, что даже такие выдающиеся мыслители, как Лешек Колаковский и Ежи Едлицкий, усматривают положительные стороны в идеях коллективной ответственности. Прежде, чем в другой раз объяснять, почему я таких сторон не вижу, спрошу читателей: знаете ли вы, в чем, в четыре утра, в час истины, ищет оправдания тот, кому не дает спать воспоминание о том, как он давеча бросил гранату в магазин, где было полным-полно баб с кошелками? Ему в голову приходит простая мысль, что эти женщины не были ни в чем не виноватыми, так как принадлежали к народу, классу или расе, которые в чем-то провинились перед его народом, классом или расой. И только он так подумает, как тотчас поворачивается на другой бок и спокойно засыпает.

Тот же проклятый принцип позволяет, с другой стороны, армии, полиции и добровольным палачам мстить целым народам за террористические акты, действительные или мнимые, совершаемые

отдельными людьми. В XX веке эта идея расцвела, и ее мертвыми плодами падают человеческие головы на Балканах или на Кавказе.

У третьей напасти история короче. Зато она ближе касается Польши и для ее будущего имеет решающее значение. Речь идет о презрении к интеллигенции как социальной группе и к интеллекту, абсолютно необходимому для жизни в цивилизованном мире.

Признаюсь, что, давно привыкши к кровавым сенсациям, которыми живет западная печать, настоящее потрясение я испытал, только прочитав в газете «Жечпосполита» статью физика проф. Лукаша Турского о перспективах научных исследований в Польше. Жалкие, определяемые несколькими процентами бюджетные ассигнования на эти цели, - сопоставление этих цифр с декларируемой всеми без исключения политиками заботой о будущем Польши — вот что трудно перенести и забыть. И речь идет даже не о заработках учителей и врачей. Особую горечь вызывает то, что власти считают приводимые проф. Турским мнения и цифры, разумеется, справедливыми, но ничего не значащими по сравнению с притязаниями таких групп, как крестьяне или шахтеры, которые оказывают влияние на результаты выборов и политические карьеры. Это, впрочем, традиция, сохранившаяся с коммунистических времен, когда голоса избирателей ничего не значили. Вся культура была отнесена к надстройке, призванной укреплять не столько материальную базу, сколько господствовавшую в ПНР доктрину. После стыдливого избавления от остатков доктрины ненужными были объявлены все, из кого стремились сделать ее адвокатов и декораторов. Между тем будущее страны зависит как раз от этого слоя. Находящаяся в первой тройке мировых экономических

лидеров Япония не обладает сырьем, зато в ней 240 университетов, где растят отнюдь не узких специалистов, а настоящих интеллигентов. Не один проф. Турский твердит сегодня, что строить «вторую Японию» (как хотел Валенса) — для нас не выход., потому что нам надо сразу, немедленно перешагнуть в послезавтра и инвестировать не в промышленные и сельскохозяйственные «заповедники», а в те отрасли, которые в грядущем столетии будут определять успехи страны.

Этот грех презрения ярко проявился в ходе кампании перед конституционным референдумом. Принимавшие в ней участие партии широко пользовались антиинтеллиектуальной и антиинтеллигентской аргументацией. Похоже, 60% имеющих право голоса не пошли голосовать прежде всего потому, что поляки не любят, чтобы их считали дураками.

Фрейд утверждал, что культура — это сумма угрызений совести. В самом деле, что еще могло бы помешать нам пользоваться таким в высшей степени естественным правом, как право попустительствовать своим агрессивным, кровожадным, скотским инстинктам? Но стоит также вспомнить, что культура — это искусство преемственности, наследования. Польское наследие неоднородно — надо выбирать. А выбор всегда тот же самый, хоть и меняются названия двух основных долей в этом наследстве. Для простоты я говорю о выборе между обывательской традицией и интеллигентской — не будем спорить, насколько точны эти термины, каждый и так понимает, о чем речь. Неправда, будто бы то, что «умники» и «космополиты» называют обывательщиной, — на самом деле комплекс наших характерных черт, родимых, собственных, национальных, определяющих польскую самобытность. Этую самобытность в самые тяжелые эпохи спасали интеллигенты. Их предшественники,

воспитанники школ, созданных в самом конце XVIII века, перед последним разделом Польши ксендзом Конарским и Комиссией народного образования (первым в Европе министерством просвещения. — Пер.), пансионеры университетов, возрожденных Коллонтаем, Почобутом, Снядецкими, Сташицем, Потоцким*, спасли и сохранили Польшу — незримую на карте, но по-прежнему сущую в том, что останется от Европы, просеянной через сито истории. Их потомки времен гитлеровской оккупации в подполье не только занимались военной подготовкой и создавали тайные государственные органы, но и сдавали экзамены на аттестат зрелости, защищали диссертации, спасали библиотеки и коллекции, играли в домашних театрах, тайком писали книги, издавали нелегальные газеты. До войны они были учениками замечательных польских педагогов — Венцковского и Корчака, Яструна, Котлярчика и Соляжа, учились в приличных школах, обучавших независимому мышлению и в заводской Лодзи, и в

деревушке Гать-Пшеворская, и все они вышли из захолустья в большой мир. Это о них, о старой и новой интеллигенции, о ее неоценимой роли говорил в краковском костеле Св. Анны выпускник гимназии в Вадовицах Кароль Войтыла: «“Служение ума”, о котором я говорю, — по сути, не что иное, как служение истине в миру. Каждый интеллигент, вне зависимости от своих убеждений, призван, руководствуясь этим возвышенным и нелегким идеалом, играть роль совести, критически относящейся ко всему тому, что угрожает человечности или уничижает ее».

Потом он еще раз подошел к микрофону, чтобы сказать одну лишь фразу: «*Magis ratio quam vis*», которую можно перевести двояко: «Разум важнее силы» — или: «Не насилием побеждай, а правдой». По существу это одно и то же.

* **Хуго Коллонтай** — священник, философ, писатель и политик, участник Комиссии народного образования и других педагогических начинаний, один из основателей знаменитого Кременецкого лицея, реформатор и ректор Краковской Академии, соавтор первой в Европе польской конституции.

Мартин Почобут-Одляницкий — член ордена иезуитов, астроном, математик, ректор Виленской Академии, реформатор школ в Литве.

Ян Снядецкий — математик, астроном и философ, профессор университетов в Кракове и Вильне, член Петербургской Академии наук.

Ендже� Снядецкий, младший брат Яна, — врач, естествоиспытатель, философ, педагог и публицист, профессор Виленского университета.

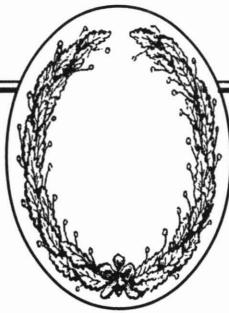
Станислав Сташиц — священник, философ, политик, публицист, деятель народного образования.

Станислав Костка Потоцкий — политик, писатель и публицист, министр религиозных вероисповеданий и общественного образования Царства Польского.

Деятельность всех названных относится ко 2-й половине XVIII — началу XIX вв. (прим. Н.Г.).

Мы с Польшей любили друг друга

Интервью Татьяны Косиновой с Булатом Шалвовичем Окуджавой

МЫ С ПОЛЬШЕЙ ЛЮБИЛИ ДРУГ ДРУГА

Интервью Т.Косиновой с Булатом Шалвовичем Окуджавой

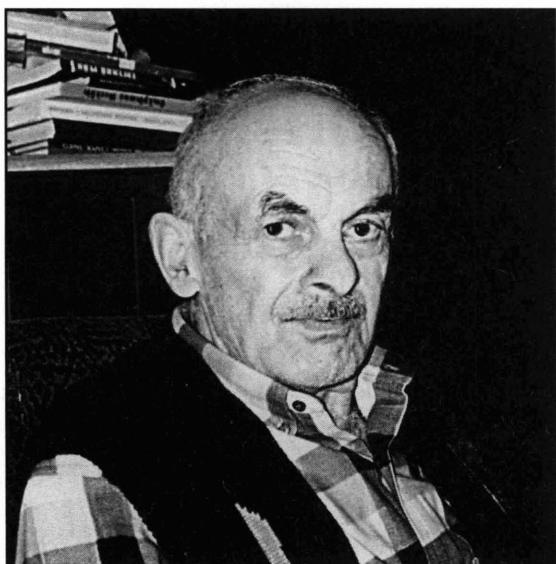

Фото Grzegorz Przebinda

Татьяна Косинова: Расскажите, пожалуйста, о своем первом приезде в Польшу. Когда это было?

Булат Окуджава: Это был 1964 год. Я был туристом, это была туристская группа писательская. Меня первый раз выпустили за границу, и то после больших всяких сложностей. Я приехал. У меня уже были друзья в Польше, такие, как ... (неразб.) и другие. Там уже вышла моя книжка первая. Она называлась по-польски «Ty jeszcz pożyjesz»¹ - так перевели издание повести «Будь здоров школьник!». Ну, вот. Я приехал и неожиданно для самого себя, меня встречала очень большая группа людей. И среди них была Агнешка Осецкая. Потом мы стали большими друзьями. Вот. Поездка была

очень стремительная такая, но, правда, мне удалось выступить один раз в клубе «Шпильки». Ну, в общем, были такие маленькие выступления, встречи... (садятся батарейки)

(Повтор) В Польшу впервые я приехал в 1964 году туристом в писательской группе. В Польше уже была издана моя первая повесть. И неожиданно для меня самого, меня встречала очень большая группа польских, не знакомых мне людей, с которыми я потом познакомился. Там была Агнешка Осецкая, молодая совершенно. И после этого началась наша дружба со многими польскими писателями, литераторами, актерами. Но это была очень стремительная поездка. Я несколько раз выступал в Варшаве, в Кракове выступал. Это были небольшие выступления на узкий круг интеллигенции польской.

Поляки издавали меня интенсивно и много, больше, чем здесь в те годы гораздо. И поэтому что-то такое произошло. Вот я это почувствовал. Потому что потом я бывал в других странах. И везде ко мне очень хорошо относились. Но такого отношения, как в Польше, не было никогда ко мне. И я стал думать об этом. И я подумал, что, видимо, настроение польской общественности и характер моей работы как-то совпадали случайно. Это произошло помимо нас, помимо меня. Вот. И поэтому для меня Польша, знаешь, - первая любовь. Я уже об этом много раз говорил. Я уже об этом много раз говорил. Я даже когда недавно был в Польше, со мной делали интервью и спрашивали: «А если бы что-нибудь случилось, и вы бы захотели уехать за границу, куда бы вы поехали?» Я сказал: «В Польшу». Действительно, это так. Что-то очень близкое образовалось между нами. Во всяком случае, у меня такое ощущение.

- *А когда в Польше появились ваши переводы?*

- Еще до моего приезда, в начале 1960-х годов. В 1961 году ...

- *Кто их делал?*

- Их делали разные люди. Замечательные поэты Витольд Домбровский, Анджей Мандальян, Виктор Ворошильский. Прозу переводил (имя неразборчиво) Федецкий. В общем, очень достойные люди. С Федецким мы познакомились в Москве в 1960 или 1961 году. Он приезжал, был у нас. Мы жили тогда в Шереметьево. Это был поселок (неразб.). Он был у нас в гостях. А тогда я только тем и занимался, что где бы не собирались несколько человек, обязательно у меня была гитара, и я с удовольствием пел. Тогда было такое время - я был молод. И вот он услышал, ему это понравилось. Потом много пленок пришло в Польшу тогда же. Определенная часть публики - не могу сказать, что я был широко известен, - но определенная часть публики уже знала эти записи.

- *Аудитория как-нибудь отличалась?*

- От московской? Отличалась, конечно. Это были поляки...

- *А чем принципиально отличалась?*

- Ну, так трудно сказать... Потому что мои вещи они воспринимали в общем, так же, как москвичи. Что-то они находили для себя, что то было для них, видимо. Во всяком случае, они это оценивали не просто как литературную обработку, а это было нечто большее.

- *Они говорили об этом вам?*

- Некоторые говорили, потом писали об этом. Но я не люблю разговоров о себе, поэтому особенных таких разговоров не было. Но кое-что печаталось.

- *Если говорить о событиях в Польше, как Вы воспринимали то, что там происходило?*

- О событиях в Польше... Да, события в Польше... Ну, что же, мы встречались единомышленниками. Это естественно. И общался я с единомышленниками. Уже не важно было, поляк или не поляк. Поэтому мы прекрасно понимали ситуацию у нас и у них. Конечно, я понимал прекрасно, что поляки не настолько глубоко больны, как мы. Потому что их болезнь началась в 1939-1940 году. А мы больны с 1917 года. Я прекрасно понимал, что если наступят новые времена, поляки нас обгонят, конечно, потому что у них больше навыков сохранилось. Так и произошло, в общем-то.

- *А Вы не можете вспомнить 1956 год? Как Вы переживали тогда то, что происходило в Польше? Что Вы знали о тех событиях?*

- Ну, в 1956 году я знал то, что знали все, в общем, конечно. Немножко из радио, из всяких там запретных передач, немножко из нашей прессы, которую мы между строк читали, обсуждали как-то между собой. Конечно, мы, я и мой круг знакомых, людей, в общем, политизированных, по возможности следили за событиями. Конечно, жили в состоянии взволнованности. Не только в 1956 году, но и потом в поздние времена. Все события конца 1970-х годов, предшествовавшие появлению «Солидарности»... Тогда всех моих друзей поарестовали и посадили. Это было еще до 1978 года. Меня здесь вызвали в органы госбезопасности по просьбе польской госбезопасности выяснить... Спрашивали меня о моих польских друзьях. Тогда сидели Адам Михник, Кароль Модзелевский, Яцек Куронь. Меня спрашивали, что я о них думаю. Я говорил о них только замечательные слова. А потом я разозлился и сказал: «Посмотрите, скоро придет такое время, когда их всех выпустят из тюрьмы, а вашего главного преступника...» Как его звали? Он командовал КГБ в Польше?

- Кицак? Генерал Кицак?

- Нет. Но я сейчас вспомню. «...А вот его посадят». Наш полковник, который меня допрашивал, сказал: «У вас что, есть факты?» Я говорю: «Нет, фактов нет - интуиция». А он: «Интуиция - это, знаете, женское дело». Я говорю: «Нет. Литератор мог... (неразб.) И вот она мне подсказывает. Дайте ваш телефон, и когда это произойдет, я вам позвоню». Он мне дал телефон. Полковник Володин. Я оттуда уехал. И через три месяца это произошло: ребят из тюрьмы выпустили, а этого самого...

- Мочара?

- Да, Мочара. Его не посадили, но... Ну, в общем, когда их выпустили, я ему сразу позвонил...

- С Adamom Mihnikom Вы познакомились в 1968 году?

- Да. (перерыв в записи) Есть фотография с Адамом. Нет, не эта, это поздняя. Нет, это в Москве. Ну, в общем, я позвонил Володину. Там подошел какой-то мужчина. Я сказал: «Полковника Володина». Он ответил: «Таких у нас нет». Он мне дал просто какой-то другой телефон. Вот такая была история.

Но первая, с кем я познакомился из поляков, это была мать Кароля Модзелевского, Наталья Модзелевская. Мы с ней познакомились случайно. Я приехал для чего-то в Тбилиси. Это было в 1960 году, по-моему. И она оказалась там спольской делегацией. И мы там с ней познакомились. Она обо мне уже слышала. И мы стали очень большими друзьями. Потом была очень смешная история. Я поехал в Закопане. И вдруг мне говорят, что меня ищут какие-то молодые люди. Я вышел. Стояли два мальчика, юноши. И они сказали, что хотят со мной беседовать, что, вот меня знают. Начали говорить. Я увидел, что они очень революционно настроены - такие политические мальчики польские. Один блистательно говорил по-русски, другой не очень хорошо, но тоже. Они мне были очень симпатичны, и мы целый день провели вместе. Один из них был Кароль Модзелевский, а другой был Яцек Куронь. Так началась наша дружба... Ну, спрашивайте.

- Первый раз вас вызвали в КГБ в 1968 году?..

- Нет, в 70-каком-то - 1975 или 1978. Я помню, что это было на старой квартире. В 1978 году я переехал на новую, а это было до того.

- Когда в Польше уже действовала «Солидарность» и потом, при военном положении не было такого типа вызовов?

- Никто меня уже тогда не вызывал, я не представлял интереса в этом отношении. Но, в общем, конечно, мы следили за событиями очень взволнованно.

Потом иногда приезжал ко мне один человек, преподаватель из Гданьска, профессор молодой. Он приезжал ко мне, иногда привозил группы какие-то поляков молодых, студентов. И он со мной виделся обязательно, рассказывал о событиях в Гданьске, о Валенсе, который появился тогда. Это было. Но это было так, конечно, не систематически. Он делал со мной интервью. Я помню, что я говорил, что (слово неразборчиво) «Солидарности». Потом в Польше это по радио передавали. Вот.

- Если говорить о влиянии польской культуры, то что было для Вас самым первым...

- Я не могу сказать о серьезном влиянии польской культуры. Я помню, если не считать университетских занятий моих, когда мы касались польской классики, в последние годы мне попался Болеслав Прус. И я был очарован его вещами тогда, особенно «Фараоном».

Но я должен сказать, что не польская литература большое влияние произвела, а польская музыка.

- *А что именно?*

- Ну, хотя бы Шопен. И до сих пор.

- *А польское кино?*

- Польское кино тоже. В те годы особенно.

- *Если можно, расскажите о впечатлениях от каких-то польских фильмов?*

- Ну, так трудно мне сейчас говорить. Я не люблю говорить общие фразы, а конкретное из памяти уже стерлось... Я помню появление Вайды и его вещей. Все это, конечно, было замечательно. И другие режиссеры. Сейчас у меня вылетает из памяти. Но я помню, замечательный фильм был. Ах ты, черт, как же он назывался? ... Да, не помню сейчас...

- *А какой сюжет?*

- Это военное время. Очень известная актриса была в главной роли... Нет, не могу вспомнить. Помню, несколько раз смотрел его, и вообще, было много шума вокруг этого фильма...

- *Если не говорить об отдельных событиях или конкретных фильмах, то все-таки если можно... Можно ли это рассказать - «Польша - первая любовь»?*

- А первая любовь, представляете, что это значит?

- *Наверное.*

- Ну, вот так же было это. Это была первая страна, которая меня очень сердечно приняла и очень широко издавала меня, в отличие от Советского Союза. У меня там тогда было издано все уже, что я написал. А здесь была половина издана, даже меньше. Ну, как я мог относиться к стране, которая так ко мне относится? Я это запомнил. И потом было какое-то совпадение в судьбах - моей и польской. Что-то такое было (неразб.) в совпадении, которое я не могу проанализировать, не могу квалифицировать. Вот. (Пауза)

- *А что Вас привлекает в польском характере, если можно говорить о таком понятии? Это весьма условно все-таки. Что Вам нравится в поляках?*

- Чувства собственного достоинства... Которое прикрывается, может быть, гонором иногда, но оно глубокое очень. И это мне нравится. И это не так часто распространено. Поэтому ценно... И в отличие от нас, осознание своей свободы. Знакомство со свободой. Кровное. Потому, что мы не знаем, что такое свобода. Мы знаем, что такое воля. А у поляков это есть. И в этом искусство: ... (неразб.) А вы хоть знаете разницу между свободой и волей? Если говорить примитивно, воля - это делай, что хочешь. А свобода - это делай, что хочешь, но так, чтобы не мешать другим. Уважение к закону, умение понимать закон. А мы этого не знаем. Уважение к личности, чего у нас никогда не было. Государство мы уважали, а личность нет. И это дело многих лет, многих поколений. Это должно быть в крови. Сейчас у нас впервые в печати появилась фраза о том, что интересы личности выше интересов государства. Но это только фраза, только декларация. Психология наша совершенно иная, и нам нужно много лет, чтобы это осознать и жить по этому закону.

- *А этому можно научиться, Вы думаете?*

- Надеюсь, надеюсь. Я думаю, что обстоятельства заставят постепенно. Но на это должно много поколений пройти. Самый лучший учитель - обстоятельства.

- А здесь может быть полезен польский опыт? Можно ли говорить о значении польского опыта для России? Или, скажем, для Вас лично?

- Россия никогда не пользовалась чужим опытом. И даже собственным - никогда. Она плохо знает свою историю. Она всегда воспитывалась на победах, и никогда на поражениях. А поражения - это самые лучшие учителя. Но народ не виноват - так его воспитывали. То есть не «не виноват», но это он все создавал, это его специфика, его, как теперь говорят, ментальность. Он таков. Вот теперь вдруг выясняется, теперь вдруг, - мы всегда гордились победой Дмитрия Донского на Куликовом поле. Да? Мы говорили о том, что Дмитрий Донской разбил полчища татар. А теперь выясняется, что Дмитрий Донской действительно на Куликовом поле победил маленького татарского хана Мамая. Он его разбил, действительно. А через месяц татары пришли и сожгли Москву. А Дмитрий Донской бежал в неизвестном направлении. (Смеется) Конечно, это больно слышать людям, которые с детства привыкли слышать эту вот первую часть легенды. Но я думаю, что шок иногда помогает помниться, задуматься, перестать кичиться своим первородством.

- А у Вас никогда не было чувства превосходства, когда Вы были моложе?

- В детстве было. В детстве у меня было политическое чувство превосходства - красное. (неразб. одно предложение) Но потом это все быстро начало проходить.

- Многие из тех, с кем я беседовала, говорят о том, что у них было чувство превосходства перед польскими ревизионистами, потому что они были более посвящены в марксистскую догматику, чем поляки, которые отстранялись, иронизировали уже тогда, в 1956 году...

- Да, поляки относились, между прочим, ко всем этим политическим выкрутасам так же, как грузины. Я это заметил. Потому что в Тбилиси в этом смысле политически было легче жить, чем в Москве допустим. Россия это очень сурово все воспринимала, очень точно. Она всегда была склонна поддаваться всяким политическим влияниям, прессе. В Грузии несколько более легкомысленно к этому относились, поэтому легче было дышать всегда. И поляки тоже. Поляки тоже. Ну, во-первых, они видели перед собой Российскую империю, хоть и под красными знаменами, но все равно. И относились к этому, соответственно, как к очень опасному врагу, подавляющему их независимость. Вот так.

- А если говорить о том, как развивалось ваше отношение к Польше, что Вы можете сказать о своем отношении к польскому вопросу, к традиции?

- Когда я впервые попал в Польшу, я увидел, что это совсем другое государство. И это меня поразило. Многое мне было очень приятно. Я сравнивал. И там мне было приятнее, чем здесь. Вот и все. Я видел, что там есть что-то, что позволяет им нормально дышать, как-то жить, в отличие от нас. Мне было больно за нас, конечно. Но было приятно, что есть такая отдушина. Хотя поляков тоже зажимали и все это было. Но все-таки, там это воспринималось легче, чем у нас.

- Скажите, не было ли у Вас комплекса вины перед поляками? Если был, то когда он появился осознанно? Говорили Вы об этом когда-нибудь в Польше? Спрашивали они Вас об этом?

- Был, конечно, у меня был. Потому, что я гражданин этой страны, и как бы я не отстранялся, я все равно хоть и не явный, но соучастник всего этого. Конечно, был. Я думал об этом. И мои польские друзья это прекрасно понимали, и мы с ними это не обсуждали. Они прекрасно понимали мою позицию, мое отношение. А просто поляк мог бы мне сказать,

что вы русские, пришли и помешали нам нормально развиваться. Мог сказать. Но потом мне не хотелось путать советский режим с обществом нашим, с народом, так сказать. И у меня даже есть стихи, посвященные Даниэлю Ольбрыхскому, где идет разговор о том, что ... Такая полемика идет с некоторыми польскими националистами, которые с презрением отворачивались вообще от России, от русского языка, все это было для них отвратительно. Там в стихах идет разговор о том, что «язык не виноват». Я вам сейчас прочитаю это маленько стихотворение. (Не может найти)... Да, ну, давайте дальше.

- *Вы говорили о том, что поляки любят Вас...*

- Что значит «любят»? Есть какая-то группа, которая ко мне хорошо относится. Да.

- *Да, так. Но это же отношение было именно к Вам, персонально к Вам...*

- Нет, не ко мне, а к моей работе.

- *К работе?*

- Да. Это совпадало с их настроением.

- *Чувствовали Вы, что они все-таки боятся и не любят Россию?*

- Конечно. Да, конечно. И когда мы говорили на эту тему, всегда разговор заходил о том, что главное - это режим. Конечно. Но теперь я начинаю понимать, что режим - это тоже производная от народа, от общества, от специфики России. Потому что, например, если в Германии родился нацизм, в Италии - фашизм, то в России - большевизм. В этом ее специфика. Вот ее особенности.

- *Кроме вот этих стихов в последнем сборнике - посвящение Мандальяну и второе без посвящения - есть ли у Вас стихи, посвященные Польше?*

- Много у меня стихов таких.

- *И когда появились первые?*

- Первые появились в 1964 году. Так и пошло. Так что у меня много стихов о Польше.

- *Есть ли какие то песни и стихи, вызванные польскими ассоциациями, но где не обозначены явно польские реалии?*

- Вот посвященные Агнешке Осецкой... Например, оно начинается: «Мы связаны, поляки, давно одной судьбою. Когда трубач над Краковом возносится с трубою, Хватаюсь я за саблю с надеждою в глазах...» Да, это была одна из первых песен, посвященных Польше. Вот такое переплетение судеб. Конечно, видите ли, вот в отличие от России, в Польше было отменено крепостное право задолго до нас. И это сыграло очень большую роль. А у нас оставались рабами. Потом был маленький промежуток. Потом опять наступило рабство уже большевистское. Психология раба... Это очень печально, конечно. От этого сразу не избавишься.

- *А комплекса неполноценности у Вас не возникало? Если да, то, как Вы это переживали?*

- Нет, Вы знаете, у меня лично не было. Лично у меня. Может быть, потому что мне повезло в жизни, и я имел возможность - плохо или хорошо - это не мое дело - но выполнить свое предназначение. Поэтому у меня этого не было. А вообще это, конечно, национальная болезнь - комплекс неполноценности и знаменитая совершенно, и воспеваемая неприхотливость русского народа. Это одна из причин наших бед... Как сказал когда-то Чайковский, главная беда России - это ее география. Эти громадные пространства, разные климатические условия... А я думаю, что не менее главная вот эта пресловутая неприхотливость русских, которую мы воспевали, не понимая, что мы делаем. А

неприхотливость - это неимение нормального опыта жизни, не стремление достойно существовать, а способность радоваться маленькому кусочку хлеба и считать, что это уже все, лишь бы был этот кусочек, и ничего больше не надо...

- *Если говорить о попытке дефиниций, то, как можно определить роль Польши для России?*

- Что такое «дефиниция»?

- *Определение. Ну, например, Польша для России - «перекресток», «полустанок», «транзит на Запад»...*

- Ну, это географически так сложилось. А в другом смысле я даже не понимаю, что это. Я не понимаю... Польша всегда была для меня страной великой, в отличие от, допустим, Болгарии. Потому что Польша многое создала и внесла в мировую культуру, очень многое. Я не знаю даже, что сказать в этой связи... Чисто географически наверное, только.

- *А Вы знаете польский?*

- Нет. Но я понимаю в общем, если несложная речь, то понимаю.

- *А в Польше говорите на русском с друзьями?*

- На русском, да. И они сами говорят со мной на русском.

- *А Вы никогда не читали польскую прессу?*

- Нет.

- *Были периоды, когда она была важным источником информации.*

- Если это было важно, то я читал переводы.

- *В самиздате?*

- Конечно.

- *Из польских поэтов кто для Вас важен?*

- Ну, видите, особенно оценивать польскую поэзию мне сложно, не зная языка. Я не люблю, когда и меня оценивают, не зная русского языка. Это не серьезно. Ну, некоторых поэтов я знал понаслышке, некоторых поэтов я знал как прекрасных поэтов, потому что о них говорили люди, кому я верил.

- *Это кто?*

- Ну, мало ли. Тоже поэты, мои знакомые. А некоторых поэтов я читал в прекрасных переводах. И хотя я знаю, что переводы всегда несовершенны, но все-таки я профессионал, поэтому я даже в плохом переводе вижу хороший поэт или нет.

- *А какие из последних переводов Вам известны? Никого не знаете из современных поэтов?*

- Нет, современные нет. Современную я и русскую плохо знаю. Знаете, сейчас в моде очень модерн. А я человек старомодных пристрастий. Поэтому я с небольшим интересом ... (неразб.) этот период.

Я люблю традиционный стих, рифмованный, ритмически организованный, хорошо, если еще и рефрен есть.

Вот. Я, например, никогда не любил Уитмена. Хотя я понимал, что это большое явление, но это совершенно мне было неинтересно. И, например, среди наших поэтов больших, таких как Ахматова и Цветаева, мне всегда была очень близка Ахматова. А Цветаева была претенциозна, хотя у нее есть несколько прекрасных и близких мне стихотворений, но в принципе она не мой поэт.

- А если выбирать из Мандельштама и Пастернака, то кто Вам ближе?

- Пастернак ближе, хотя оба прекрасны и я и того, и другого очень люблю. Пастернак ближе, может быть потому, что я с ним раньше познакомился. Как-то вlip в него с юности. Потому что я был очень темный мальчик. В смысле поэзии. Но когда я вернулся с фронта и уже писал стихи, моими самыми любыми поэтами были Сурков и Долматовский. Да. Я Пастернака не читал. А потом я попал в какую-то среду молодых литераторов, очень образованных. И я прислушался и услышал фамилию Пастернак. Достал его книгу, читал и ничего не понимал. Но все-таки я слышал восторженные разговоры и заставлял себя. И вдруг проник. И заболел. И стал писать под него. Когда он приехал в Тбилиси, это было в 1948 году, я пробрался к нему в гостиницу. И он меня принял. Я был студент университета тогда. И я сказал, что я пишу стихи и хочу ему почитать. Он предложил мне читать. Я читал - он совершенно смотрел в другую сторону, не то в окно, не то еще куда-то. Теперь я понимаю, что я читал ему плохие стихи, под него написанные. Его это мало интересовало. Потом мы говорили на другие темы, о моих стихах он ничего не сказал.

- А из польских поэтов, которые переводили Ваши стихи, кто Вам наиболее близок?

- Мне трудно опять сказать. Но все сходилось на нескольких фамилиях: на Федецком, на Домбровском, на Мандальяне, на Ворошильском. Федецкий, например, переводил одно мое стихотворение. У меня была такая песенка о старом больном короле, который отправился воевать в чужие страны. И он даже улучшил мое стихотворение, потому что у меня там была фраза: «Врага мы побьем и с победой придем и „Ура!”»... Федецкий перевел ее так: «Врага мы побьем и с победой придем и вообще „Ура!”»... Федецкий прекрасно перевел мою первую повесть. Потом романы переводил. И в общем, хорошо или плохо, не мне судить, но эта повесть была переведена очень хорошо. Потом ее поставили в театре, играли на телевидении. В главной роли был этот... У меня что-то запоминающее устройство стало отказывать совсем... Актер был такой замечательный и сейчас есть, правда о нем говорят, что он себя не очень хорошо вел в годы «Солидарности», но актер он замечательный... А! Войцех Ща... (неразб.) Он замечательно играл главную роль.

- Иrena Левандовская говорила мне, что она перевела Вашу книгу для детей, которая скоро выйдет?

- Может быть. Мы недавно говорили с ней. Она собирается роман мой последний переводить для краковского издательства. Должен был Федецкий переводить, он хотел. Но издательство сказали: «Ой, нет. Вы знаете, если мы свяжемся с Федецким, то это будет так долго. Лучше мы с Иреной Левандовской.»

- А Вы не собираетесь в Польшу в ближайшее время?

- Нет, меня никто не приглашает...

Москва, запись 5 декабря 1994 г.

Неплохой финиш короткого столетия

**Интервью А. Павлючука с проф. Янушем
Тазбирем**

НЕПЛОХОЙ ФИНИШ КОРОТКОГО СТОЛЕТИЯ

Интервью Анджея Б. Павлючука с профессором Янушем Тазбирем

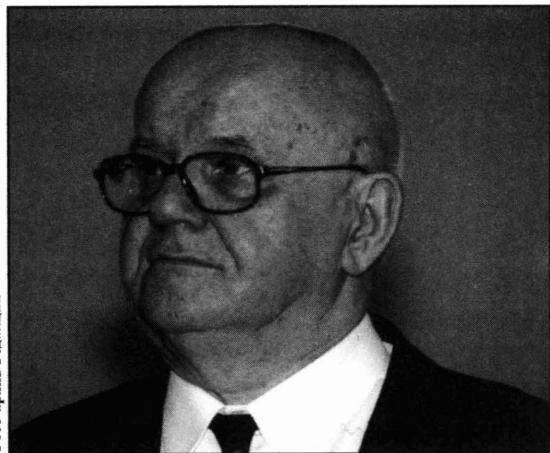

Фото-архив Редакции

Януш Тазбир (1927) – профессор истории, член Польской Академии Наук. Автор десятков научных и научно-популярных трудов, главным образом по истории Польши XVI-XVII веков. В своей публицистике Януш Тазбир анализирует современность через призму исторических событий.

- Исследователи романтизма говорят, что XIX век был “столетием поляков”. А что можно сказать о веке уходящем? Каким он был для поляков и для Польши?

- Я бы сказал, что это было столетие больших надежд и еще больших разочарований. Не припомню случая, а уж в польской истории, несомненно, такого не было, чтобы какой-нибудь народ в течение одного столетия дважды обретал независимость и дважды ее терял. Надежды были связаны с обретением независимости, а разочарования – с тем, что принесла эта независимость, сначала – после 1918 года, потом – после 1989-го. Если бы история не была школой с пустыми партами, если бы люди действительно извлекали из нее уроки, они бы знали, что обретение суверенитета, возвращение на политическую карту Европы само по себе еще не решает всех проблем: оно не даст ни благосостояния, ни подлинной демократии, не приведет к немедленному возникновению зрелой политической элиты. Все это приходит только со временем.

Закрывая XX век, мы должны признать, что он дал нам большой плюс. Можно смело сказать: этот плюс в том, что мы избавились от так называемых кресов, то есть, окраинных восточных земель. Если бы в 1945 году провели плебисцит, 80 % поляков были бы за то, чтобы вернуться к старым границам. А теперь? Вы представляете себе, что могло бы произойти, если бы восточные „кресы“ со Львовом и украинцами остались польскими, а под боком у нас оказалось независимое украинское государство с ракетами и ядерным оружием?

- Была бы еще одна Югославия?

- Если не хуже.

- Выходит, Сталин нас облагодетельствовал?

- Нечаянно, нечаянно, но, разумеется, облагодетельствовал. Как историка, меня вот что всегда изумляло. Я не знаю другого примера в истории, чтобы какое-либо государство, будучи членом коалиции победителей, несмотря на это, завершило войну, потеряв часть территории. Однако с

другой стороны, эта утрата позволила нам освободиться от дилеммы восточных земель. Весь XIX век мы не понимали, что украинцы, а еще больше - литовцы, вовсе не желают жить вместе с нами в доме, который мы построим, когда прогоним захватчиков.

Говорят: история - учительница жизни. Но разве поляки научились хоть чему-нибудь на примере своей борьбы с пруссаками? Ведь мы боролись через кооперативы - точно так же, как потом украинцы с нами, в 20-е годы нашего века. Когда-то мы осуждали пруссаков за то, что под их властью не было поляков-судей, поляков-учителей, поляков-полицейских. А я два года жил с родителями на Волыни, там было 80% украинцев, но я считал естественным, что полиция, администрация, армия - всё это польское. И не только я так считал. Воеводой был тогда Генрик Юзефовский; он проводил весьма либеральную политику по отношению к украинцам и под нажимом крайних был 1 мая 1939 г.мещен с должности. Чиновничество ликовало: наконец-то мы этим украинцам покажем! Проходили тайные совещания руководства Корпуса охраны границы и министерства внутренних дел, речь шла о том, чтобы выселить украинцев из пограничной зоны.

- Как ненадежный элемент?

- У чиновников, конечно, были аргументы. Но в то время политика по отношению к украинцам и белорусам была страшно близорукой. И все же есть наша заслуга в том, что эти земли стали впоследствии украинским Пьемонтом, мы ведь не проводили массовых чисток и не ссылали в лагеря, как это происходило на советской Украине.

Ключ к нашим будущим отношениям - в том, будет ли Украина и дальше стремиться к суверенитету и окончательному разрыву с Россией, или там возьмут верх те же настроения, что в Белоруссии. Если они возобладают - горе нам. В одиночку нам не справиться.

- Вы не верите в добрые намерения русских? В их декларации и уверения в том, что Россия отказалась от имперских притязаний на "близкое зарубежье"?

- Я ведь смотрю на современность как историк и знаю, что в прошлом Россия неоднократно подписывала трактаты и договоры о "вечном мире", а потом начинала "справедливые войны", поскольку через какое-то время оказывалось, что эти трактаты и договоры были... гм... не совсем справедливы. Ведь что такое Россия? Часть народа просто хочет благосостояния, и только, другая же - по-прежнему верит в миссию своей страны. Как-то я беседовал с людьми из определенного круга русской интеллигенции, и меня поразило то, что они думают. Они считают, что заслуга России - спасение европейской культуры. Мы думаем, что были крепостной стеной, заслоном Запада, а они утверждают, что спасли Европу от татарского и турецкого потопа. А кроме того - взяли на себя тяжелый опыт коммунизма и вторично спасли Европу, подтвердив страданиями собственного народа, что это была преступная утопия. И за это Европа должна быть им благодарна. Это у них распространенное мышление - как среди интеллигенции, так и в политических сферах. Поэтому я полагаю, что в России существуют силы, которые не прочь продолжить политику Петра Великого, то есть - пробиться обратно к морям: Черному и Балтийскому. В тот раз пробивались долго, теперь это может произойти молниеносно. Национальное сознание и амбиции меняются не так скоро, как хотелось бы некоторым российским независимым газетам.

- В таком случае, не следует ли нам радикально изменить свою восточную политику?

- Глядя на ситуацию в долгосрочной перспективе и не вдаваясь в детали, можно сказать, что наши важнейшие требования к России пока выполнены. Другое дело - вопрос о том, произошло ли это независимо от нас или в этом есть некое наше участие.

- А в чем сегодня должна состоять роль Польши в этой части Европы?

- В том, чтобы облегчить нашим восточным соседям адаптацию к европейской общности. Об этом уже говорил Брюкнер: европеизация России, начатая Петром Великим, в то же время означала конец полонизации России. Не секрет, что с 1945 до 1989 года мы были для России окном в

Европу. У нас шли западные фильмы, издавались переводы французской и английской и американской литературы, происходили выставки современного искусства, и потому так много русских изучало польский язык. Теперь они сами вступают в прямой контакт с английской, французской, немецкой культурой. Однако наша роль может по-прежнему быть значительной при условии, что в нас пробудится интерес к русской культуре и мы избавимся наконец от ощущения своей исторической миссии - будто бы мы несем русским высшие формы цивилизации.

Мы должны также решительно выбить у себя из головы, что мы якобы - некая крепостная стена. Нам нельзя разделять великие утопии папства о том, что главная цель вероисповедной политики на востоке - обращение в католицизм атеистов и православных. Пора отказаться от мечты о католической мессе на Красной площади. Мы должны преодолеть комплексы прошедших лет, когда русская культура ассоциировалась у нас с чем-то безумно скучным и схематичным.

Любопытно, что в ответ на польские фобии русские придумали очень смешную теорию, на которой лежит отблеск исторической теории заговоров. А именно: они утверждают, что главной целью католицизма было, и остается, сокрушение православия. Неправда! Это одно из сокровенных желаний Рима, но уж конечно, не главная цель. Но если мы просмотрим русские учебники второй половины XIX века и советские учебники 30-х годов нашего века, по этому вопросу нет разногласий. Мы, мол, русские, такие важные, что для них - для запада - главная цель - уничтожить нас и нашу страну. А это, конечно, нонсенс.

- Не в этой ли великорусской мании величия коренится навязчивая идея нынешних российских властителей, что все вокруг покушаются на Россию, жаждут ее уничтожить, окружают с гнусными намерениями?

- Думаю, хотя и не очень понимаю причины такого мышления. Западная Европа интегрируется, но этому сопутствует ужасающий взрыв национализма - в Бельгии, в испанской Стране Басков, в Ирландии, Бретани, не говоря уж о бывшей Югославии. Там, выходит, нет проблемы утраты национального самосознания. Кстати, и среди поляков после третьего раздела Польши раздавались голоса, что им грозит утрата национального облика (след этого остался даже в нашем государственном гимне: "bedziem Polakami" - „будем поляками"), словно потеря государственности вела к тому, что поляки перестанут быть поляками, а польский язык и культура погибнут. Поэтому так долго сохранялся у нас (а в католической церкви сохранялся в Польше и по сей день) комплекс осажденной крепости: отовсюду угрожают тайные враги, а тайные враги - еще хуже, чем явные.

- Неужели с запада нам никто не грозит? Лет через десять-двадцать, когда Германия вновь ощутит силу, которая ее уже распирает, не захочется ли она протянуть руки к нашим западным землям - своему восточному пограничью?

- Не думаю, потому что в Европе национальные проблемы будут играть все меньшую роль. Разумеется, нельзя исключить, что подобно тому, как это уже было когда-то, в Германии произойдет великий спад, начнется кризис, родится новый Гитлер и т.п. И все же в нынешней ситуации это представляется весьма маловероятным. Тем более что Запад сделал два вывода из успехов Гитлера и Сталина: во-первых, недопустимо положение, когда поглощаются отдельные государства и на это нет никакой коллективной реакции (отсюда - НАТО); а во-вторых, следует исключить неожиданные, внезапные нападения.

На XX век пришли две мировые войны и массовое уничтожение народов в невиданном прежде масштабе. Если можно завершить этот век оптимистическим - несмотря ни на что - акцентом, то потому, что после 1945 года все же не вспыхнула атомная война. Правда, нам грозят другие бомбы: экологическая и демографическая. Но, быть может, мы сумеем и их разрядить?

Александр Липатов

Не домашний это был спор

Александр Липатов

НЕ ДОМАШНИЙ ЭТО БЫЛ СПОР

Липатов Александр Владимирович (род. в 1937 г.) - полонист, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор Р. Г. Гуманитарного Университета. Автор многих публикаций, в частности, трех книг: "Возникновение польского просветительского романа", "формирование польского романа и европейская литература (средневековье, возрождение, барокко)", "Литература в кругу шляхетской демократии". Постоянно публикуется в журнале "Славяноведение".

Русские и поляки близки друг другу географически. Русские и поляки приговорены к близкому соседству исторически.

Русские и поляки сближены самой своей общей славянской родословной, общими истоками языка и культуры.

Наконец, русские и поляки спаяны принадлежностью к общей цивилизации, которая возникла на основе универсальных ценностей христианства.

А при этом и вопреки этому между русскими и поляками издавна пролегает полоса отчуждения.

Не пришла ли пора разобраться в этом онтологическом парадоксе, понять этот этно-исторический оксюморон?

И именно теперь, когда на наших глазах строится общеевропейский дом и европейцы, не без упорного, кропотливого и длительного труда, внутренней напряженности, разумной взаимотерпимости и взаимоочищающегося осознания собственных вин, освобождаются от шовинистического атавизма, националистических шор, агрессивных стереотипов государственно-идеологической исключительности и конфессиональной несовместимости.

В этих общих, межнациональных, усилиях реализуется светская идея эпохи Просвещения о равенстве и равноправии всех народов и рас.

Без этих ценностей - светских и конфессиональных – строительство общеевропейского дома неминуемо уподобится возведению вавилонской башни.

Нынешние русские и поляки, дабы войти в современную Европу и принять участие в ее обустройстве, должны, преодолев духовно и интеллектуально - разделяющую их полосу отчуждения понять друг друга. А это значит: осознать основы универсальные (православие - католичество восточное и западное составляющие европейское целое) и основы национальные (традиции и характер государственности, облик культуры и общественный менталитет) двух народов. Понять значит не только - как гласит древняя мудрость -

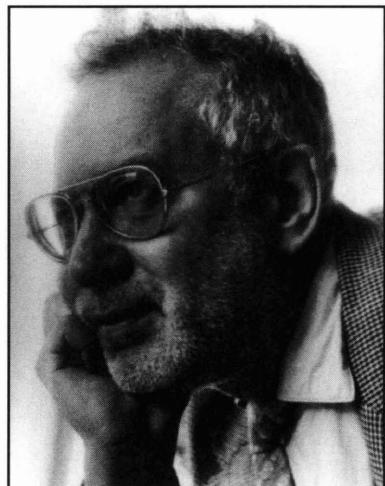

Фото Bohdan Majewski

„простить”, но также и уважать, ценить, сочувствовать. А это уже порождает взаимность. Без нее нет ни межнационального сотрудничества, ни наднационального европеизма.

Пути к сближению народов открывает наука - та, которая без национального или идеологического прилагательного. Национальной или идеологической может быть только дурость. Истина же одна и едина для всех.

Поэтому-то одна и едина для всех наука, стремящаяся к ее постижению.

Именно такая наука сближает ученых разных национальностей и способствует сближению их стран.

На излете XX в., который вписался в историю двумя мировыми войнами, существенно расширился тот круг политиков, которые мыслят категориями новой современности. Поэтому-то растет надежда, что усилия ученых не будут ограничены стенами кабинетов и аудиторий (не говоря уже о колючей проволоке).

Понимание прошлого окажется более углубленным и многомерным, если его очеловечить и наряду с фактами политики, идеологии, социологии и т. д. ввести то, что придавало им плоть и кровь, образуя новые измерения: менталитет - национальный и личностный, связанные с этим стереотипы восприятия, самоидентификации и культуры, а также общественная память.

Предлагаемые размышления - лишь подступ к протяженной во времени и исторически меняющейся сущности и особенностях русского восприятия польскойости.

В далеком прошлом Российской империи, в недавнем прошлом СССР в настоящем России, которая именует себя демократической, отношение к Польше и полякам исходило из русского самопонимания народа и личности, русского самоосознания потребностей своего государства и его подданных. Отсюда непрекращающаяся череда конфликтов, обид, претензий и недоразумений.

На уровне общественной памяти это обрело отражение в стереотипе „неблагодарных поляков”. Времена Российской империи: „неблагодарные поляки” - получили после Венского конгресса от Александра I конституцию, о которой сами русские и не мечтали, а ответили на это восстанием 1830 г.

„Неблагодарные поляки” - Россия оградила их от их же собственных внутренних и внешних - неурядиц, а они ответили восстанием 1863 г.

Времена советские: период Второй мировой войны - „неблагодарные поляки” - мы им помогаем создать армию для совместной борьбы с Германией, а они нас покидают (уход армии Андерса из СССР после открытия немцами массовых захоронений польских офицеров в Катыни).

„Неблагодарные поляки” - мы их освободили от немецкой оккупации а они в нас стреляют (последний год войны и первые послевоенные годы).

„Неблагодарные поляки” - мы им помогаем строить социализм, последнее от себя отываем, чтобы им жилось лучше, а они бунтуют (период с познанских событий 1956 г. по эпоху Солидарности).

Времена нынешние: „неблагодарные поляки” - мы с ними Восток Европы, мы с ними славяне, а они отвернулись от нас к Западу и устремились в объятия НАТО.

Чтобы понять эти польские „странныости”, нужно не только посмотреть в зеркало на себя, но и попытаться увидеть других не сквозь призму своих собственных представлений,

своих собственных устремлений, своих собственных интересов, но и сквозь призму **польских** представлений, **польских** устремлений, **польских** интересов, предварительно осознав что не только мы, но и любая другая нация и страна имеют право на собственное обустройство, соответствующее их собственному (а не чужому) менталитету, за которым стоит своя историческая, своя национальная и своя культурная традиции, которые и обуславливают свои особые национальные потребности.

Такая попытка увидеть других не через себя ведет к преодолению национально-идеологических стереотипов, которые сложились на протяжении прошлой истории. Тем самым этот новый подход будет способствовать не только объективному пониманию самих себя, но одновременно и тех, с кем необходим диалог на языке европейской современности. Этот путь к самим себе, а тем самым и к другим - тернист, ибо прошлое довлеет нашему сознанию не только инерцией традиционных государственных идей, но и притягательной силой национальных гениев.

„Клеветникам России” - патриотический ответ Пушкина Европе, возмущенной жестоким подавлением восставшей Польши. Великий русский поэт выступает как человек своего времени: русский патриот, что вполне естественно; российский государственник, что вполне закономерно. Это характерная черта не только России и русских XIX в.(Чаадаев был исключением - он слишком опережал свое окружение и свое время, отчего и был объявлен сумасшедшим). Это тип мышления того прошлого, в котором мы задержались, и которое теперь тянет нас назад - к временам государственно-националистического противостояния, державно-идеологических претензий на диктат не только внутри, но и вне своих границ. Теперь, после трагического опыта Второй мировой войны, когда на западе Европы возобладало осознание наднациональной общности национально дифференциированного человечества, а отсюда и понимание всеобщности человеческих интересов, такая, обращенная в прошлое, российская политическая мысль не может не вселять опасений не только западноевропейцам но и тем, кто испытал ее на себе как часть социалистического лагеря или как часть СССР.

Спор с Польшей никогда не был „домашним” (как утверждал поэт), ибо славяне, будучи одной из этно-генетических общностей Европы (наряду, например, с романской, германской, угро-финской) никогда не были государственной либо конфессиональной целостностью. С принятием христианства. они постепенно разделились как в плане конфессионально-культурном, так и государственно-политическом, составляя с соответственно более йм близкими по религиозному (а не этническому) мироощущению этносами Византийский и Латинский круги европейской цивилизации. Поэтому-то русско-польский конфликт - вопреки утверждениям Пушкина - не был и „семейной враждой”. Отраженные в пушкинских строках притязания России на особую роль среди славян (входивших в разные geopolитические пространства Европы и отождествляющих себя с разными кругами европейской культуры) были связаны с государственно-политической доктриной империи и служили исключительно ей. Именно здесь корни конфликта России не только с католической Польшей, но и, например, с православной Болгарией (что последовало вскоре после обретения ею независимости вследствие русско-турецкой войны), не говоря уже о православной Украине, которая в XVII в. добровольно присоединилась к России, а в следующем столетии была лишена всех прав, в том числе права на издания на родном языке.

Польша, разделенная Австрией, Пруссиеи и Россиеи, никогда не считала их своим новым домом. Это осознавала и Западная Европа, конфессиональной, культурной и геополитической частью которой было пространство Речи Посполитой. Поэтому-то польский вопрос оставался одним из невразличных пунктов европейской политической жизни на почти полуторавековом протяжении бытия поляков без Польши. И не случайно, что одним из важнейших последствий Первой мировой войны было возрождение польской государственности, как отнюдь не случайно и то, что вторая мировая война была вызвана нападением Германии именно на Польшу, которая имела гарантии безопасности со стороны Великобритании и Франции.

Преемственность имперско-патерналистской доктрины России в отношении славянства отразилась в советской политике после ялтинского договора, когда началось насильственное устроение „социалистического лагеря”, превращая освобождение от Германии в некий вариант новой оккупации. Во времена же „реального социализма” - после подавления „Пражской весны” - эта преемственность обрела исторически очередной облик в так называемой брежневской доктрине ограниченного суверенитета социалистических стран, которую сполна ощутила на себе и ПНР. Появление этой доктрины и ее обоснование в государственных документах и средствах массовой информации дает богатейшую иллюстрацию, к исторически очередному - „социалистическому”- воплощению живучего и живущего стереотипа российской великодержавности и имперского менталитета российской элиты власти - независимо от исторического времени и государственного устройства.

Преемственность политики СССР в польском вопросе после большевистского переворота отразилась как в постоянной антипольской пропаганде, где место „кичливого ляха” занял „пан”, так и в новом разделе стран, которую в сентябре 1939 г. осуществили Гитлер и Сталин, спровоцировав Вторую мировую войну. Прозвучавшая тогда по поводу вновь уничтоженной Польши фраза наркома иностранных дел Молотова - „ублюдок версальского договора” - всего лишь продолжение давней оправдывающей разделы Речи Посполитой концепции российской и германской официальной историографии о неспособности поляков к собственной государственности.

Этот великодержавный российско-германский стереотип поляки разбивали восстаниями XIX в. и 1905 г., завоеванием и провозглашением собственной государственности 11 ноября 1918 г., а во времена немецкой оккупации - созданием феномена „подпольного государства”. Наступление Красной Армии несло полякам освобождение от гитлеризма и одновременно насаждение сталинизма. Отсюда новое сопротивление и полоса борьбы, порой квалифицируемая в историографии ПНР как „малая гражданская война”. И вновь, хотя и на новый лад, звучит это пушкинское „кичливый лях”.

А что если теперь - с дистанции времени - взглянуть нам на этого „ляха” не с точки зрения наших национально-государственно-патриотических стереотипов?

Это были те самые пушкинские „кичливые ляхи”, которые в освобожденной Варшаве устроили символическое погребальное шествие, неся пять гробов в память казненных декабристов. Это были те самые „кичливые ляхи”, которые на знамени восстания написали, обращаясь одновременно к русским и полякам, „За Вашу и нашу свободу”. И по-рыцарски самоотверженно и благородно „Вашу” поставили перед „нашу”. Уже одним этим „кичливые ляхи” провозглашали, что восстают не против пушкинского”верного росса”, а против той Российской государственной машины и той деспотичности, которой пять лет до

этого противостояли друзья Пушкина на Сенатской площади. И, наконец, среди „кичливых” поборников этой идеи был воссоздавший мучения поляков, жестокость царского режима и бездушие его сатрапов польский поэт, до этого заточенный, потом судимый и высланный в глубь России, где сблизился с Пушкиным, обрел русских друзей (а среди них и будущие декабристы). Позднее он воспел столь близких ему пятерых казненных, да и самого Пушкина в лирико-драматической поэме „Дядьки”, которая стала библией польского романтизма и гимном польского патриотизма. Этот поэт, познавший Россию изнутри, разделял русский народ и российскую власть. У него столько претерпевшего от имперских сатрапов, не найти ни одного оскорбительного слова или даже оттенка пренебрежения к русским как нации. Есть боль за нее. Есть глубокое уважение к ее талантам, искренняя симпатия к русской душе... И тревожная мысль: что ожидает этот народ? Что ему суждено свершить?

Таков в отношении русских и России Мицкевич. Это же свойственно крупнейшим художникам польского романтизма - трагичной и героичной эпохи - Словацкому, Красиньскому, Норвиду, Шопену, которых жестокий режим лишил Родины.

... Такие вот „кичливые ляхи”... Подавленный, униженный и лишенный собственной государственности поляк не превращается в покорного подданного чужой империи, раба чужого ему абсолютистского режима - чужого по сути и духу - в силу традиций шляхетской демократии и взаимосвязанного с нею национального менталитета. Поэтому-то гордый своей историей и культурой, сохранив и отстаивая вопреки чужому режиму свое гражданское общество и присущее ему чувство внутренней свободы, поляк не только не склоняет головы, но и восстает, постоянно сражается за свою польскую самобытность: Т.Костюшко, Я.Х.Домбровский, Ю.Понятовский, наконец, герои и мученики ноябрьского восстания 1830 г. - это только то, что было на памяти поколения Пушкина.

Поляки сражаются самоотверженно „За Вашу и нашу свободу” не только в Польше, начиная с самого Костюшко - героя борьбы за независимость северо-американских Штатов. Сражаются упорно: от победы к победе - за пределами Польши, и от поражения к поражению на польской земле. А при этом их не ослепляет ненависть, не

Владимир Блинков

**С КАКОЙ НОГИ
ВСТАЕТ ВАРШАВА?
Заметки о «польском
менталитете»**

Во времена «железного занавеса» Польша была для многих из нас «окном в Европу». Варшаву, как первую любовь, не забыть...

«Ванда чита, а Ирэна слуха»

Любовь возникла с первого взгляда на глянцевитый номер «Польши», купленный в аэропокзальном киоске с целью скрасить рейс. В журнале оказался урок польского языка. «Ванда чита, а Ирэна слуха», - было немедленно прочитано по слогам. И с тех пор Ванда, Ирэна и их московский гость аспирант Владек вошли в мою жизнь надолго. Наверно, навсегда.

Однако еще несколько слов о счастливых студенческих летах с многоцветным, как «цыганские кибитки» в польском шлагере тех лет, бытием. Продолжением «случайного знакомства» стал приобретенный в книжном магазине «Дружба» на улице Горького учебник Станислава Кароляка и Дануты Василевской. Перебрав за свою не короткую жизнь с полдюжины самоучителей, настраиваю - этот лучший.

Составленный из десятка тетрадок в тугой картонной обойме, он как нельзя лучше приспособлен к освоению в нашей суетной жизни.
Проверено: на метро от Моховой до Воробьевых гор можно проштудировать целый текст. Толковая транскрипция, возможность обратного перевода, иронические рисунки. И ... отсутствие тягомотной грамматики. То есть, она присутствует, но столь деликатно вкраплена в «примечания», что ее как бы нет вовсе. Полная противоположность немецкому конструктивизму, заставившему нашу «журфаковскую дружину» изрядно попотеть.

Кстати, о немцах. Недавно по Польскому радио передавали интервью с собкором берлинской газеты. Оказалось, что он покорен «импровизационным даром» и толерантностью поляков. Солидарен с ним: невыносимая тяжесть бытия растворена здесь в «примечаниях», уважительных мелочах, делающих жизнь вполне сносной.

Для доходчивости: здесь, за очень редким исключением, не рявкнут «А ну, вылезь!», как хамоватый таксист на героиню Барбары Брыльской (на Новый год «Иронию судьбы...», наверняка, покажут вновь). В польской дублированной версии эта непонятная озлобленность

сжигает горечь, не сламывает поражение. Ибо это „За Вашу и нашу...” отражает широту их мысли и глубину их чувства, когда польская свобода видится как часть общего дела. Поэтому польский патриотизм в романтические времена обретает облик польского мессианства.

Так кичливость ли это или свободолюбие, непокорность чувства собственного достоинства, гордость своей историей, культурой, государственной традицией, а в конечном итоге - несломленность национального духа и его устремленность к всеобщности - человеческой и человечной?

Пушкин выступает как подданный своего государя. Пишет так, как должен был писать поэт-патриот своего времени и своей страны. Мы же с перспективы, которую дает двухтысячелетие христианства и связанная с ним европейская цивилизация, имеем возможность установить подлинные пропорции „своего” и „чужого”, а устанавливая их, способствовать адекватному пониманию поляков, а тем самым - и самих себя.

Истина наднациональна, ибо одна и едина для всего человечества. Постигая ее, наука выходит за свои академические пределы, способствуя взаимопониманию, а тем самым - сближению народов.

Польша - не только внешняя, но и внутренняя составляющая российской истории. Поэтому-то для нас постижение польской - это и более глубокое понимание russкости.

После 1795 г. значительная часть поляков, лишенных Польши, оказалась в границах России. Тем самым бытие нации оказалось включенным в систему координат иного типа государства. Условия и условности, создаваемые самими поляками, сменились условиями и условностями, создаваемыми помимо них для них.

Военные победы, силовые нажимы и бесцеремонное вмешательство во внутреннюю жизнь Речи Посполитой - то, что со времен Петра I приносило мгновенные результаты, выработало убеждение, что такого рода действия и приемы будут результативными также и на длительный срок в совершенно иной сфере - в системе управления захваченными польскими территориями и подчинения поляков совершенно иной по своему типу государственности. Главный и живучий (ибо продолжавшийся вплоть до первой мировой войны, а затем и во времена „реального социализма“) просчет заключался

в том, что не учитывался менталитет поляков. Их можно было победить в войне, но невозможно покорить. Они не поддавались нажиму не только духовно, но и характерологически. Насилие не подавляло, а распаляло их духовное упорство и провоцировало их физическое сопротивление. Их нельзя было интегрировать в другой круг культуры, ассимилировать идеино, а тем более - конфессионально, ибо за ними стояла не только богатая история самостоятельного и притом великодеревянного существования в геополитическом пространстве Запада, не только особая и общепризнанная роль его форпоста и одновременно восточного авангарда католической церкви и латинской культуры, но и особая, собственными усилиями созданная, а затем (в соответствии с закономерностями обратной связи) воспроизводящая, питающая и развивающая нацию, ее самосознание и менталитет, система шляхетской демократии.

Шляхта, создавшая притягательный (уже с XVI в.) также и для других социальных слоев тип национальной культуры, была нетерпима к любому нажиму своей государственной власти. Какой же эмоциональный, нравственный и социальный протест вызывало у нее посягательство на свой кодекс чести, убеждения и сам неотрывный от них образ жизни со стороны чужой и по духу чуждой власти государства, уничтожившего Речь Посполитую?!

Дифференцированная и в перспективе времени результивная политика России в отношении народов, принадлежащих к разным кругам культуры, оказывалась - как это ни парадоксально на первый взгляд - нерезультивной в отношении славян-поляков и украинцев. Этническое родство как бы провоцировало нивелирование (естественно, разное, в разной степени и в разных плоскостях реализуемое по отношению к православной и униатской Украине и католической Польше). Политическая и психологическая нетерпимость к национальной самобытности вырастала из этнической близости. В случае поляков и русских - это общие славянские корни, историческое соседство, экономические, культурные и матримониальные связи со временем Древней Руси и Польши Пястов с одной стороны, и разный исторический выбор с другой: Византия и Рим, православная соборность и католический персонализм, абсолютизм и

смикирована: «Попрошу выйти».

«Во, блин, цацки!», - удивится отечественный «митек». И будет не прав: именно из таких мелочей, а точнее, нюансов, и складывается наша жизнь. Либо не складывается, несмотря на непрерывное «преодоление кризиса».

Сознавая, что киношный таクист «мелко плавает», сошлюсь, пожалуй, на наблюдения в ином общественном срезе.

Ленч с президентом

Однажды я сподобился быть приглашенным на ленч к польскому президенту. Жизнерадостный, упитанный (постоянно обещает соотечественникам в «ближайший месяц» похудеть, но почему-то не худеет), молодой, Александр Квасьневский за трапезой не забывал и о деле.

В ту пору Польша на всех парах мчалась в НАТО, и во время десерта президент извлек из кармана небольшую книжицу - молитвенник на английском языке, предназначенный для распространения в войске Польском. (Польский президент, как это водится и в других странах, является Главнокомандующим вооруженных сил).

«Англоязычное» подкрепление воинского духа рассмешило одного из журналистов, поиронизировавшего вслух. Глава Польши ответил тем

же, обращаясь к собеседнику на «ты». Тот, недолго думая, тоже перешел на «ты». Интересен, однако, финал пикировки. Президент упрятал книжку в карман, миролюбиво приговаривая: «От греха подальше». И ленч «потек» дальше.

Два года назад командные высоты в правительстве и парламенте заняли победившие на выборах правоцентристы. А в нынешнем году вступил в силу Закон о люстрации. „Политическому просвечиванию“ на предмет сотрудничества со спецслужбами „во времена ПНР“ подвергаются все без исключения высшие чиновники: президент, премьер-министр, депутаты, служители Фемиды, руководители государственных СМИ.

В законе оговорено, что выявление „тесных контактов“ с компетентными органами не повлечет автоматического отстранения чиновника от занимаемого поста - его судьбу будут решать руководители или избиратели. Если, однако, судить по первой административной реакции, то на снисхождение „агентам“ рассчитывать не приходится: век им поста бургомистра или надзирателя не видать.

Закон предусматривает и возможность для граждан, во времена социалистической Польши находившихся под «колпаком» спецслужб,

республиканство, древнерусское благочестие и древнепольская секулятивность. Все это предопределило формирование разных менталитетов. Эта антиномия близости и различий действовала как раздражитель особой силы, который не выступал во внутренней политике России по отношению к другим этническим общностям. Отличие поляков разрушало не только государственно-идеологическую разновидность концепции панславизма, не только расшатывала неизбывательно связанную с ней культурологическую идею славянофильства и демистифицировала эксплуатируемый в политических целях миф славянской взаимности. В контексте европейской культуры это отличие раздражало и как живой укор: жесткое, переходящее в жесткость подавление народа, связанного с ценностями западноевропейской культуры, обнажало не только национально-политическую суть „семейной вражды“, не только „домашний спор“, „кичливого ляха“ и „верного русса“, но и традиционное противостояние „византизма“ и „окцидентализма“, исторически очередное столкновение двух начал, олицетворяющих Московское государство и Речь Посполитую: деперсонализация, абсолютная подчиненность личности государству, незыблемый, патерналистский и освященный Церковью авторитет монарха с одной стороны, и государство для личности (естественно в рамках правящего сословия), монарх, зависимый от правящего сословия, выбираемый им и присягающий этому сословию соблюдать особые шляхетские права - с другой. Все это противоречило также официальной истории русской государственности и связанной с ней идеологии (формирующей менталитет), из которой были вычеркнуты традиции Новгорода и Пскова, как, впрочем, и Домонгольской Руси, оказавшиеся в тени Московской централизации и связанного с ней типа правления.

Неприятие идеологически чуждого России польского ментальитета, психологическая нетерпимость к ней, перерастающая в презрительность, отразилась даже в языке. Почекнутые из польского „гонор“ и „панибратство“ обрели в русском языке противоположное изначальному значение. Гонор - это не „честь“ (согласно изначальному латинскому смыслу), а спесь - польская спесь. Панибратство-характер отношений и стиль общения внутри шляхетского сословия как равных - независимо от имущественного ценза и занимаемого

положения (что отразилось в поговорке "szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie") на русской почве трансформировалось в понятие беспеременно-фамильярного тона - не учитывавшего субординацию чинов и пренебрегающего иерархичностью, что обретало формы раболепия, которые отражались в самом официальном церемониале. (Только в 1768 г. появился указ Екатерины II, по которому во всех деловых обращениях слово „раб” заменялось словом „подданный”, но сколько еще это, уйдя из церемониала, продолжало жить силой инерции и традиций в национальном менталитете?).

Взаимоотношения России и Польши издавна осуществлялись не только в сферах политики, экономики, военной стратегии. Это было и контактирование двух менталитетов, различия которых осложняли взаимопонимание во всех сферах. Именно с этими различиями было связано раздражительное отношение России к Польше и полякам, предопределяя порой во-зобладание эмоционального над рациональным в решениях польского вопроса. Отсюда - как это на первый взгляд ни парадоксально - польская политика России (которая по своей сути преследовала интересы империи) была антирусской по достигнутым результатам. В Польше со времен разделов и до восстановления собственной государственности в 1918 г. были личности (и стоящие за ними политические течения), которые мыслили рационально и, учитывая реальную расстановку сил и общую geopolитическую ситуацию, ставили на существование с Россией в исторически обозримом времени. Уже в первые два десятилетия XIX в. они были представлены патриотическими офицерами, сражавшимися ранее на стороне Наполеона, и политиками Герцогства Варшавского, которые затем приняли реальность Королевства Польского А.Е.Чарторыйский, А.Велопольский, С.Грабский символизируют польские усилия к достижению понимания с Россией. Однако именно Россия лишала их возможности реализации своих идей и давала козыри в руки польских радикалов, как правило молодежи, с ее свойственной возрасту особой чуткостью и нетерпимостью ко всем проявлениям несправедливости и насилия.

Подавляя национальные чувства поляков, имперская политика все более их усиливала: она все время дула на раскаленные угли национального самосознания. Думая их задуть, она их все более воспламеняла.

ознакомиться с заведенными на них „делами”. По словам лидера профобъединения „Солидарность” в 80-х годах, бывшего президента Польши Леха Валенсы, теперь „каждый сможет узнать о своем Каине”.

Что и говорить, для ушедших в «глубокую оппозицию» польских левых наступили нелегкие времена. Хотя по российским меркам сурового обхождения они не заслужили. Заглянешь в их партийную программу - душа радуется: и «рынок» признают, и частную собственность. Правда, с характерными оговорками о «социальной справедливости» и «равных возможностях».

А вообще у социал-демократии, видимо, долгий век. Даже знаменитый «нистровергатель социализма» Лех Валенса однажды признал, что для устойчивости обществу необходимы «две ноги» - левая и правая. «Сермяжная истина» в том есть.

Взять нынешнюю Польшу: президент - «левый», правительство - «правое». А уровень жизни растет: средняя ежемесячная зарплата - 400 долларов, валовой национальный продукт - 4 процента в год (один из лучших показателей в Европе). Социал-демократы при этом, само собой, пекутся о справедливом распределении најжитого, защищая малообеспеченные слои.

Поляки всегда найдут повод позлословить о властях.

Однако во время опросов вот уже несколько лет подряд выражают им доверие. И еще феномен: разясь в подходе к «домашним делам», политики из разных лагерей занимают тождественные позиции относительно внешнего мира. И левые, и правые «маршируют в Европу» (НАТО, ЕС) в ногу.

Красноречив рисунок в одной из польских газет: огромная стрелка на верстовом столбе в сторону Запада и почти незримая - на Восток...

В принципе, это и российский азимут. В Варшаве довелось беседовать с влиятельным американским политологом польского происхождения Збигневым Бжезинским. Как бы ни относился к этому «антикоммунисту» (можно и без кавычек) наш насквозь посткоммунистический истэблишмент, в даре предвидения ему не отказать - точно предсказал крушение тоталитаризма в Европе, да и сам немало поспособствовал благому делу. Так вот, Бжезинский (и не только он) считает, что «российские корни» в Европе.

Счастливые европейцы

Мудрый человек и превосходный поэт Осип Мандельштам как-то вразумлял свою отчаявшуюся от сгустка жизненных невзгод половину: «А почему ты решила, что непременно должна быть счастливой?»...

Признаться, не без удивления читаешь в

До сих пор вспыхивают среди поляков дискуссии: нужны ли были восстания, и что кроме новых лишений, страданий, гибели цвета нации, нового подавления национальной жизни они приносили? Все аргументы *pro et contra* рациональны по отношению к политическим, военным и прочим аспектам, но при этом внеположны из начальной сути. А суть в том, что поляки просто не могли иначе, ибо такова их ментальность. Восстания были ее естественным и неизбежным самопроявлением в конкретных исторических условиях, созданных (или спровоцированных) внешними силами. Это явственно просматривается от Барской конфедерации 1768-1772 гг. (а именно она начинает традицию восстаний против оскорбляющих национальные чувства давлений извне, которую завершает Варшавское восстание (1944 г.). Без Варшавского же восстания при всей традиционной уже для поляков горечи утрат, поражений и кажущейся безысходности, без опыта функционировавшего тогда „подпольного государства“ не было бы Солидарности, уже на наших глазах сыгравшей столь важную роль в воссоздании независимого и демократического польского государства - Третьей Речи Посполитой.

Если история - это то, что свершилось, то она не имеет альтернатив. Поэтому дискуссии о целесообразности и нецелесообразности восстаний могут играть лишь роль интеллектуальной гимнастики.

В силу своего менталитета поляки последовательно отвечали на национальное унижение конспирацией, духовным сопротивлением и восстаниям - и это был единственно возможный для них исторический выход, единственно возможная самореализация нации, ее самозащита и самопроявление польской натуры.

И если ликвидация Польши была для соседних государств с точки зрения их интересов (так, как трактовались они в те времена) исторической необходимостью, то для поляков исторической необходимостью было отстаивание самих себя - такими, какими они себя чувствовали – отстаивание всеми методами, способами и средствами, возможными с точки зрения именно их менталитета.

Понять другой народ можно только поняв собственные его боли и желания, а не отчужденно обозревая его сквозь призму своего самопонимания, видения других в перспективе только лишь своей истории, в свете нашей

привязанности к своей стране и своей культуре, не говоря уже о нашей самоидеализации и вере в собственную особую миссию. Да и как мы - давняя Российская империя, недавний СССР, нынешнее наше государство, самоназывающееся демократическим, - можем притязать на главенствующую роль по отношению к другим, если на протяжении собственной своей истории не смогли обустроить самих себя? Какой притягательный пример мы можем давать миру, если каждый раз огромная Россия теряла себя не под ударами внешних врагов, а саморазрушаясь изнутри?

В своих великих идеях святости и всемирности искренне, истово, одухотворенно - с русским размахом - любя всех и стремясь всех заключить в свои объятия, мы не понимаем, почему этих объятий так избегают? Почему в этих объятиях опасаются быть задушенными?

Не пришла ли пора спуститься со своей высокой колокольни высочайших и благороднейших идеалов на свою же грешную и многострадальную землю сложной и неосознанной реальности? Не пора ли, стоя на этой родной российской земле, постараться понять других, не вторгаясь на их земли и не навязывая им свои идеи и свое присутствие? Не пора ли при этом хотя бы постараться увидеть себя и их глазами? Это поможет лучше понять других. А поняв других, не поймем ли мы и самих себя - если не умом (что по Тютчеву невозможно, и он, наверное, проникновенно осознавая русский менталитет, прав), то чувством, состраданием, болью, что так сродни русскому народному милосердию, русской народной душе, русскому народному характеру. Но не властям России, не российским правителям, не российскому государству: они никогда свой народ не жалели. Свой! А что же говорить о других?

зондажах Франции, Германии, той же Польши, что от половины до двух третей считают себя «счастливыми людьми». «Расшифровка» этого феномена сводится, в принципе, к трем вещам: семейному ладу, работе по душе, чистой совести. При этом «прожиточный минимум» у не бедствующих европейцев подразумевается как бы сам собой.

Видимо, когда в наличии «устойчивые тылы», то «за скобками» остаются болезни, преступность и прочие неизбежные повсюду невзгоды. Не говоря уж о скорбном finale по неопровергнутой формулировке: «Все люди смертны. Петр суть человек, следовательно тоже смертен»...

Владимир Блинков - журналист и публицист. После окончания факультета журналистики МГУ сотрудничал с региональными и московскими изданиями. В настоящее время работает корреспондентом Российского информационного агентства в Варшаве.

Владимир Блинков

С какой ноги встает Варшава?

этого противостояли друзья Пушкина на Сенатской площади. И, наконец, среди „кичливых” поборников этой идеи был воссоздавший мучения поляков, жестокость царского режима и бездушие его сатрапов польский поэт, до этого заточенный, потом судимый и высланный в глубь России, где сблизился с Пушкиным, обрел русских друзей (а среди них и будущие декабристы). Позднее он воспел столь близких ему пятерых казненных, да и самого Пушкина в лирико-драматической поэме „Дядьки”, которая стала библией польского романтизма и гимном польского патриотизма. Этот поэт, познавший Россию изнутри, разделял русский народ и российскую власть. У него столько претерпевшего от имперских сатрапов, не найти ни одного оскорбительного слова или даже оттенка пренебрежения к русским как нации. Есть боль за нее. Есть глубокое уважение к ее талантам, искренняя симпатия к русской душе... И тревожная мысль: что ожидает этот народ? Что ему суждено свершить?

Таков в отношении русских и России Мицкевич. Это же свойственно крупнейшим художникам польского романтизма - трагичной и героичной эпохи - Словацкому, Красиньскому, Норвиду, Шопену, которых жестокий режим лишил Родины.

... Такие вот „кичливые ляхи”... Подавленный, униженный и лишенный собственной государственности поляк не превращается в покорного подданного чужой империи, раба чужого ему абсолютистского режима - чужого по сути и духу - в силу традиций шляхетской демократии и взаимосвязанного с нею национального менталитета. Поэтому-то гордый своей историей и культурой, сохранив и отстаивая вопреки чужому режиму свое гражданское общество и присущее ему чувство внутренней свободы, поляк не только не склоняет головы, но и восстает, постоянно сражается за свою польскую самобытность: Т.Костюшко, Я.Х.Домбровский, Ю.Понятовский, наконец, герои и мученики ноябрьского восстания 1830 г. - это только то, что было на памяти поколения Пушкина.

Поляки сражаются самоотверженно „За Вашу и нашу свободу” не только в Польше, начиная с самого Костюшко - героя борьбы за независимость северо-американских Штатов. Сражаются упорно: от победы к победе - за пределами Польши, и от поражения к поражению на польской земле. А при этом их не ослепляет ненависть, не

Владимир Блинков

**С КАКОЙ НОГИ
ВСТАЕТ ВАРШАВА?
Заметки о «польском
менталитете»**

Во времена «железного занавеса» Польша была для многих из нас «окном в Европу». Варшаву, как первую любовь, не забыть...

«Ванда чита, а Ирэна слуха»

Любовь возникла с первого взгляда на глянцевитый номер «Польши», купленный в аэропокзальном киоске с целью скрасить рейс. В журнале оказался урок польского языка. «Ванда чита, а Ирэна слуха», - было немедленно прочитано по слогам. И с тех пор Ванда, Ирэна и их московский гость аспирант Владек вошли в мою жизнь надолго. Наверно, навсегда.

Однако еще несколько слов о счастливых студенческих летах с многоцветным, как «цыганские кибитки» в польском шлагере тех лет, бытием. Продолжением «случайного знакомства» стал приобретенный в книжном магазине «Дружба» на улице Горького учебник Станислава Кароляка и Дануты Василевской. Перебрав за свою не короткую жизнь с полдюжины самоучителей, настраиваю - этот лучший.

Составленный из десятка тетрадок в тугой картонной обойме, он как нельзя лучше приспособлен к освоению в нашей суетной жизни.
Проверено: на метро от Моховой до Воробьевых гор можно проштудировать целый текст. Толковая транскрипция, возможность обратного перевода, иронические рисунки. И ... отсутствие тягомотной грамматики. То есть, она присутствует, но столь деликатно вкраплена в «примечания», что ее как бы нет вовсе. Полная противоположность немецкому конструктивизму, заставившему нашу «журфаковскую дружину» изрядно попотеть.

Кстати, о немцах. Недавно по Польскому радио передавали интервью с собкором берлинской газеты. Оказалось, что он покорен «импровизационным даром» и толерантностью поляков. Солидарен с ним: невыносимая тяжесть бытия растворена здесь в «примечаниях», уважительных мелочах, делающих жизнь вполне сносной.

Для доходчивости: здесь, за очень редким исключением, не рявкнут «А ну, вылезь!», как хамоватый таксист на героиню Барбары Брыльской (на Новый год «Иронию судьбы...», наверняка, покажут вновь). В польской дублированной версии эта непонятная озлобленность

сжигает горечь, не сламывает поражение. Ибо это „За Вашу и нашу...” отражает широту их мысли и глубину их чувства, когда польская свобода видится как часть общего дела. Поэтому польский патриотизм в романтические времена обретает облик польского мессианства.

Так кичливость ли это или свободолюбие, непокорность чувства собственного достоинства, гордость своей историей, культурой, государственной традицией, а в конечном итоге - несломленность национального духа и его устремленность к всеобщности - человеческой и человечной?

Пушкин выступает как подданный своего государя. Пишет так, как должен был писать поэт-патриот своего времени и своей страны. Мы же с перспективы, которую дает двухтысячелетие христианства и связанная с ним европейская цивилизация, имеем возможность установить подлинные пропорции „своего” и „чужого”, а устанавливая их, способствовать адекватному пониманию поляков, а тем самым - и самих себя.

Истина наднациональна, ибо одна и едина для всего человечества. Постигая ее, наука выходит за свои академические пределы, способствуя взаимопониманию, а тем самым - сближению народов.

Польша - не только внешняя, но и внутренняя составляющая российской истории. Поэтому-то для нас постижение польской - это и более глубокое понимание russкости.

После 1795 г. значительная часть поляков, лишенных Польши, оказалась в границах России. Тем самым бытие нации оказалось включенным в систему координат иного типа государства. Условия и условности, создаваемые самими поляками, сменились условиями и условностями, создаваемыми помимо них для них.

Военные победы, силовые нажимы и бесцеремонное вмешательство во внутреннюю жизнь Речи Посполитой - то, что со времен Петра I приносило мгновенные результаты, выработало убеждение, что такого рода действия и приемы будут результативными также и на длительный срок в совершенно иной сфере - в системе управления захваченными польскими территориями и подчинения поляков совершенно иной по своему типу государственности. Главный и живучий (ибо продолжавшийся вплоть до первой мировой войны, а затем и во времена „реального социализма“) просчет заключался

в том, что не учитывался менталитет поляков. Их можно было победить в войне, но невозможно покорить. Они не поддавались нажиму не только духовно, но и характерологически. Насилие не подавляло, а распаляло их духовное упорство и провоцировало их физическое сопротивление. Их нельзя было интегрировать в другой круг культуры, ассимилировать идеально, а тем более - конфессионально, ибо за ними стояла не только богатая история самостоятельного и притом великодеревянного существования в геополитическом пространстве Запада, не только особая и общепризнанная роль его форпоста и одновременно восточного авангарда католической церкви и латинской культуры, но и особая, собственными усилиями созданная, а затем (в соответствии с закономерностями обратной связи) воспроизводящая, питающая и развивающая нацию, ее самосознание и менталитет, система шляхетской демократии.

Шляхта, создавшая притягательный (уже с XVI в.) также и для других социальных слоев тип национальной культуры, была нетерпима к любому нажиму своей государственной власти. Какой же эмоциональный, нравственный и социальный протест вызывало у нее посягательство на свой кодекс чести, убеждения и сам неотрывный от них образ жизни со стороны чужой и по духу чуждой власти государства, уничтожившего Речь Посполитую?!

Дифференцированная и в перспективе времени результивная политика России в отношении народов, принадлежащих к разным кругам культуры, оказывалась - как это ни парадоксально на первый взгляд - нерезультивной в отношении славян-поляков и украинцев. Этническое родство как бы провоцировало нивелирование (естественно, разное, в разной степени и в разных плоскостях реализуемое по отношению к православной и униатской Украине и католической Польше). Политическая и психологическая нетерпимость к национальной самобытности вырастала из этнической близости. В случае поляков и русских - это общие славянские корни, историческое соседство, экономические, культурные и матриональные связи со временем Древней Руси и Польши Пястов с одной стороны, и разный исторический выбор с другой: Византия и Рим, православная соборность и католический персонализм, абсолютизм и

смикирована: «Попрошу выйти».

«Во, блин, цацки!», - удивляется отечественный «митек». И будет не прав: именно из таких мелочей, а точнее, нюансов, и складывается наша жизнь. Либо не складывается, несмотря на непрерывное «преодоление кризиса».

Сознавая, что киношный таクист «мелко плавает», сошлюсь, пожалуй, на наблюдения в ином общественном срезе.

Ленч с президентом

Однажды я сподобился быть приглашенным на ленч к польскому президенту. Жизнерадостный, упитанный (постоянно обещает соотечественникам в «ближайший месяц» похудеть, но почему-то не худеет), молодой, Александр Квасьневский за трапезой не забывал и о деле.

В ту пору Польша на всех парах мчалась в НАТО, и во время десерта президент извлек из кармана небольшую книжицу - молитвенник на английском языке, предназначенный для распространения в войске Польском. (Польский президент, как это водится и в других странах, является Главнокомандующим вооруженных сил).

«Англоязычное» подкрепление воинского духа рассмешило одного из журналистов, поиронизировавшего вслух. Глава Польши ответил тем

же, обращаясь к собеседнику на «ты». Тот, недолго думая, тоже перешел на «ты». Интересен, однако, финал пикировки. Президент упрятал книжку в карман, миролюбиво приговаривая: «От греха подальше». И ленч «потек» дальше.

Два года назад командные высоты в правительстве и парламенте заняли победившие на выборах правоцентристы. А в нынешнем году вступил в силу Закон о люстрации. „Политическому просвечиванию“ на предмет сотрудничества со спецслужбами „во времена ПНР“ подвергаются все без исключения высшие чиновники: президент, премьер-министр, депутаты, служители Фемиды, руководители государственных СМИ.

В законе оговорено, что выявление „тесных контактов“ с компетентными органами не повлечет автоматического отстранения чиновника от занимаемого поста - его судьбу будут решать руководители или избиратели. Если, однако, судить по первой административной реакции, то на снисхождение „агентам“ рассчитывать не приходится: век им поста бургомистра или надзирателя не видать.

Закон предусматривает и возможность для граждан, во времена социалистической Польши находившихся под «колпаком» спецслужб,

республиканство, древнерусское благочестие и древнепольская секулятивность. Все это предопределило формирование разных менталитетов. Эта антиномия близости и различий действовала как раздражитель особой силы, который не выступал во внутренней политике России по отношению к другим этническим общностям. Отличие поляков разрушало не только государственно-идеологическую разновидность концепции панславизма, не только расшатывала неизбывательно связанную с ней культурологическую идею славянофильства и демистифицировала эксплуатируемый в политических целях миф славянской взаимности. В контексте европейской культуры это отличие раздражало и как живой укор: жесткое, переходящее в жесткость подавление народа, связанного с ценностями западноевропейской культуры, обнажало не только национально-политическую суть „семейной вражды“, не только „домашний спор“, „кичливого ляха“ и „верного русса“, но и традиционное противостояние „византизма“ и „окцидентализма“, исторически очередное столкновение двух начал, олицетворяющих Московское государство и Речь Посполитую: деперсонализация, абсолютная подчиненность личности государству, незыблемый, патерналистский и освященный Церковью авторитет монарха с одной стороны, и государство для личности (естественно в рамках правящего сословия), монарх, зависимый от правящего сословия, выбираемый им и присягающий этому сословию соблюдать особые шляхетские права - с другой. Все это противоречило также официальной истории русской государственности и связанной с ней идеологии (формирующей менталитет), из которой были вычеркнуты традиции Новгорода и Пскова, как, впрочем, и Домонгольской Руси, оказавшиеся в тени Московской централизации и связанного с ней типа правления.

Неприятие идеологически чуждого России польского ментальитета, психологическая нетерпимость к ней, перерастающая в презрительность, отразилась даже в языке. Почекнутые из польского „гонор“ и „панибратство“ обрели в русском языке противоположное изначальному значение. Гонор - это не „честь“ (согласно изначальному латинскому смыслу), а спесь - польская спесь. Панибратство-характер отношений и стиль общения внутри шляхетского сословия как равных - независимо от имущественного ценза и занимаемого

положения (что отразилось в поговорке "szlachcic na zagrodzie równy wojewodzie") на русской почве трансформировалось в понятие беспеременно-фамильярного тона - не учитывавшего субординацию чинов и пренебрегающего иерархичностью, что обретало формы раболепия, которые отражались в самом официальном церемониале. (Только в 1768 г. появился указ Екатерины II, по которому во всех деловых обращениях слово „раб” заменялось словом „подданный”, но сколько еще это, уйдя из церемониала, продолжало жить силой инерции и традиций в национальном менталитете?).

Взаимоотношения России и Польши издавна осуществлялись не только в сферах политики, экономики, военной стратегии. Это было и контактирование двух менталитетов, различия которых осложняли взаимопонимание во всех сферах. Именно с этими различиями было связано раздражительное отношение России к Польше и полякам, предопределяя порой во-зобладание эмоционального над рациональным в решениях польского вопроса. Отсюда - как это на первый взгляд ни парадоксально - польская политика России (которая по своей сути преследовала интересы империи) была антирусской по достигнутым результатам. В Польше со времен разделов и до восстановления собственной государственности в 1918 г. были личности (и стоящие за ними политические течения), которые мыслили рационально и, учитывая реальную расстановку сил и общую geopolитическую ситуацию, ставили на существование с Россией в исторически обозримом времени. Уже в первые два десятилетия XIX в. они были представлены патриотическими офицерами, сражавшимися ранее на стороне Наполеона, и политиками Герцогства Варшавского, которые затем приняли реальность Королевства Польского А.Е.Чарторыйский, А.Велопольский, С.Грабский символизируют польские усилия к достижению понимания с Россией. Однако именно Россия лишала их возможности реализации своих идей и давала козыри в руки польских радикалов, как правило молодежи, с ее свойственной возрасту особой чуткостью и нетерпимостью ко всем проявлениям несправедливости и насилия.

Подавляя национальные чувства поляков, имперская политика все более их усиливала: она все время дула на раскаленные угли национального самосознания. Думая их задуть, она их все более воспламеняла.

ознакомиться с заведенными на них „делами”. По словам лидера профобъединения „Солидарность” в 80-х годах, бывшего президента Польши Леха Валенсы, теперь „каждый сможет узнать о своем Каине”.

Что и говорить, для ушедших в «глубокую оппозицию» польских левых наступили нелегкие времена. Хотя по российским меркам сурового обхождения они не заслужили. Заглянешь в их партийную программу - душа радуется: и «рынок» признают, и частную собственность. Правда, с характерными оговорками о «социальной справедливости» и «равных возможностях».

А вообще у социал-демократии, видимо, долгий век. Даже знаменитый «нистровергатель социализма» Лех Валенса однажды признал, что для устойчивости обществу необходимы «две ноги» - левая и правая. «Сермяжная истина» в том есть.

Взять нынешнюю Польшу: президент - «левый», правительство - «правое». А уровень жизни растет: средняя ежемесячная зарплата - 400 долларов, валовой национальный продукт - 4 процента в год (один из лучших показателей в Европе). Социал-демократы при этом, само собой, пекутся о справедливом распределении најжитого, защищая малообеспеченные слои.

Поляки всегда найдут повод позлословить о властях.

Однако во время опросов вот уже несколько лет подряд выражают им доверие. И еще феномен: разясь в подходе к «домашним делам», политики из разных лагерей занимают тождественные позиции относительно внешнего мира. И левые, и правые «маршируют в Европу» (НАТО, ЕС) в ногу.

Красноречив рисунок в одной из польских газет: огромная стрелка на верстовом столбе в сторону Запада и почти незримая - на Восток...

В принципе, это и российский азимут. В Варшаве довелось беседовать с влиятельным американским политологом польского происхождения Збигневым Бжезинским. Как бы ни относился к этому «антикоммунисту» (можно и без кавычек) наш насквозь посткоммунистический истэблишмент, в даре предвидения ему не отказать - точно предсказал крушение тоталитаризма в Европе, да и сам немало поспособствовал благому делу. Так вот, Бжезинский (и не только он) считает, что «российские корни» в Европе.

Счастливые европейцы

Мудрый человек и превосходный поэт Осип Мандельштам как-то вразумлял свою отчаявшуюся от сгустка жизненных невзгод половину: «А почему ты решила, что непременно должна быть счастливой?»...

Признаться, не без удивления читаешь в

До сих пор вспыхивают среди поляков дискуссии: нужны ли были восстания, и что кроме новых лишений, страданий, гибели цвета нации, нового подавления национальной жизни они приносили? Все аргументы *pro et contra* рациональны по отношению к политическим, военным и прочим аспектам, но при этом внеположны из начальной сути. А суть в том, что поляки просто не могли иначе, ибо такова их ментальность. Восстания были ее естественным и неизбежным самопроявлением в конкретных исторических условиях, созданных (или спровоцированных) внешними силами. Это явственно просматривается от Барской конфедерации 1768-1772 гг. (а именно она начинает традицию восстаний против оскорбляющих национальные чувства давлений извне, которую завершает Варшавское восстание (1944 г.). Без Варшавского же восстания при всей традиционной уже для поляков горечи утрат, поражений и кажущейся безысходности, без опыта функционировавшего тогда „подпольного государства“ не было бы Солидарности, уже на наших глазах сыгравшей столь важную роль в воссоздании независимого и демократического польского государства - Третьей Речи Посполитой.

Если история - это то, что свершилось, то она не имеет альтернатив. Поэтому дискуссии о целесообразности и нецелесообразности восстаний могут играть лишь роль интеллектуальной гимнастики.

В силу своего менталитета поляки последовательно отвечали на национальное унижение конспирацией, духовным сопротивлением и восстаниям - и это был единственно возможный для них исторический выход, единственно возможная самореализация нации, ее самозащита и самопроявление польской натуры.

И если ликвидация Польши была для соседних государств с точки зрения их интересов (так, как трактовались они в те времена) исторической необходимостью, то для поляков исторической необходимостью было отстаивание самих себя - такими, какими они себя чувствовали – отстаивание всеми методами, способами и средствами, возможными с точки зрения именно их менталитета.

Понять другой народ можно только поняв собственные его боли и желания, а не отчужденно обозревая его сквозь призму своего самопонимания, видения других в перспективе только лишь своей истории, в свете нашей

привязанности к своей стране и своей культуре, не говоря уже о нашей самоидеализации и вере в собственную особую миссию. Да и как мы - давняя Российская империя, недавний СССР, нынешнее наше государство, самоназывающееся демократическим, - можем притязать на главенствующую роль по отношению к другим, если на протяжении собственной своей истории не смогли обустроить самих себя? Какой притягательный пример мы можем давать миру, если каждый раз огромная Россия теряла себя не под ударами внешних врагов, а саморазрушаясь изнутри?

В своих великих идеях святости и всемирности искренне, истово, одухотворенно - с русским размахом - любя всех и стремясь всех заключить в свои объятия, мы не понимаем, почему этих объятий так избегают? Почему в этих объятиях опасаются быть задушенными?

Не пришла ли пора спуститься со своей высокой колокольни высочайших и благороднейших идеалов на свою же грешную и многострадальную землю сложной и неосознанной реальности? Не пора ли, стоя на этой родной российской земле, постараться понять других, не вторгаясь на их земли и не навязывая им свои идеи и свое присутствие? Не пора ли при этом хотя бы постараться увидеть себя и их глазами? Это поможет лучше понять других. А поняв других, не поймем ли мы и самих себя - если не умом (что по Тютчеву невозможно, и он, наверное, проникновенно осознавая русский менталитет, прав), то чувством, состраданием, болью, что так сродни русскому народному милосердию, русской народной душе, русскому народному характеру. Но не властям России, не российским правителям, не российскому государству: они никогда свой народ не жалели. Свой! А что же говорить о других?

зондажах Франции, Германии, той же Польши, что от половины до двух третей считают себя «счастливыми людьми». «Расшифровка» этого феномена сводится, в принципе, к трем вещам: семейному ладу, работе по душе, чистой совести. При этом «прожиточный минимум» у не бедствующих европейцев подразумевается как бы сам собой.

Видимо, когда в наличии «устойчивые тылы», то «за скобками» остаются болезни, преступность и прочие неизбежные повсюду невзгоды. Не говоря уж о скорбном finale по неопровергнутой формулировке: «Все люди смертны. Петр суть человек, следовательно тоже смертен»...

Владимир Блинков - журналист и публицист. После окончания факультета журналистики МГУ сотрудничал с региональными и московскими изданиями. В настоящее время работает корреспондентом Российского информационного агентства в Варшаве.

Ян Юзеф Щепанский

Пятое время года

Ян Юзеф Щепаньский

ПЯТОЕ ВРЕМЯ ГОДА

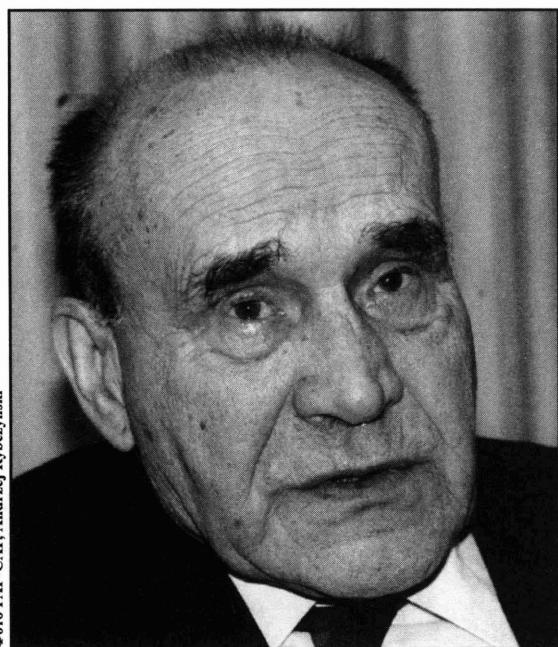

Фото PAP-CAF, Andrzej Rybczyński

Ян Юзеф Щепаньский (род. в 1919 г.) – писатель, прозаик, переводчик. Автор десятков романов и сборников рассказов, обращенных к человеку и направленных против тоталитаризма. При коммунизме неоднократно подвергался гонениям со стороны цензуры. Переводчик англоязычной и французской литературы, в частности, произведений Г.Грина, А.Хаксли, Г.Апполинера, Дж.Конрада. Участвовал в антикоммунистической оппозиции, был председателем Союза Польских Писателей вплоть до его роспуска (в 1982 г.) после введения военного положения в Польше. В 1989 г. – участвовал в работе „Круглого стола“.

но по её губам прочитал: «Это секта. Какая-то религиозная секта».

Повсюду царило разорение. Большая комната, где всё это происходило, смахивала на помойку. Постель, бельё, сброшенные с полок книги – всё валялось на полу, растоптанное, покорёженное, отмеченное следами грязных подошв. Увидел я и соседнюю комнату, поменьше, ту, где я спал, хотя не припомню, чтобы я заходил в неё. На моей тахте возлежали какие-то два типа, с головой укрытые бурными одеялами. Что-то упало: раздался грохот бьющегося фарфора.

- Эй вы, что вы тут делаете?
- закричал я.

- Живём мы здесь, - послышался из угла у окна хриплый бас.

Над головами сидевших вырос высокий костлявый мужчина, пожилой, но, видать, сильный. Худая жилистая шея, выпирающие скелетные скулы на отдающем желтизной лице. Маленькие черненькие глазки ехидно разглядывали меня. Холодный и неприветливый, этот взгляд лишал меня уверенности в себе.

- Как это «живем»? - спросил я - По какому такому праву? Кто вас прислал сюда?

- Бог прислал, - сказал мужчина.

- Но это моя квартира. Наша квартира...

Мне показалось, что в его взгляде я уловил презрение и мне стало не по себе, как будто я провинился перед ним.

- Нам тоже надо где-нибудь жить, - сказал старик, и его слова прозвучали неотразимым аргументом.

- Но почему здесь? - попытался я защищаться - Это моя квартира. Моя собственность.

- А на кой она тебе такая большая? - грубо спросил он.

- А почему вы всё крушите? Постель, одежду, книги... картины, - добавил я под хруст стекла под чьим-то сапогом.

- На что тебе все эти вещи?

Меня охватило сомнение. Действительно, на что мне вес эти вещи? На что мне всё это? И тут я увидел, как передо мною... Нет! Скорее почувствовал, как передо мною открылось безграничное, безмерное пространство, в котором всё теряет своё прежнее значение, свою цену.

- Это наша квартира, - как-то неуверенно повторил я.

- Так ведь мы вас не выкидываем. - Издевательский тон его голоса резко привёл меня в чувство, оживил волной внезапно нахлынувшего гнева.

- Вон! — закричал я. - Вон! Прочь отсюда! А в ответ со всех сторон на меня полетели насмешки.

Потеряв возможность отыскать в этом сером людском месиве жену, я стал беспомощно метаться. «Вон? Вон отсюда!» - пытался я вытолкать за дверь тех, что вертелись вблизи меня. Они ничуть не сопротивлялись, но, оказавшись на лестнице, тут же возвращались. Тем временем в толпе обозначилось какое-то новое движение. Все, а в особенности женщины, стали спешно паковать наши вещи в неизвестно откуда взявшимся картонные коробки.

- Я вызову полицию! - пригрозил я.

Худой, их главарь и наверняка главарь секты только ухмылялся.

- Звони, - сказал он. - Телефон полиции 997.

Какой-то мужчина услужливо подал мне трубку. Я набрал номер. «Слушаю Вас. Чем могу служить?» - узнал я голос подростка, копавшегося в комоде. Ах, вот вы значит как! У меня больше не было выхода. Пришёл конец непостижимому и не заслуженному мною покровительству судьбы, а может - Проведения, которым пользовался всю свою жизнь, свято веря в то, что оно полагается мне по праву. Мне осталось только просить.

- Простите, - обратился я к главарю, - оставьте мне, по крайней мере, одну книжку. Небольшая такая книжечка, на газетной бумаге напечатанная,

давнишняя, самиздатская, весь тираж цензура конфисковала. «Пятое время года» называется.

- Дурацкое название, - пробурчал он. - Нужна тебе что ль?

- Да. Очень. Как раз завтра собирался занести в издательство. Обещали переиздание, в смысле - первое официальное издание.

К ней даже копия решения цензуры приложена. Должно идти в качестве Предисловия...

Он все не переставал ухмыляться.

- Важное там что-нибудь? - спросил.

- Да. Очень важное. Для меня.

- Для тебя! - пожал он плечами - Это тебе только кажется, потому что ты много о себе воображаешь. Нет там ничего такого, что на самом деле важно. Да уж ладно, держи.

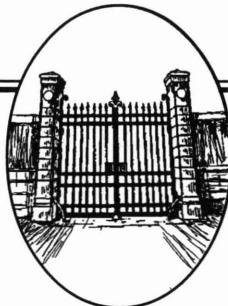
Он распахнул борта засаленного синего пиджака и из под грязной рубахи вытащил потрёпанный томик, обернутый в черную бумагу.

- На! - и бросил его мне, кривясь от отвращения.

Растущее давление в мочевом пузыре гнало меня из постели. Я уже видел как я сижу на тахте, как сбрасываю одеяло, и тут до меня дошло, что я продолжаю лежать с закрытыми глазами. продолжаю стоять перед желтолицым стариком, прижимая к груди потрёпанный томик, что всё ещё слышу полные презрения слова: «Ничего там нет важного, ничего нужного». Надо было прервать этот кошмар; сделать над собой усилие и прервать. Невероятным напряжением воли я, наконец, привёл себя в движение. Сидя на краю тахты, принял я босыми ногами нащупывать тапки на холодном паркете. Было темно. Может я ещё не открыл глаза? Я нащупал и нажал выключатель около моего ложа. Защищаясь от резкой осветовой атаки, я зажмурился. Стало тихо. Пусто. Светло. На белой стене напротив старая картинка, XVIII века, найденная когда-то на руинах Вроцлава. Белый конь, коричневый мул, шатёр, люди в широкополых шляпах. Отдых путешествующих. На письменном столе деревянная африканская статуэтка, женщина несёт: пузатый сосуд. «Нет, ещё остались важные вещи. - подумал я с облегчением. - Пока ещё всё имеет смысл». А книжка где? Я стал искать её в разбросанной постели. Книжка-то где? «Пятое время года»... И лишь спустя какое-то время я пришёл в себя. Нет её. И не было никогда. Не писал я её.

Виктор Кулерский

Большевик

Виктор Куллерский

БОЛЬШЕВИК

К годовщине введения в Польше военного положения 13 декабря 1981 года

Эрнест Скальский

ЗАПИСКИ АНОШКИНА

Ярузельский: «Для нас это ужасное известие! Полтора года говорили о необходимости прислать войска, а теперь все провалилось!» Куликов: «Почему вдруг возник вопрос о военной помощи? Ведь мы уже обговорили все аспекты введения военного положения». Это фрагмент записок генерал-лейтенанта А.И.Аношина, адъютанта маршала Виктора Куликова, командующего войсками стран Варшавского договора; записки относятся к их пребыванию в Варшаве с 7 по 17 декабря 1981 года, когда в Польше было введено военное положение.

Тетрадью с этими записками размахивал маршал Куликов в октябре нынешнего года в местности Яхранка близ Варшавы, на международной конференции,

Дня за два, за три до введения военного положения редакция *Информационного бюллетеня НСПС Солидарность „AC“* организовала в штаб-квартире Правления НСПС „Солидарность“ дискуссию с членами Президиума Правления. Темой дискуссии стали вопросы, возникающие в Польше постоянно с интервалом в несколько лет, предмет не существующих прогнозов, полемики, даже споров, вплоть до гадания на кофейной гуще – „Войдут русские или не войдут? Выстоим или не выстоим? Что будет?“. Не утихающие яростные споры, попытки аргументировано обосновать противоположные мнения, наконец, упреки. Я тогда молчал. Я был убежден, что вопрос предрешен. Дискуссия была беспредметной, но мне не хотелось гасить надежды большинства. Однако за это молчание меня стали упрекать. При условии, что мое выступление не будет опубликовано, я высказал свое глубочайшее убеждение, даже уверенность: „Нас разгромят. Того и гляди - разгонят. Наши дни, а может и часы, уже сочтены. Я не знаю, ни откуда последует удар, ни когда это произойдет, ни как именно будет осуществляться, но удар будет нанесен. В любую минуту“. „Так почему же ты не скажешь об этом читателям? Если ты так думаешь, твой долг – сказать об этом членам профсоюза“, - набросился на меня главный редактор. Но сказать такое и ничего не предложить, даже не намекнуть, как подготовиться, как защищаться, что делать – значило заниматься распространением пораженческих настроений и ничего больше. Этого я не желал, а поскольку более точной информации у меня не было, то не было и соображений, как противостоять тому, что неумолимо приближалось. В армии отменили увольнительные и приостановили увольнение резервистов. Призванные в армию получали направление в органы милиции. По всей стране происходила передислокация армейских частей, а по многим дорогам двигались колонны танков, БТРов и грузовиков с солдатами. Курсанты милицейских школ и части милицейского резерва также покидали районы своей дислокации и подтягивались в крупные города. Высшим партийным функционерам выдали оружие. В помещении большого кинотеатра „Клуб“, находящегося в нескольких сотнях метров от штаб-квартиры

регионального правления НСПС „Солидарность” – Мазовше, расположился усиленный отряд милиции. И вот тогда, в тот памятный морозный и ветреный день 12 декабря 1981 года, я получил совершенно неожиданное сообщение. Один из парней, которые работали в нашей типографии попросил меня встретиться для короткого разговора: с глазу на глаз, вне стен здания, чтобы избежать прослушивания. „У нас дезертир из Советской Армии. Он просит о помощи”, – сказал наборщик. Это было как гром среди ясного неба. Провокация? Провокатор или может, ... может быть все-таки отчаявшийся человек? В такую минуту! Если провокатор – мы все за это заплатим. А если отчаявшийся человек? Тогда заплатит только он. Заплатит самую высокую цену. Короткий разговор с заведующей так называемого отдела правовой помощи Зофьей Ромашевской: „Ты с ума сошел! Это явная провокация. Выстави его немедленно. Я не хочу иметь с этим ничего общего!”. Этого мне было достаточно. Збышек Буяк, Северин Яворский, Хенрик Вуец, Збышек Ромашевский и Януш Онышкевич были в Гданьске на заседании Всепольской комиссии „Солидарности” – мы тогда еще не знали, что это было последнее заседание. Через несколько часов все, за исключением Збышека Буяка, были интернированы. Обоим Збышкам удалось скрыться, и позднее мы встретились в подполье.

Итак, пока я был один. Переложить решение было не на кого. „Отведи меня к нему”, – сказал я нашему наборщику. В маленькой запертой на ключ комнатке сидел на стуле, сгорбившись, измученный человек. Сидел, уставившись в пустое, заснеженное окно. Когда я вошел, он нервно вздрогнул и обернулся. Он был похож на раненую птицу. Молодой, светлое открытое лицо посерело от напряжения и усталости. Одет в гражданское, одежка поноженная, грязноватая и слегка влажная. По-польски не говорит. С трудом мне удалось понять, что он уже побывал в штаб-квартире „Солидарности” во Вроцлаве. Вроцлавяне привезли его к нам, в Варшаву. Он хотел попасть в американское посольство. Это был абсурд, дело совершенно невозможное. Нас схватили бы возле посольства. В армии он был простым механиком-водителем. Но это все не имело значения. Провокатор или отчаявшийся? Я внимательно присматривался к нему, но понять не мог. Руки! Какие у него руки? Он держал их сложенными на коленях. Его ладони поколились на грязных брюках совершенно неподвижно. Белоручка или рабочий? Трудно было разглядеть. Мне было стыдно. Слова застревали у меня в горле, но в конце концов я выдавил из себя: „Покажи руки”. Он послушно поднял руки ладонями вверх и молча смотрел на меня. Он ждал приговора. Я чувствовал себя ужасно, хуже не бывает, как большевик.

посвященной «польскому кризису» 1980–1982 гг.

Куликов утверждал: вот доказательство того, что сидящий рядом с ним генерал Ярузельский в декабре 81-го добивался от Москвы ввода войск в том случае, если бы военное положение было безуспешным.

В тетради читаем:
«Ярузельский: „Отсутствуют встречи на высшем уровне, консультации политического и экономического характера; мы не можем идти на авантюру, если советские товарищи нас не поддержат. Раньше к нам приезжали Громыко, Андропов, Устинов, теперь не приезжает никто. Мы не получаем ответа на свои вопросы”».

Из записок ген. Аношикина следует: советская сторона многократно отвечала, что ввода войск не будет, и категорически требовала, чтобы поляки сами навели у себя порядок. Там расписана дислокация десяти механизированных полков Народного Войска Польского, которые должны участвовать во введении военного положения. Есть в записках и замечания маршала Куликова: «Оценка поведения ген. Ярузельского: много „я”, армия забыта. Имеет место увлечение показухой». «У вас много хороших военачальников. Олива – рассудителен. Янчишин должен быть поактивнее, Рапацевич хороши».

Проф. Анджей Пачковский во вступлении к «Тетради»: «Одному из участников конференции, известному американскому историку Марку Крамеру, удалось — прямо на месте — ксерокопию большей части этой тетради». За вступлением проф. Пачковского следует вступление Крамера. Его вывод: из «Тетради» ясно, что Ярузельский лжет, утверждая, будто введение военного положения было наименьшим злом и продиктовано необходимостью избежать ввода советских войск. Сам Ярузельский добивался ввода войск, не веря в успех своего предприятия.

Проф. Пачковский прислушался и к другой стороне — поместил ответы генералов Флориана Сивицкого и Войцеха Ярузельского. Ген. Сивицкий напоминает, что в армиях стран Варшавского договора никто не имел права записывать то, что хотел и как хотел (а в советской армии этого строжайше придерживались). Даже черновые записи должны были быть пронумерованы и скреплены. Ген. Ярузельский цитирует высказывание маршала Устинова, занимавшего в то время пост министра обороны СССР: «Куликов повторил то, что было сказано нами с Леонидом Ильичем (Брежневым): Польшу мы в беде не оставим. И он прекрасно знает, что

На его ладонях и пальцах явно были видны застарелые мозоли и шрамы. Загрубевшая кожа потрескалась, разъеденная какими-то маслами и несмыываемой грязью. Он не был белоручкой. Следы многолетней тяжелой работы с военными машинами отпечатались на его ладонях. И эти глаза! Полные напряжения и глубоко сидящего страха. Я был уверен, что если бы он почувствовал фальшивь, то, оттолкнув меня, выскочил бы в окно, спасаясь от выдачи. Я сказал ему: „Жди. Но не здесь. В костеле. Жди там и никуда оттуда не уходи”. И попросил нашего наборщика проводить его в ближайший Костел Спасителя. Я не знал, что с ним делать, куда его отправить, кто будет готов рисковать, кто окажется достойным доверия, кто возьмет на себя ответственность. Кого я могу подвергнуть опасности. Моя квартира под Варшавой давно перестала быть безопасным местом. Впрочем, мы с женой ютились в маленькой однокомнатной квартирке с кухней и ванной. Надо было найти ему укрытие на двое-трое суток прежде, чем мне удастся отыскать какое-нибудь относительно безопасное место на более длительный срок. Тогда наборщик сказал: „Может Стефания? Она живет довольно далеко от Варшавы”. Стефаний было немногим больше двадцати, светлоокая, светловолосая, с румяными щеками, она выглядела деревенской красоткой, которая лучше смотрелась бы на фоне мальв перед чисто выбеленной хаткой в мазовецкой деревне, чем в добровольной вспомогательной службе „Солидарности”. На нее единственную среди множества добровольных помощниц „Солидарности” обратил мое внимание наборщик. Он ей доверял. Итак... в костел мы пришли каждый порознь в разное время и вошли через разные двери. Он ждал там. Сидел на скамье сгорбленный, съежившийся от холода, взглядом упервшись в Христа, распятого над алтарем. Мы показали ему Стефанию и оставили их вдвоем. Через несколько часов милиция начала штурм штаб-квартиры „Солидарности”. Всех, кого застали в здании, отправили в камеры предварительного заключения. Находившееся внутри имущество, оборудование было разгромлено. В ночь с 12 на 13 декабря 1981 года было введено военное положение. На входной двери моего дома и сегодня видны следы от милиционских ломов. Обыскали даже подвал. Я в тот момент был в пути. То ли я опоздал, то ли они явились слишком рано. Позднее, в течение пяти лет работы в подполье, когда я скрывался, постоянно меняя квартиры, меня не оставляла мысль о нем. Отсутствие какой-либо информации позволяло надеяться на лучшее, но уверенности у меня не было. Наконец, как-то ночью, в очередном своем убежище я услышал в передаче радио „Франс Интернациональ” опубликованное ранее в газете „Либерасьон” интервью с Юрием Х., дезертиром из

Советской Армии. Это было интервью с ним. Я знал это. Фамилия не называлась, имя было изменено. Многие факты также были обойдены молчанием, но я знал. Не было ни тени сомнения, что это был он. В сентябре 1985 года мне в руки попал переправленный контрабандой из Парижа экземпляр ежемесячника „Культура”, издаваемого Ежи Гедройчем. Там я прочел интервью с Александром – имя изменено, фамилия не называлась. Это также было интервью с ним. Я это понял. Значит, ему удалось спастись, он живет во Франции. Я не знал, каким образом и с чьей помощью он перебрался туда.

Стефания какое-то время была связной Исполнительной комиссии подпольной „Солидарности” региона Мазовше, но тогда мы не говорили о Юрии-Александре. У нас был принцип: знать как можно меньше, и только то, что совершенно необходимо для нашей работы. Поэтому я не спрашивал, а Стефания не упоминала о нашей общей тайне. Лишь позднее, после 1986 года, я узнал от Стефании, что Юрий-Александр какое-то время оставался в деревне. Там он колол дрова, косил, помогал ремонтировать сельхозтехнику и выучил язык. Позднее его переправили куда-то еще. Его передавали с рук на руки. Он менял места своего пребывания, словно член подполья. Каким образом он выбрался из Польши, этого Стефания не знала.

В сентябре 1985 года я дал интервью для „Континента”, записала его Лия Пентковская, которой я благодарен, так же как и Стефании Серак, за поддержку в самые трудные годы. В этом интервью я не мог не выразить радости по поводу того, что Юрий-Александр остался цел. В надежде, что мои слова дойдут до него, я тогда сказал: „Теперь я испытываю огромную радость от того, что Юрию-Александру удалось спастись, удалось благополучно покинуть польскую землю – пусть и дружественную, но под властью коммунистов не менее для него опасную, чем его собственная родина. Живи, Юрий-Александр! Будь здоров! Быть может, еще настанет такое время, когда мы встретимся без страха друг за друга и друг перед другом” („Континент”, N 576, 1987 год, с.292). И теперь, спустя без малого двадцать лет, я хотел бы добавить еще одно – извини, Юрий-Александр за то мое большевистское: „Покажи руки”. Где бы ты ни был – прости меня.

11-17 декабря 1999 года

сами поляки просили не вводить войска». Далее Ярузельский цитирует Рышарда Куклинского: «Я и мысли не допускаю, что генералы Ярузельский и Сивицкий были заинтересованы в советском подкреплении. Это неправда».

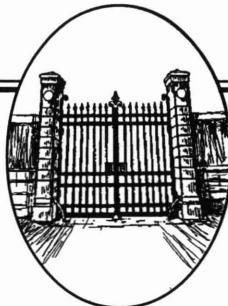
Тетрадь Аношина не пронумерована, в ней не хватает страниц. Ген. Ярузельский утверждает, что некоторые цитаты сфабрикованы, немало и просто ошибочной информации. Почерк ген. Аношина не слишком разборчив. Сокращения непонятны. Неясно, кто что говорит, а сам он отказался помочь прочесть тетрадь. Дал эту тетрадь Крамеру Куликов, правда, в присутствии Аношина. Но с какой целью? Быть может, Ярузельский чем-то вызвал недовольство маршала? В какой-то степени проливает на это свет проф. Бжезинский в документальном фильме, показанном на польском телевидении. «Маршал Куликов — человек симпатичный, но врет как по нотам». Впрочем, нельзя сказать, что это полностью прояснило ситуацию.

«Рабочая тетрадь» генерала Аношина. 9-16 декабря 1981 года. Ред. Анджей Пачковский. Варшава, Институт политических исследований ПАН, 1998. (На польск. яз.)

gazeta

Эрнест Скальский

Записки Аношкина

Виктор Куллерский

БОЛЬШЕВИК

К годовщине введения в Польше военного положения 13 декабря 1981 года

Эрнест Скальский

ЗАПИСКИ АНОШКИНА

Ярузельский: «Для нас это ужасное известие! Полтора года говорили о необходимости прислать войска, а теперь все провалилось!» Куликов: «Почему вдруг возник вопрос о военной помощи? Ведь мы уже обговорили все аспекты введения военного положения». Это фрагмент записок генерал-лейтенанта А.И.Аношина, адъютанта маршала Виктора Куликова, командующего войсками стран Варшавского договора; записки относятся к их пребыванию в Варшаве с 7 по 17 декабря 1981 года, когда в Польше было введено военное положение.

Тетрадью с этими записками размахивал маршал Куликов в октябре нынешнего года в местности Яхранка близ Варшавы, на международной конференции,

Дня за два, за три до введения военного положения редакция *Информационного бюллетеня НСПС Солидарность „AC“* организовала в штаб-квартире Правления НСПС „Солидарность“ дискуссию с членами Президиума Правления. Темой дискуссии стали вопросы, возникающие в Польше постоянно с интервалом в несколько лет, предмет не существующих прогнозов, полемики, даже споров, вплоть до гадания на кофейной гуще – „Войдут русские или не войдут? Выстоим или не выстоим? Что будет?“. Не утихающие яростные споры, попытки аргументировано обосновать противоположные мнения, наконец, упреки. Я тогда молчал. Я был убежден, что вопрос предрешен. Дискуссия была беспредметной, но мне не хотелось гасить надежды большинства. Однако за это молчание меня стали упрекать. При условии, что мое выступление не будет опубликовано, я высказал свое глубочайшее убеждение, даже уверенность: „Нас разгромят. Того и гляди - разгонят. Наши дни, а может и часы, уже сочтены. Я не знаю, ни откуда последует удар, ни когда это произойдет, ни как именно будет осуществляться, но удар будет нанесен. В любую минуту“. „Так почему же ты не скажешь об этом читателям? Если ты так думаешь, твой долг – сказать об этом членам профсоюза“, - набросился на меня главный редактор. Но сказать такое и ничего не предложить, даже не намекнуть, как подготовиться, как защищаться, что делать – значило заниматься распространением пораженческих настроений и ничего больше. Этого я не желал, а поскольку более точной информации у меня не было, то не было и соображений, как противостоять тому, что неумолимо приближалось. В армии отменили увольнительные и приостановили увольнение резервистов. Призванные в армию получали направление в органы милиции. По всей стране происходила передислокация армейских частей, а по многим дорогам двигались колонны танков, БТРов и грузовиков с солдатами. Курсанты милицейских школ и части милицейского резерва также покидали районы своей дислокации и подтягивались в крупные города. Высшим партийным функционерам выдали оружие. В помещении большого кинотеатра „Клуб“, находящегося в нескольких сотнях метров от штаб-квартиры

регионального правления НСПС „Солидарность” – Мазовше, расположился усиленный отряд милиции. И вот тогда, в тот памятный морозный и ветреный день 12 декабря 1981 года, я получил совершенно неожиданное сообщение. Один из парней, которые работали в нашей типографии попросил меня встретиться для короткого разговора: с глазу на глаз, вне стен здания, чтобы избежать прослушивания. „У нас дезертир из Советской Армии. Он просит о помощи”, – сказал наборщик. Это было как гром среди ясного неба. Провокация? Провокатор или может, ... может быть все-таки отчаявшийся человек? В такую минуту! Если провокатор – мы все за это заплатим. А если отчаявшийся человек? Тогда заплатит только он. Заплатит самую высокую цену. Короткий разговор с заведующей так называемого отдела правовой помощи Зофьей Ромашевской: „Ты с ума сошел! Это явная провокация. Выстави его немедленно. Я не хочу иметь с этим ничего общего!”. Этого мне было достаточно. Збышек Буяк, Северин Яворский, Хенрик Вуец, Збышек Ромашевский и Януш Онышкевич были в Гданьске на заседании Всепольской комиссии „Солидарности” – мы тогда еще не знали, что это было последнее заседание. Через несколько часов все, за исключением Збышека Буяка, были интернированы. Обоим Збышкам удалось скрыться, и позднее мы встретились в подполье.

Итак, пока я был один. Переложить решение было не на кого. „Отведи меня к нему”, – сказал я нашему наборщику. В маленькой запертой на ключ комнатке сидел на стуле, сгорбившись, измученный человек. Сидел, уставившись в пустое, заснеженное окно. Когда я вошел, он нервно вздрогнул и обернулся. Он был похож на раненую птицу. Молодой, светлое открытое лицо посерело от напряжения и усталости. Одет в гражданское, одежка поношенная, грязноватая и слегка влажная. По-польски не говорит. С трудом мне удалось понять, что он уже побывал в штаб-квартире „Солидарности” во Вроцлаве. Вроцлавяне привезли его к нам, в Варшаву. Он хотел попасть в американское посольство. Это был абсурд, дело совершенно невозможное. Насхватили бы возле посольства. В армии он был простым механиком-водителем. Но это все не имело значения. Провокатор или отчаявшийся? Я внимательно присматривался к нему, но понять не мог. Руки! Какие у него руки? Он держал их сложенными на коленях. Его ладони поколились на грязных брюках совершенно неподвижно. Белоручка или рабочий? Трудно было разглядеть. Мне было стыдно. Слова застревали у меня в горле, но в конце концов я выдавил из себя: „Покажи руки”. Он послушно поднял руки ладонями вверх и молча смотрел на меня. Он ждал приговора. Я чувствовал себя ужасно, хуже не бывает, как большевик.

посвященной «польскому кризису» 1980–1982 гг.

Куликов утверждал: вот доказательство того, что сидящий рядом с ним генерал Ярузельский в декабре 81-го добивался от Москвы ввода войск в том случае, если бы военное положение было безуспешным.

В тетради читаем:
«Ярузельский: „Отсутствуют встречи на высшем уровне, консультации политического и экономического характера; мы не можем идти на авантюру, если советские товарищи нас не поддержат. Раньше к нам приезжали Громыко, Андропов, Устинов, теперь не приезжает никто. Мы не получаем ответа на свои вопросы”».

Из записок ген. Аношикина следует: советская сторона многократно отвечала, что ввода войск не будет, и категорически требовала, чтобы поляки сами навели у себя порядок. Там расписана дислокация десяти механизированных полков Народного Войска Польского, которые должны участвовать во введении военного положения. Есть в записках и замечания маршала Куликова: «Оценка поведения ген. Ярузельского: много „я”, армия забыта. Имеет место увлечение показухой». «У вас много хороших военачальников. Олива – рассудителен. Янчишин должен быть поактивнее, Рапацевич хороши».

Проф. Анджей Пачковский во вступлении к «Тетради»: «Одному из участников конференции, известному американскому историку Марку Крамеру, удалось — прямо на месте — ксерокопию большей части этой тетради». За вступлением проф. Пачковского следует вступление Крамера. Его вывод: из «Тетради» ясно, что Ярузельский лжет, утверждая, будто введение военного положения было наименьшим злом и продиктовано необходимостью избежать ввода советских войск. Сам Ярузельский добивался ввода войск, не веря в успех своего предприятия.

Проф. Пачковский прислушался и к другой стороне — поместил ответы генералов Флориана Сивицкого и Войцеха Ярузельского. Ген. Сивицкий напоминает, что в армиях стран Варшавского договора никто не имел права записывать то, что хотел и как хотел (а в советской армии этого строжайше придерживались). Даже черновые записи должны были быть пронумерованы и скреплены. Ген. Ярузельский цитирует высказывание маршала Устинова, занимавшего в то время пост министра обороны СССР: «Куликов повторил то, что было сказано нами с Леонидом Ильичем (Брежневым): Польшу мы в беде не оставим. И он прекрасно знает, что

На его ладонях и пальцах явно были видны застарелые мозоли и шрамы. Загрубевшая кожа потрескалась, разъеденная какими-то маслами и несмыываемой грязью. Он не был белоручкой. Следы многолетней тяжелой работы с военными машинами отпечатались на его ладонях. И эти глаза! Полные напряжения и глубоко сидящего страха. Я был уверен, что если бы он почувствовал фальшивь, то, оттолкнув меня, выскочил бы в окно, спасаясь от выдачи. Я сказал ему: „Жди. Но не здесь. В костеле. Жди там и никуда оттуда не уходи”. И попросил нашего наборщика проводить его в ближайший Костел Спасителя. Я не знал, что с ним делать, куда его отправить, кто будет готов рисковать, кто окажется достойным доверия, кто возьмет на себя ответственность. Кого я могу подвергнуть опасности. Моя квартира под Варшавой давно перестала быть безопасным местом. Впрочем, мы с женой ютились в маленькой однокомнатной квартирке с кухней и ванной. Надо было найти ему укрытие на двое-трое суток прежде, чем мне удастся отыскать какое-нибудь относительно безопасное место на более длительный срок. Тогда наборщик сказал: „Может Стефания? Она живет довольно далеко от Варшавы”. Стефаний было немногим больше двадцати, светлоокая, светловолосая, с румяными щеками, она выглядела деревенской красоткой, которая лучше смотрелась бы на фоне мальв перед чисто выбеленной хаткой в мазовецкой деревне, чем в добровольной вспомогательной службе „Солидарности”. На нее единственную среди множества добровольных помощниц „Солидарности” обратил мое внимание наборщик. Он ей доверял. Итак... в костел мы пришли каждый порознь в разное время и вошли через разные двери. Он ждал там. Сидел на скамье сгорбленный, съежившийся от холода, взглядом упервшись в Христа, распятого над алтарем. Мы показали ему Стефанию и оставили их вдвоем. Через несколько часов милиция начала штурм штаб-квартиры „Солидарности”. Всех, кого застали в здании, отправили в камеры предварительного заключения. Находившееся внутри имущество, оборудование было разгромлено. В ночь с 12 на 13 декабря 1981 года было введено военное положение. На входной двери моего дома и сегодня видны следы от милиционских ломов. Обыскали даже подвал. Я в тот момент был в пути. То ли я опоздал, то ли они явились слишком рано. Позднее, в течение пяти лет работы в подполье, когда я скрывался, постоянно меняя квартиры, меня не оставляла мысль о нем. Отсутствие какой-либо информации позволяло надеяться на лучшее, но уверенности у меня не было. Наконец, как-то ночью, в очередном своем убежище я услышал в передаче радио „Франс Интернациональ” опубликованное ранее в газете „Либерасьон” интервью с Юрием Х., дезертиром из

Советской Армии. Это было интервью с ним. Я знал это. Фамилия не называлась, имя было изменено. Многие факты также были обойдены молчанием, но я знал. Не было ни тени сомнения, что это был он. В сентябре 1985 года мне в руки попал переправленный контрабандой из Парижа экземпляр ежемесячника „Культура”, издаваемого Ежи Гедройчем. Там я прочел интервью с Александром – имя изменено, фамилия не называлась. Это также было интервью с ним. Я это понял. Значит, ему удалось спастись, он живет во Франции. Я не знал, каким образом и с чьей помощью он перебрался туда.

Стефания какое-то время была связной Исполнительной комиссии подпольной „Солидарности” региона Мазовше, но тогда мы не говорили о Юрии-Александре. У нас был принцип: знать как можно меньше, и только то, что совершенно необходимо для нашей работы. Поэтому я не спрашивал, а Стефания не упоминала о нашей общей тайне. Лишь позднее, после 1986 года, я узнал от Стефании, что Юрий-Александр какое-то время оставался в деревне. Там он колол дрова, косил, помогал ремонтировать сельхозтехнику и выучил язык. Позднее его переправили куда-то еще. Его передавали с рук на руки. Он менял места своего пребывания, словно член подполья. Каким образом он выбрался из Польши, этого Стефания не знала.

В сентябре 1985 года я дал интервью для „Континента”, записала его Лия Пентковская, которой я благодарен, так же как и Стефании Серак, за поддержку в самые трудные годы. В этом интервью я не мог не выразить радости по поводу того, что Юрий-Александр остался цел. В надежде, что мои слова дойдут до него, я тогда сказал: „Теперь я испытываю огромную радость от того, что Юрию-Александру удалось спастись, удалось благополучно покинуть польскую землю – пусть и дружественную, но под властью коммунистов не менее для него опасную, чем его собственная родина. Живи, Юрий-Александр! Будь здоров! Быть может, еще настанет такое время, когда мы встретимся без страха друг за друга и друг перед другом” („Континент”, N 576, 1987 год, с.292). И теперь, спустя без малого двадцать лет, я хотел бы добавить еще одно – извини, Юрий-Александр за то мое большевистское: „Покажи руки”. Где бы ты ни был – прости меня.

11-17 декабря 1999 года

сами поляки просили не вводить войска». Далее Ярузельский цитирует Рышарда Куклинского: «Я и мысли не допускаю, что генералы Ярузельский и Сивицкий были заинтересованы в советском подкреплении. Это неправда».

Тетрадь Аношкина не пронумерована, в ней не хватает страниц. Ген. Ярузельский утверждает, что некоторые цитаты сфабрикованы, немало и просто ошибочной информации. Почерк ген. Аношкина не слишком разборчив. Сокращения непонятны. Неясно, кто что говорит, а сам он отказался помочь прочесть тетрадь. Дал эту тетрадь Крамеру Куликов, правда, в присутствии Аношкина. Но с какой целью? Быть может, Ярузельский чем-то вызвал недовольство маршала? В какой-то степени проливает на это свет проф. Бжезинский в документальном фильме, показанном на польском телевидении. «Маршал Куликов — человек симпатичный, но врет как по нотам». Впрочем, нельзя сказать, что это полностью прояснило ситуацию.

«Рабочая тетрадь» генерала Аношкина. 9-16 декабря 1981 года. Ред. Анджей Пачковский. Варшава, Институт политических исследований ПАН, 1998. (На польск. яз.)

gazeta

Государство первого разряда

**Встреча в Интернете с проф.
Брониславом Геремеком**

ГОСУДАРСТВО ПЕРВОГО РАЗРЯДА

*Встреча в Интернете с проф. Брониславом Геремеком,
министром иностранных дел Польской Республики*

Вопросы задают пользователи Интернета и редакция журнала «Впрост»

— Переговоры с Евросоюзом становятся все труднее и труднее. Не придется ли нам выбирать между членством «второй категории» и долгим ожиданием?

— Европейский Союз не ставит перед Польшей задач, превосходящих наши возможности. Речь идет скорее о том, насколько продвинулась наша страна по пути модернизации. Мы отстали на полвека. В течение последних десяти лет мы достигли успехов, которыми может гордиться все общество. Но теперь нужно обеспечить

высокий уровень экономического роста, чтобы догнать западные страны. Если мы сохраним темпы перемен последних лет, то не будем в Европейском Союзе членом второй категории.

— А как обстоят дела с применением европейских стандартов в сельском хозяйстве и праве?

— Правовые перемены требуют большого труда парламента и правительства. Сейчас мы готовим своеобразный контракт между правительством и парламентом: речь идет о том, чтобы до предусмотренного момента вступления в ЕС наделить законодательство, связанное с европейскими переговорами, чрезвычайным характером. Это, по замыслу, будет своеобразный быстрый путь утверждения законов.

Если говорить о сельском хозяйстве, то у нас два миллиона крестьянских хозяйств, из которых только 400 тысяч связаны с рынком. Значит, мы должны

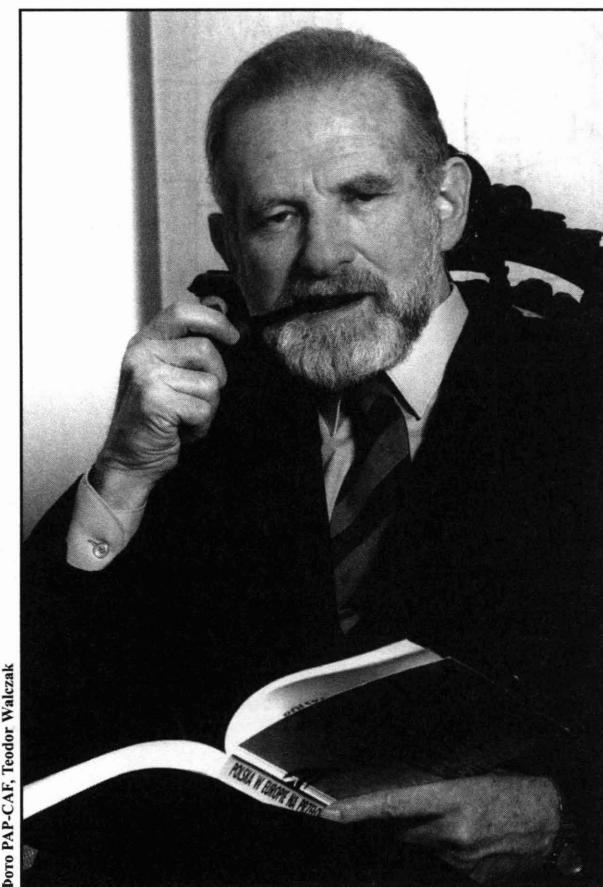

Фото PAP-CAF, Teodor Walczak

создать условия модернизации сельского хозяйства, следя при этом, чтобы не нанести людям ущерба. Это требует развития переработки сельхозпродукции, услуг на селе и в первую очередь крупных капиталовложений в образование сельской молодежи. Как и другие новые члены ЕС, Польша должна получить на это помошь из бюджета Евросоюза.

— Каковы самые вероятные сроки вступления Польши в ЕС?

— Польша должна была поставить себе крайний срок, определяющий нашу готовность к вступлению в ЕС. Этот срок — 1 января 2003 года. С точки зрения польских интересов, очевидно, что и ЕС должен к тому времени приготовиться к вступлению Польши.

— Тревожит неприязненное отношение к новым кандидатам в странах ЕС. Не значит ли это, что сама Европа оказалась на крутом повороте?

— Можно было ожидать, что расширением Евросоюза будут встревожены те его члены, которые больше всего пользуются фондами ЕС, — Испания, Португалия, Греция. Но опасения проявились больше всего в Австрии и Германии. Они вытекают из страха перед притоком дешевой рабочей силы из новых стран-членов, особенно из Польши, и порождены не реальной опасностью, а стереотипами мышления. В 1989 г. боялись, что в Западную Европу хлынет 18-20 млн. человек с востока. И совершенно неосновательно. То же самое — и со страхом немцев и австрийцев перед притоком польской рабочей силы.

— Как вы относитесь к союзу Белоруссии и Российской Федерации? Не создает ли он непосредственной угрозы Польше?

— Проект этого союза можно рассматривать как элемент интеграционных процессов, протекающих в современном мире. Если бы это было так, я бы ничего другого в этом проекте не усматривал. Однако уже предварительные заявления позволили заметить совершенно другое направление перемен, а именно возрождение имперской идеи. Между тем Польша хотела бы видеть Россию на пути демократического развития. Боюсь, что союз с Белоруссией противоречит такой эволюции России.

— Можем ли мы в этих обстоятельствах рассчитывать на помощь НАТО?

— Думаю, что, наоборот, прежде всего НАТО рассчитывает на помощь Польши. Польша хорошо знает восток Европы, заинтересована его делами и может быть источником хорошей экспертизы. Зато несомненно, что наше вступление в НАТО освобождает нас от ощущения угрозы, от опасений перед противостоянием одинокой Польши имперской мощи Восточной Европы. Добавлю, что в условиях современного военного потенциала важнее всего военно-воздушные силы. Это хорошая новость, так как вся мощь ВВС США и Европы на нашей стороне. Но это и вызов для Польши...

Руководил встречей Александр Кропивницкий
wprost

Ян Новак-Езёрапский

Этот шанс нельзя упустить

1.

Не так давно в "Нью-Йорк Таймс" появилась статья, раскрывающая темные стороны сегодняшней польской действительности. Корреспондент газеты Роджер Коэн пишет, что "польский успех" начинает меркнуть. Он отмечает, что растет популярность Анджея Леппера (вожака радикальной крестьянской организации „Самооборона - прим. ред.) и его демагогических лозунгов, множатся протесты, забастовки, массовые демонстрации в центре столицы. Падает популярность премьера и правительства. Ошибки, совершенные из-за непрофессионализма директора ЗУСа (фонда социального страхования), ведут к огромным убыткам, подрывающим сбалансированность государственного бюджета. Человек, исполняющий обязанности министра, среди ночи взламывает сейф уволенного подчиненного. Отстраняются от власти министры и заместители министров, ранее прошедшие проверку НАТО, а теперь подозреваемые в сотрудничестве с коммунистической госбезопасностью. Далее "Нью-Йорк Таймс" пишет об экономических трудностях, росте инфляции и безработицы, о повышении цен на бензин. Горестный перечень долог.

Результатов статьи не пришлось долго ждать. Уже через несколько дней мне позвонил высокого ранга нью-йоркский финансист польского происхождения. К нему обратился за советом один из крупных американских концернов, который планирует разместить в Польше многомиллионные инвестиции. "Не следует ли, - спросили они, - ввиду нестабильной ситуации в Польше, отказаться от этих намерений или, по крайней мере, выждать и посмотреть, что там будет происходить?"

Таких вопросов и сомнений несомненно было немало. Возможно, корреспонденция "Нью-Йорк Таймс", ведущей газеты, которую читает вся западная элита, - лишь первый сигнал тревоги для западных инвесторов. За ним могут последовать и другие.

Главным достижением минувшего десятилетия было формирование облика Польши как "европейского тигра", побившего рекорд экономического роста. Мы стали образцом и

примером страны, которая, стартовав в самых неблагоприятных условиях, благодаря смелой, радикальной и оперативной терапии сумела снизить инфляцию с 650 до 10%. Страны, которая сделала золотой самой сильной валютой в регионе. Страны, которая добилась рекордного, 7-процентного роста общественного дохода, почти удвоив среднегодовой доход на душу населения. Внушительные достижения последних десяти лет привели к тому, что Польша стала магнитом, который притянул уже более 30 млрд. долл. инвестиционного капитала. Это гигантская инъекция; если перевести ее в покупательную способность и пересчитать на душу населения, она окажется намного мощнее, чем вся послевоенная помощь странам Западной Европы в рамках плана Маршалла. Такие финансовые вливания стимулировали невероятно динамичное и бурное экономическое развитие.

Бегство капитала или даже торможение его притока может превратить хозяйственный рост в упадок или, по меньшей мере, в застой, перечеркнув надежды на снижение безработицы и на улучшение условий жизни тех людей, кто по-прежнему пребывает в крайней нужде. Если Польша упустит свой уникальный шанс воспрянуть от экономического упадка и встать по уровню жизни вровень с Западной Европой, историческая ответственность за это падет на всю правящую элиту – как на правительство, так и на оппозицию.

Для некоторых то, что они завоевали власть, равнозначно тому, что они получили государство в частную собственность. В XVII веке князь Богуслав Радзивилл сравнил Речь Посполитую со штукой сукна, которую каждый тянет в свою сторону, желая урвать кусок побольше. Ныне это приняло форму назначения на должности не по принципу профессиональной и интеллектуальной квалификации, а по партийной принадлежности. Некомпетентные политики, стоящие во главе министерств, административных органов и предприятий, приводят их к краху. Пример – катастрофа ЗУСа.

Принцип раздачи должностей по партийным спискам связан с популизмом. Ведь популизм – не что иное, как добыча голосов и мандатов для себя и своей партии за счет государства. Популизм – это также уступки нажиму групп и личностей, которые ставят сиюминутный личный интерес выше общественного блага, выше государства. Это рецидив национальной болезни – вроде шляхетской "приватности" в эпоху упадка Речи Посполитой. Демагогические лозунги становятся мошенничеством, когда их бросают в народ при полном сознании их невыполнимости. Популизм

манипулирует избирателями, пользуясь невежеством людей, которые не замечают, что лакомый кусок избирательного пирога лежит в мышеловке. А ведь когда-нибудь мышеловка захлопнется и переломит им хребет.

Единственное исключение на этом фоне составляют Лешек Бальцерович и команда его сотрудников. Для них власть и связанные с нею "привилегии" - не цель, а средство осуществления программы, которая в долгосрочной перспективе определяет единственный путь к снижению безработицы, повышению заработков беднейших слоев и улучшению условий существования людей труда. Этот единственный путь - рост общественного дохода, а тем самым и поступлений в государственную казну. Ибо государство - вопреки тому, что кажется некоторым, - это не источник дохода, а лишь его распределитель. Огромная часть средств, которые поступают в казну, используется на то, чтобы покрыть гигантский дефицит, создаваемый горнодобывающей промышленностью, metallurgiей и прочими социалистическими гигантами, а также карликовыми сельхозпредприятиями. Казну истощают те государственные предприятия и те крестьяне, которые не платят налогов, не делают страховых отчислений и не возвращают долгов. Общественный доход пожирают нерентабельные производства - ведь их убытки, в конечном счете, вынуждено покрывать государство. Дотации, субсидии... Государство тратит деньги на закупку продукции по цене выше рыночной, вот у него и нет средств на достойное вознаграждение врачей, медицинского персонала, на оборудование больниц современной техникой, т.е. на обеспечение биологической основы воспроизводства общества. Это ярмо - причина и того, что менее 1 % общественного дохода государство направляет на культуру, и того, что нет денег на научные исследования, от которых зависит способность Польши конкурировать с другими странами, и того, что Польша беззащитна, поскольку не может позволить себе иметь больше восьми самолетов, годных для современного воздушного боя. Единственный путь к тому, чтобы исправить такое положение вещей, - это приватизация и модернизация того сектора экономики, который причиняет убытки, и создание благоприятных условий для развития прибыльного предпринимательства, которое увеличивает поступление средств в государственную казну. Прежде всего, необходимо создать условия для привлечения прямых инвестиций иностранного капитала. Только так можно снизить безработицу, трудоустроить тех, кто потерял работу из-за банкротства или модернизации убыточных предприятий. Программа Бальцеровича ведет к освобождению

налогоплательщиков из-под тяжелейшего гнета, связанного с покрытием дефицита, создаваемого старым, социалистическим сектором. При осуществлении этой программы уже через пять лет динамичный частный сектор вырастет с нынешних 60 до 95% в общем объеме производства. Реформа налоговой системы, вопреки утверждениям некоторых публицистов, облегчит участь тех, кто зарабатывает меньше всего. Сегодня налоги, обременяющие крупные предприятия, столь высоки, что тормозят развитие производства. Снижение налогов станет стимулом к вложению капиталов, а тем самым – к созданию новых рабочих мест. Болезненней всего изменение налоговой системы скажется не на самых бедных, а на тех, кто имеет средние доходы, т.е. на тех, кто составляет электоральную базу партии Лешека Бальцеровича. Для него динамичный темп хозяйственного роста – задача более важная, чем завоевание популярности и голосов избирателей. На пути к лучшему будущему невозможно срезать углы. Третий путь, предлагаемый Леппером, означает замораживание перемен, ведущих к этому будущему. Путь Леппера ведет лишь в одном направлении – к застою или к упадку.

2.

Возвратившись в свой Аннандейл после нескольких недель, проведенных в Польше, я впервые ощутил такую сильную тревогу за судьбу страны. В социальные низы проникает ощущение, что правительство слабо, прямо-таки бессильно, что его разъедают внутренние конфликты. Следя линии наименьшего сопротивления, оно подчиняется нажиму. Чем более крикливы и резок нажим – тем больше уступки. Это укрепляет позицию вымогательства, ведет к наращиванию требований разного рода прибавок к зарплате, доплат, ассигнований, дотаций, которые, если их выполнить, привели бы государство к банкротству. Главная угроза порядку в стране – чувство безнаказанности преступников. Не функционируют должным образом суд и прокуратура. Освобождение от наказания под предлогом малой общественной опасности преступного деяния создает все более широкий анклав ненаказуемых преступлений. Опасность такой формулировки в том, что она побуждает к нарушению закона, поощряет дерзость преступников. Человеку, который высыпает зерно на железнодорожные пути, мало того, что на это глазеет случайная толпа зевак. Он приглашает людей с телевизионными камерами, чтобы безнаказанно уничтожать чужое имущество на глазах у всей страны. Ярчайший пример поощрения такой наглости – безнаказанность Анджея Леппера.

Подстрекательство и призывы к насильственному свержению конституционного строя – преступление, подлежащее наказанию по уголовному кодексу любого государства. Леппер с 1992 года нарушает закон вызывающе и упорно. Он провоцирует беспорядки, в ходе которых получают ранения полицейские. Он призывает занимать и разрушать общественные здания, сыплет зерно на рельсы, блокирует дороги и пограничные пропускные пункты. Он оскорбляет власть и ее представителей, избранных демократическим путем, кликушествует о крестьянском восстании, всеобщей забастовке, насильственном свержении правительства. Он делает все, чтобы внутри страны и за границей создалось впечатление, будто Польше угрожает дестабилизация, а следовательно, это страна высокого риска, что должно отпугнуть инвесторов и понизить эффективность национальной экономики.

От внешнего врага защищают вооруженные силы. А от врага внутреннего, объявившего войну собственному государству, не защищают ни правительство, ни прокуроры, ни суды. Как пишет еженедельник "Впрост", против Леппера было возбуждено 70 судебных исков, однако суды боятся выносить обвинительные приговоры. Мало того, во время варшавской демонстрации во главе колонны рядом с Леппером шел лидер оппозиции Лешек Миллер, тем самым как бы молчаливо поддерживая демагога. На съезд лепперовской "Самообороны" прибыли высокий чиновник канцелярии президента и представитель правительства в лице министра сельского хозяйства. А это уже посерьезней, чем безнаказанность явного преступника. Глава государства и правительство самим присутствием своих представителей легитимизируют человека, который открыто и злонамеренно выступает как враг не правительства или какого-то политического лагеря, но государства в целом.

Впрочем, враждебность по отношению к собственному государству не ограничивается одним только Леппером. Она – словно дурной мыслительный штамп, наработанный в прошлом. В течение 120 лет, когда Польша была разделена, ее врагом были иностранные государства и правительства, затем – иностранная армия, полиция и учреждения немецких и советских оккупантов. В годы ПНР для большинства врагом была государственная власть, навязанная советским гегемоном. Теперь Польша вновь обрела собственную государственность, она независима и руководствуется своими государственными интересами, однако значительная часть граждан подсознательно, следуя дурному навыку, относится к

своему государству как к врагу. Отсутствует сознание того, до какой степени судьбы личности и семьи зависят – не только сегодня, в данную минуту, но и в дальнейшем – от судьбы собственного государства. Равнодушие к будущему того общественного блага, каковым является собственное государство, проявляется у нас в рекордно низкой явке на выборы. Тем, кто не идет к избирательным урнам, все равно, кто ими управляет. Для них правительство – враг, независимо оттого, кем оно рождено. Возникает вопрос: может ли в долгосрочной перспективе сохранить себя государство, которое борется со значительной частью своих граждан как с врагом?

Иного рода синдромом, тоже порожденным временами ПНР, отягощено правительство. Это страх перед применением силы для защиты государства и правопорядка в ситуации, когда внутренний враг прибегает к насилию. Власти помнят, как танки стреляли в рабочих в Познани, на Балтийском побережье и в Силезии, помнят и справедливое всеобщее осуждение этих преступных методов. Стрельба в безоружных была, есть и будет преступлением. правоохранительные органы имеют право применять оружие только при отражении вооруженного нападения и в случае крайней необходимости. Но сегодня полиции нет нужды пользоваться огнестрельным оружием. Есть другие средства остановить людей, которые вознамерились бить полицейских и чиновников или громить здания и чужое имущество.

На программу правительства часто нападают во имя социальной справедливости, обвиняя его в неравенстве распределения общественного дохода и равнодушии к людской беде. Подсчеты показывают, что в Польше 21% населения живет в нужде. Это те, кому не хватает средств на удовлетворение самых элементарных потребностей: на то, чтобы заплатить за крышу над головой, питание, одежду и топливо. Борьба с безработицей и бедностью должны быть для правительства первоочередным делом. Но речь идет о том, чтобы избрать верный путь к этой цели. Тут не годится прививавшийся долгие годы социалистический эгалитаризм, то есть стягивание тех, кому живется лучше, вниз, до уровня тех, кто имеет меньше всех. Эгалитаристы говорят: пусть буханка будет маленькой, главное – поделить ее на равные, пускай тонкие, ломтики. На этот счет есть крепкое присловье: "Коли все для всех равно, выйдет каждому – г...".

Нигде нет такого социального неравенства, как в Америке. На самом верху – горстка миллиардеров. А внизу? Семья, которая мало зарабатывает, нередко имеет два автомобиля, домик с

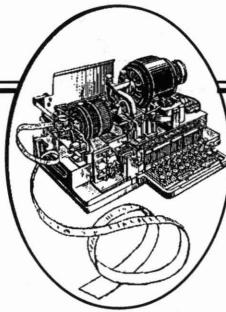
холодильником и телевизором, средства на развлечения. Принцип американского капитализма состоит в том, что богатый подтягивает бедного вверх, давая ему рабочее место и вознаграждение, продиктованное конкуренцией, а иногда - умеренным нажимом профсоюзов. Поэтому в Соединенных Штатах - самая низкая безработица, всего 4%. Это люди, которые живут в бедности. Чтобы в этом убедиться, достаточно посетить южные районы Вашингтона. Беднейших защищают от голода и холода социальные пособия, талоны на питание, медицинские страховки.

Борьба с бедностью, нищетой и безработицей эффективна не путем эгалитаризма, т.е. выравнивания по нижней планке, но путем роста доходного производства, ведущего к высоким налоговым поступлениям, при закрытии или оздоровлении убыточных предприятий, дотируемых государством за счет граждан. Все, что повышает стоимость продукции, снижает ее конкурентоспособность как на внешнем, так и на внутреннем рынке, а значит, ведет к кризису, росту безработицы и нищеты.

Ян Новак-Езёрапский (1913) – солдат Армии Крайовой, знаменитый „курьер из Варшавы”, политический деятель польской диаспоры, публицист. В период оккупации неоднократно ездил из Польши в Англию, информируя лондонское правительство о положении дел в стране и в АК. В 1952-1976 – директор польской редакции радио "Свободная Европа"

Виктор Кулерский

Хроника (некоторых) текущих событий

Виктор Кулерский

ХРОНИКА (НЕКОТОРЫХ) ТЕКУЩИХ СОБЫТИЙ

■ «Уходящий XX век был временем ненависти. И эта ненависть имела свои экономические основы. Выгоды приносила политика захватов, угнетения соседей — даже политика массового истребления. (...) Век, который наступает, будет веком солидарности. Человек станет приобретать не за счет другого, но благодаря ему. (...) Готовы ли мы к этому? Мне кажется, нет. Мы еще слишкомочно и глубоко погружены в прежний образ мыслей (...) чтобы кто-то что-то приобрел, он непременно должен вырвать это у другого, обогатиться за чей-то счет, приобретать ценности через чужое унижение. Политики, подозреваю, еще не вполне осознают суть "проблемы-2000"» (Лех Валенса // «Впрост», 1999, 5 дек.).

■ Самая высокая в истории Варшавы, 25-метровая елка установлена на Замковой площади. «Ельросла 30 лет в Писской пуще. Ее выбрали, потому что она была "большая, красива, стройная и ровненькая". В субботу на расвете пришли лесорубы и срубили дерево» («Газета выборчая», 1999, 29 ноября).

■ После того как через Сейм были пробиты налоговые законы: «На этот раз знамя реформ снова в одиночестве нес вице-премьер [Лешек Бальцерович]. (...) Непринятие налоговых законов открывало путь разным вариантам развития событий, вплоть до самого радикального, т.е. досрочных выборов» [в том случае, если бы Бальцерович вышел в отставку, не был утвержден бюджет и распалась правящая коалиция] (Малгожата Суботич // «Жечпосполита», 1999, 22 ноября).

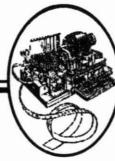
■ После неудачной попытки «Союза демократических левых сил» [созданного при распаде Польской объединенной рабочей партии (ПОРП)] заблокировать в Сейме налоговую ре-

форму президент Александр Квасневский отказался подписать закон, снижающий налоги, которые платят свыше 2,5 млн. мелких и средних предприятий, одновременно согласившись снизить налоги примерно 150 тыс. крупных фирм, в значительной мере государственных или с участием иностранного капитала. Снижение налогового бремени мелких и средних фирм должно было стимулировать их развитие и создание новых рабочих мест. Перед лицом возможного выхода в отставку вице-премьера, министра финансов Лешека Бальцеровича вновь упали курсы золотого и биржевых акций.

■ Глава советников президента Польской Республики проф. Марек Белька: «Господин президент в обоснование своего вето ссылается на нарушение принципов социальной справедливости. (...) Президент (...) использовал свое право вето (...) так как это [новые налоговые законы] недоступная нам роскошь» («Тыгодник повседневный», 1999, 12 дек.).

■ Президент Польского национального банка Ханна Гронкевич-Вальц: «Это не только плохое решение, но оно еще и принято в плохой момент — когда в мире и в Польше царит неуверенность (...) Я недвусмысленно утверждаю, что наложение вето на налоговые законы вредно для финансовой стабильности Польши и ее репутации за границей» («Жечпосполита», 1999, 30 ноября). «Чтобы завоевать такие позиции, какими располагает у иностранных инвесторов вице-премьер Бальцерович, нужно долго работать. Они ему доверяют. Если он уйдет, заграничные инвесторы на некоторое время потеряют доверие к Польше» («Газета выборчая», 1999, 31 ноября).

■ Архиепископ Юзеф Житинский: «Будем надеяться, что Бальцерович, поддержанный про-

явлением солидарности поляков и молитвой многих духовных кругов, пройдет через это испытание и сумеет спасти то, что важнее всего в его реформе и за что многие круги в Польше ему благодарны» (Католическое информационное агентство).

☒ Лешек Бальцерович: «Вето президента поставило меня перед одним из самых сложных, самых тяжелых решений моей жизни (...) во мне сталкивались два чувства ответственности. Одно из них говорило: надо уйти, нельзя стерпеть. (...) Но было и другое чувство ответственности, которое говорило, что надо остаться, если только есть минимальные условия успеха миссии, которую человек взял на себя. Даже ценой личного риска. (...) Перевесило это второе чувство ответственности, уговорившее оставаться (...) Коалиция возобновит попытку реформирования налогов с личных доходов в начале будущего года» (заявление от 30 ноября 1999).

☒ «Политики ставят себе по крайней мере одну из двух целей: 1. Существенную цель: решить определенную проблему (...) 2. Политическую цель: укрепить собственные позиции (...) Политик, который придает большее значение определенным существенным целям (цель №1), обычно готов пойти на крупный риск в области политических целей (целей №2), т.е. рискнуть в случае неуспеха ослаблением собственных позиций (...) политик, который придает большее значение политическим целям, нередко готов рискнуть отказом от существенных целей, а в крайних случаях — списать их в убыток» (Лешек Бальцерович // «Впрост», 1999, 5 дек.).

☒ «Несомненный успех Лешека Бальцеровича — в том, что теперь можно будет вести дебаты уже только о снижении налогов, а не об их повышении» (Янина Парадовская // «Политика», 1999, 11 дек.).

☒ Анджей Вайда: «В нашей стране происходят вещи глубоко тревожные, которых не объяснишь исключительно крахом ПНР (...) Бисмарк однажды сказал: “Дайте полякам свободу

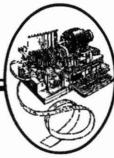
— это им будет самым большим наказанием”. Если наши враги способны так верно определить нас, то, может, уже самое время узнать что-нибудь о себе самих, перенося на экран литературные произведения, авторам которых хватало смелости критиковать общество» (из «Письма к зрителям» // «Газета выборчая», 1999, 29 ноября).

☒ Президент Александр Квасневский вызван в Варшавский окружной суд свидетелем на судебный процесс по делу о судьбе имущества, оставшемся после роспуска ПОРП.

☒ Депутат Хенрик Горышевский, юрист-консульт, ушел с поста председателя комиссии по государственным финансам Сейма после того, как печать обнаружила, что один из клиентов его юридической консультации — банк, желающий получить лицензию на создание пенсионного фонда.

☒ Апелляционный суд вынес решение, согласно которому адвокат Яцек Гофман и сенаторы Мариан Юрчик [в 80-е годы лидер «Солидарности» в Щецине] и Ежи Мокшицкий подали расходящееся с истиной люстрационное заявление, утаив, что сотрудничали с органами госбезопасности в ПНР. Если решение суда будет подтверждено судом второй инстанции, то адвокат потеряет право заниматься своей профессией на 10 лет, а сенаторы — парламентские мандаты. Все трое в течение 10 лет не смогут занимать высоких государственных должностей. [По закону о люстрации каждый, кто претендует на выборную или иную государственную либо судебную должность, должен дать показания о том, сотрудничал ли он с ГБ. Само сотрудничество, если о нем заявлено, не является законным препятствием избранию или назначению, — наказанию подлежит только ложь в «люстрационном заявлении».]

☒ В Познани идет судебный процесс по жалобе отставного полковника на организаторов развески плакатов с его фамилией, адресом, номером телефона и надписью: «Убийца живет ря-

дом с тобой». В декабре 1970 г. этот полковник отдал приказ стрелять по демонстрантам в Гданьске, и в настоящее время он — один из семи обвиняемых на суде по делу о «руководящем участии в убийстве 44 человек на Балтийском побережье в декабре 1970 года».

■ Суд над Ежи В., бывшим сотрудником министерства государственной безопасности, начался в Кросне. Ежи В. обвиняется в убийстве выстрелами в затылок Антония Жубрыда и его жены в 1946 году. Жубруд был командиром партизанского батальона численностью в 200 человек, сражавшегося против коммунистической власти.

■ Сообщение двух бывших офицеров управления госбезопасности в Белостоке о польско-советском сотрудничестве: «Если жертвы приговаривали к смертной казни, солдаты размещеннной в Белостоке советской части рыли в лесу могилы (...) Одним из конвойных бывал по очереди кто-либо из охранников начальника управления. Именно они стреляли заключенным в затылок (...) Тела закапывали ожидающие поблизости советские солдаты» («Газета выборчно-Магазин», 1999, 25 ноября).

■ Полтора десятка восковых фигур из петербургского музея «Паноптикум» выставлены в Торуни: «Сталин изображен добродушным властелином, русские посадили его за круглый ялтинский стол вместе с Рузвельтом и Черчиллем, зато Наполеона оценили как бич народов, поставив в один ряд с Гитлером и Чингисханом. На центральном месте (...) полулежа, с открытой грудью царствовала Клеопатра» («Жечпосполита», 1999, 19 дек.).

■ «...мы не освободимся от неприязни, иногда даже ненависти. Вина лежит и на тех, кто замарал себя, и на тех, кто неспособен простить. Следы коммунизма останутся в людях еще долгие годы, целые поколения. Это рана, которую не заклеишь пластырем» (епископ Тадеуш Пронек // «Впрост», 1999, 21 ноября).

■ «Православная Церковь не несет вины за то, что ей приходилось действовать при тотали-

тарной системе. Думаю, что экуменический диалог с православной Церковью в низах уже существует. Часто мы слышим от православных: «Мы же веруем в Одного и Того же Бога, читаем одно и то же Св. Писание, веруем во Иисуса Христа». Всех этих людей соединяет еще одно: страдание. Это земля мучеников» (епископ Ежи Мазур, апостольский администратор в Восточной Сибири // «Жечпосполита», 1999, 4-5 дек.).

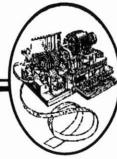
■ Поляки гордятся свержением коммунизма (36%) и сменой политической системы в 1989 г. (22%), а стыдятся низкого уровня жизни (22%) и 45 лет социализма в Польше (12%) (по данным Центра обследования общественного мнения).

■ «В Европе есть только две страны, в которых явно действуют неофашистские партии и группировки: Дания, где это легально, и Польша, где это запрещено». В 1989-1999 гг. в Польше по расистским побуждением убито 19 человек («Впрост», 1999, 5 дек.).

■ «Позиции Польши в отношении Чечни недвусмысленны: мы стоим за территориальный суверенитет России и считаем, что Чечня — это часть Российской Федерации (...) Одновременно мы считаем терроризм в любом виде недопустимым» (пресс-секретарь польского МИДа Павел Добровольский // «Жечпосполита», 1999, 19 ноября).

■ Правление польского ПЕН-Клуба направило в ПЕН-Центр Российской Федерации открытое письмо, в котором просит коллег-писателей присоединить свои голоса к протесту против операции российских войск в Чечне, влекущей за собой массовое уничтожение и депортацию тысяч беззащитных. В письме это названо геноцидом со ссылкой на соответствующую статью конвенции ООН от 12 ноября 1951 года.

■ «Независимая Украина укрепляет нашу независимость, а также создает России возможность стать вполне демократическим государ-

ством, соблюдающим суверенитет других стран» (Бронислав Геремек, министр иностранных дел ПР // «Жечпосполита», 1999, 18 ноября).

■ «О Ельцине мы будем сожалеть (...) Мы забываем, что этот человек, практически имеющий конституционные полномочия диктатора или царя Николая II, никого до сих пор за политические преступления в лагерь не отправил, ни одной газете не запретил писать все, что ей заблагорассудится, цензуру не восстановил и даже позволяет безнаказанно оскорблять себя (...) У него есть и заслуги перед Польшей (...) Восстановление российской империи противоречит польским государственным интересам, и скрывать это нет смысла (...) Польша — лакмусовая бумажка замыслов России в отношении Европы» (Ежи Помяновский «Пшеглёнд тыгоднёвы», 1999, 17 ноября).

■ Начался суд над полковником Чеславом В., начальником военной контрразведки в Лодзи, одним из трех офицеров, арестованных в прошлом году по обвинению в шпионаже в пользу СССР, а затем — России.

■ «Польская экономика достигла внушительных хозяйственных результатов. Еще несколько лет тому назад это казалось невозможным» (из доклада Международного бюро труда в Женеве).

■ «Десять лет спустя после начала рыночных перемен можно сказать, что польские экономические преобразования — самые успешные», — констатировали аналитики Организации экономического сотрудничества и развития на конференции в Париже («Жечпосполита», 1999, 23 ноября).

■ Самой крупной по доходам фирмой в Центральной Европе признаны «Польские электроэнергетические сети». В первой десятке оказалось еще пять польских фирм (по оценке консалтинговой фирмы «Делойт энд Тач»).

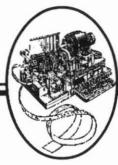
■ Полторы тысячи предприятий на грани краха были спасены передачей акций в руки их персонала. Сотрудники предприятий были единственными инвесторами, которые взяли на себя риск финансовой ответственности и спасения рабочих мест («Впрост», 1999, 28 ноября).

■ «В Польше функционирует 3600 государственных предприятий, 135 тыс. обществ торгового права и свыше 2,3 млн. фирм, действующих на основе закона о хозяйственном предпринимательстве. Таким образом, предприниматели составляют потенциально гигантскую группу натиска. Почему же их влияние на экономическую действительность ничтожно? (...) В государстве, где на протяжении десяти лет властям задают тон сильные профсоюзы, предприниматели, особенно частные, не в состоянии отвоевать слишком много» («Впрост», 1999, 5 дек.).

■ С 1991 по 1997 г. продолжительность жизни мужчин в Польше возросла на два года, а показатель младенческой смертности снизился на 47%. Число студентов за последнее десятилетие возросло в три раза, аспирантов — в десять. Средний реальный доход на семью на 7% выше, чем в 1989 г., число автомобилей у крестьян выросло вдвое, а у пенсионеров — в 2,5 раза. Среди тех, кто эмигрирует из Польши, лица с высшим образованием составляют 2% (в 80-е годы — 14), а с незаконченным средним — 75% (в 80-е — 27). Почему же так плохи общественные настроения? «Потому что потребительские аппетиты растут еще быстрей», — ответили участники конференции Товарищества польских экономистов и клуба «Бизнес-центр» («Газета выборчая», 1999, 7 дек.).

■ Делать сбережения предпочитают 19% поляков, 47% французов и 51% бельгийцев. Немцы лучше отложат покупку, чем станут покупать в кредит (по опросу общественного мнения «Рицерч интернейшнл»).

■ 86% поляков за последние полгода взяли кредиты или займы. Сумма индивидуальных кредитов, выданных банками за последние 12

месяцев, увеличилась на 47% («Впрост», 1999, 21 ноября).

■ Среднемесячное вознаграждение в III квартале 1999 г. выше всего было в Мазовецком воеводстве — 2331,52 зл., а ниже всего — в Подкарпатском: 1517,82 зл. (по данным Главного статистического управления) [один доллар = 4,2 зл.].

■ В средней семье 33% расходов предназначается на питание, 18% — на содержание квартиры, 7% — на образование и культуру («Впрост», 1999, 28 ноября).

■ Число иностранцев, нелегально работающих в Польше, возросло на 50%. Около 200 тыс. иностранцев, в большинстве своем из стран бывшего СССР и из Вьетнама, занимаются в Польше «левой» работой.

■ «Чиновники Европейского союза продолжают спрашивать: “Мы направляем вам такие крупные средства [на охрану окружающей среды]. Куда деваются эти деньги?” (...) Все более безвольное и сталкиваемое на обочину министерство экологисты называют министерством разрушения окружающей среды, а политики видят в нем оружие власти (...) или место почетной ссылки для самых слабых партий той или иной правящей коалиции» (Эрик Мистевич // «Впрост», 1999, 5 дек.).

■ «Примерно на 2 млн. [индивидуальных] крестьянских хозяйств приходится в Польше 24,5 млн. земельных участков. Это означает, что среднее крестьянское хозяйство располагает землей, расчлененной на 12 кусков, часто отдаленных друг от друга на несколько километров» («Жечпосполита», 1999, 23 ноября).

■ Лидер крестьянских забастовок Мариан Загорный приговорен к 15 месяцам тюрьмы за то, что из 12 вагонов, стоявших на железнодорожной станции, было высыпано 500 тонн импортного зерна.

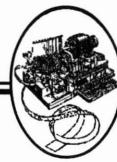
■ «Уличные демонстрации имеют и определенную воспитательную ценность. Крестьяне или шахтеры осознают, что они конкуренты в гонке за деньгами из общей государственной казны, что у них есть и другие соперники и что все они вместе возбуждают тревогу налогоплательщиков» (проф. Станислав Гомулка из London School of Economics, советник министра финансов // «Впрост», 1999, 21 ноября).

■ «Частные средние школы начинают напоминать мини-государства, где власть принадлежит учителям, родителям и учащимся. “Мы воспитываем людей, которые должны справляться с жизнью в рамках демократической системы. Поэтому мы создали малую республику со своей конституцией, судом и Сеймом”, — говорит Кристина Старчевская, директор I общественного общеобразовательного лицея в Варшаве» («Впрост», 1999, 21 ноября).

■ Каждый третий учащийся польских школ столкнулся с тем или иным актом насилия — кражей, вымогательством денег, избиением или даже убийством, сообщает замминистра народного образования Иrena Джерговская («Жечпосполита», 1999, 6 дек.).

■ Три взрывных устройства взорвались в течение нескольких месяцев в дискотеке в Карчеве, так как владелица запретила впускать хулиганов и торговцев наркотиками. После второго взрыва полиция посоветовала закрыть заведение. После третьего — бурмистр (мэр) не продлил арендный договор. «Я могу понять, что люди боятся. Но чтобы бурмистр, представитель власти, сдавался бандитам без борьбы?» — сказала владелица дискотеки Beata Корнацкая («Газета выборчая», 1999, 21 ноября).

■ «Наше государство не обеспечивает действия закона ни в повседневной жизни, ни в хозяйственных отношениях» (проф. Иренеуш Кшеминский, социолог // «Жечпосполита», 1999, 20-21 ноября).

■ Прокуроры и судьи слишком строго относятся к лицам, обвиняемым в превышении пределов необходимой обороны, считают многие адвокаты. Схема всегда одна и та же: обвиняют того, на кого напали и кто успешно защищался. Только суды высшей инстанции оправдывали обвиняемых по делам о превышении пределов необходимой обороны или смягчали им приговоры («Жечпосполита», 1999, 29 ноября).

■ Самоуправление в Зелёной-Гуре постановило оплачивать из своих фондов 15 дополнительных ставок участковых полицейских.

■ 400 золотых премии за поимку преступника на месте преступления начали получать полицейские в Кельцах. В течение четырех дней они изловили 15 преступников — раньше они задерживали десятерых в неделю.

■ 46 долларов в пересчете на душу населения в год расходует Польша на армию. В Германии эта сумма составляет 358 долл., в Дании — 474, во Франции — 654. «Карликом обороны» назвал Польшу один из натовских дипломатов («Жечпосполита», 1999, 3 дек.).

■ «Теперь Польша — в НАТО, она по-настоящему в Европе и может сыграть важную педагогическую роль. Она может делиться своим опытом с Украиной, Белоруссией и прибалтийскими странами, так как она единственная посткоммунистическая страна, которая действительно преуспела. Она может также сыграть педагогическую роль по отношению к Западу, так как Запад не понимает России и не хочет ее понять» (Ален Безансон // «Жечпосполита», 1999, 26 ноября).

■ «Больше нет ПНР, и благодаря мудрым полякам, таким, как Ежи Гедройц, Збигнев Бжезинский и еще несколько, до сознания польской политической элиты наконец доходит, что Польша была могущественной только в период сотрудничества с Украиной (...) Поляки — странный народ (...) они обязательно должны подчеркивать свои имперские амбиции. Такой уж у них

характер, и, пожалуй, не стоит из-за этого нервничать — лучше посмеяться», — написал в письме в редакцию Олег Пушкарь, украинец, живущий в Варшаве с 1927 г. — с перерывом на заключение в ГУЛАГе («Жечпосполита», 1999, 27-28 ноября).

■ Портрет Филиппа I, князя померанского, кисти Лукаса Кранаха Младшего вернулся в Щецин, купленный на аукционе в Цюрихе. Картина пропала в 1945 г., позднее была продана одним российским учреждением на аукционе в Вене.

■ Комбинезон из болоньи, утепленный ватином, ценой от 17 до 35 зл. в зависимости от размера, непромокаемый жакет на подкладке, застегивающийся на тулowiще и в штанинах, за 60 зл., жилет из болоньи за 55 зл., шерстяной жилет с клетчатой обшивкой и резинкой для хвоста, а также специальные галошки и туфельки можно купить в магазинах с принадлежностями для животных («Газета выборча», 1999, 19 ноября).

■ Бездомных кошек в семи районах Варшавы опекает Барbara Контрактович. Во многих местах, когда она подкармливала своих подопечных, ее несчетное число раз избивали, заbrasывали грязью, обливали молоком, которое она приносила кошкам. В конце концов она попросила предоставить ей полицейскую охрану («Газета выборча», 1999, 16 ноября).

■ «Если нам очень грустно, неприятно, то начинают подступать слезы (...) Все зависит от того, каким человек родился. Одни чувствительнее других», — ответила десятилетняя Ася на вопрос журналиста: «Что такое слезы?» («Газета выборча», 1999, 19 ноября).

Валерий Мастеров

Варшава была столицей «Континента»

Валерий Мастеров

ВАРШАВА БЫЛА СТОЛИЦЕЙ „КОНТИНЕНТА”

Валерий Мастеров, собственный корреспондент газеты „Московские новости” в Варшаве -специально для „Новой Польши”.

Свое двадцатипятилетие и выход сотого номера самый, пожалуй, знаменитый из диссидентских (в русском значении этого слова) и самый „толстый” из литературно-публицистических журналов „Континент” отметил в Варшаве. Причем довольно необычно, хотя и под стать своему характеру с организующим началом - Международными чтениями „Посткоммунистическая Восточная Европа сегодня и завтра”, посвященными памяти выдающегося русского писателя, основателя журнала „Континент” Владимира Максимова.

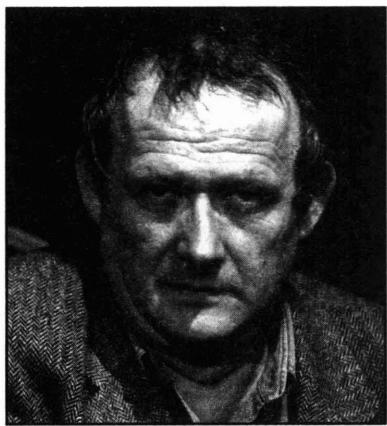
Первые чтения, которым сразу придали статус международных, были проведены в 1996 году в Париже - через год после смерти Владимира Максимова. Вторые - в Московском университете при большом стечении слушателей. Третьи - в Вашингтоне, где они тоже прошли с большим интересом, проявлением американской общественностью. Выбор Варшавы на четвертые чтения был предопределен многими обстоятельствами, в том числе, и юбилейными. „Континент” начинался четверть века тому назад в Париже при поддержке ежемесячника „Культура”, который тогда уже стал центромпольской политической и общественной мысли, причем, не только в эмиграции. Между прочим, основатели парижской „Культуры” - неизменный редактор Ежи Гедройц, а также знаменитый писатель, публицист и литературовед Густав Герлинг-Грудзинский по сей день входят в состав редколлегии „Континента”, а среди его польских авторов были Виктор Ворошильский, Анджей Дравич, Лешек Колаковский, Яцек Куронь, Чеслав Милош, Адам Михник, Славомир Мрожек и другие. Было время, когда „Континент” даже печатался и распространялся в Польше. В Варшаве же незадолго до своей кончины побывал Владимир Максимов, который дал свое последнее телевизионное интервью о роли интеллигенции в России и мире своему преемнику на посту главного редактора „переехавшего” восемь лет назад в Москву „Континента” Игорю Виноградову. К слову сказать, эта запись легла на полку и до сих пор, к сожалению, не востребована. И потом: именно в Польше десять лет назад начались преобразования, в которые втянулась вся посткоммунистическая Европа. А это как нельзя лучше отвечало тематике чтений.

На рабочее чествование „Континента” съехались из разных стран члены его редколлегии, благодаря которым по-прежнему сохраняется главная, на мой взгляд, уникальность ежеквартального - его плурализм и демократизм. Приехала заместитель главного редактора парижского периода Наталья Горбаневская, стоявшая у организационных истоков самиздата, на базе которого, собственно, и возник „Континент”, что не раз подчеркивал и сам Максимов. Под опекой Натальи Горбаневской велась очень важная рубрика „Восточноевропейский диалог” и держались, что она сама не без гордости добавляет, связи

Адам Михник

Фото PAP-CAF, Tomasz Czell

„КОНТИНЕНТ” И НАМ ОТКРЫЛ ГЛАЗА НА ИНУЮ РОССИЮ

Двадцать пять лет назад попавшие к нам первые номера „Континента” стали сигналом того, что есть иная Россия - Россия умных людей, думающих и пишущих свободно, отважно, демократично, продолжающих самые лучшие литературные, религиозные и свободомыслящие традиции российской культуры. Я дорожу дружбой со многими из этих людей, которых объединил „Континент”. Для меня сто его номеров - это эмпирическое

с поляками. Прилетела из Парижа Татьяна Максимова, по словам все той же Горбаневской, „с самого начала тянувшая на себе всю переписку, и личную, и „континентскую”, а под конец „эмигрантского периода” - и распространение, когда мы остались без издательства и гарантированной сети распространения”. Среди участников известные и звучные имена: Адам Михник, Виктор Скрунда, Гжегож Пшебинда и Люциан Суханек (Польша), Антонин Лим (Чехия), Андрей Санников (Белоруссия), Лариса Пияшева и Яков Кротов (Россия)... Жалею, что не могу назвать всех.

Правда, поначалу казалось, что такие утонченные, взаимно вежливые, почти дистилированные на первый взгляд интеллигенты не то, что поссориться, а и поспорить между собой как следует не могут. Оказалось, еще как могут. Хотя бы по щемящему вопросу: какой быть России? Профессор Андрей Зубов из Института Востоковедения РАН считает, что Россию отягчает не груз устаревших технологий, а отмирание основных моральных критериев среди граждан: „Коммунизм уничтожил и дискредитировал дореволюционную правовую систему, у которой было множество недостатков, но опиралась она на универсальные этические принципы. Их возрождение - главное условие успеха реформ”.

Жорж Нива, профессор Женевского университета, шанс для сегодняшней России усмотрел в ее сближении с Европейским союзом и его ценностями, но предостерег от роста антагонизма с Западом.

Словно заранее отбивая многочисленные атаки со всех сторон о пристрастии россиян к имперскому мышлению, директор издательства „Прогресс” Станислав Лесневский (кстати, порадовавший участников чтений уместным подарком - новым изданием романа Владимира Максимова „Двор переди неба”), как истинный библиофил сначала поведавший о российском море разливанном каких угодно книгоизданий, вдруг подвел неожиданную черту: „Потеря имперской сущности России - это потеря самой России”.

Тут уж не выдержал Игорь Виноградов, призвавший отказаться от всех даже псевдоимперских замыслов и мессианских претензий. Позже, уже в кулуарах, главный редактор „Континента” говорил мне:

- Россия и так слишком большой материк, чтобы его можно было игнорировать. Но это не предмет для нашей гордости, а повод для нашей очень большой ответственности. И прежде всего в отношениях со

странами, которые еще недавно были в зависимости от России, а теперь проявляют характер отчуждения. Наши трудности - временные, потому что Россия не может быть слабой, хотя бы исходя из своего геополитического положения. Но мы должны перестать учить всех и навязывать свои идеалы. Национальную идею придумать нельзя, а вот построить свой дом, которым могли бы гордиться, можно. Ведь все мы хотим одного - здорового, демократического, свободного общества.

Ностальгически прозвучало на чтениях имя Андрея Сахарова, чье место до сих пор, как было сказано, пусто, а вернувшийся на родину Александр Солженицын не стал объединяющим центром. Остался без ответа и вопрос с трибуны: „Где сейчас „Межрегиональная группа” и „Московская трибуна”, претендовавшие на единение демократических сил?

Но ведь продолжается „Континент”. И если он выполнил миссию духовного сопротивления коммунизму, разве не по плечу ему миссия духовного объединения, которую, впрочем, и так несет? А как подтвердилось - вместе с лучшими умами восточноевропейских стран. Сказал же на закрытии варшавских чтений Игорь Виноградов: „Россия находится в Европе. Для нас нет другого пути. Мы вместе составляем один континент”.

Так что, „Восточноевропейский диалог” продолжается.

доказательство существования Бога, потому что это - победа духа над материей. „Континент” был против социологии великой советской империи, а создавшая его группа российских интеллигентов хотела сделать журнал, в котором российская культура заговорила бы своим голосом и без цензуры. Это удалось и с лихвой окупилось.

„Континент” можно сравнивать с „Культурой”. И не только потому, что оба эти издания начинались эмигрантами в Париже. Только польская эмиграция была значительно лучше организована, а российским эмигрантам поколения Владимира Максимова пришлось начинать с нуля. Я это понял, когда читал воспоминания Нины Берберовой „Курсив мой”. Тем большая заслуга тех, кто заложил основы „Континента” и победил вместе с ним.

Организаторы чтений

ПОЛЬША:

„Газета выборчика”

Институт русистики Варшавского университета

РОССИЯ:

журнал „Континент”* Компания REN-TV

Содействие

Российский центр науки и культуры в Варшаве

Фонд “Slavica Orientalia”

Ассоциация сотрудничества Польша-Восток

Американский институт в Москве

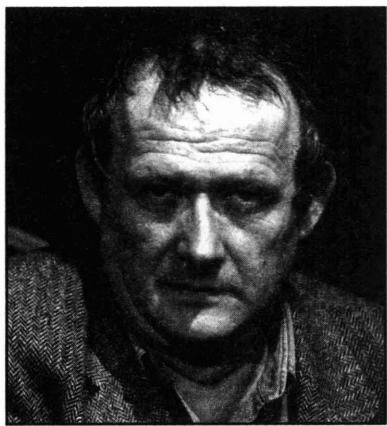
Адам Михник

«Континент» и нам открыл глаза на иную Россию

Адам Михник

Фото PAP-CAF, Tomasz Czell

„КОНТИНЕНТ” И НАМ ОТКРЫЛ ГЛАЗА НА ИНУЮ РОССИЮ

Двадцать пять лет назад попавшие к нам первые номера „Континента” стали сигналом того, что есть иная Россия - Россия умных людей, думающих и пишущих свободно, отважно, демократично, продолжающих самые лучшие литературные, религиозные и свободомыслящие традиции российской культуры. Я дорожу дружбой со многими из этих людей, которых объединил „Континент”. Для меня сто его номеров - это эмпирическое

с поляками. Прилетела из Парижа Татьяна Максимова, по словам все той же Горбаневской, „с самого начала тянувшая на себе всю переписку, и личную, и „континентскую”, а под конец „эмигрантского периода” - и распространение, когда мы остались без издательства и гарантированной сети распространения”. Среди участников известные и звучные имена: Адам Михник, Виктор Скрунда, Гжегож Пшебинда и Люциан Суханек (Польша), Антонин Лим (Чехия), Андрей Санников (Белоруссия), Лариса Пияшева и Яков Кротов (Россия)... Жалею, что не могу назвать всех.

Правда, поначалу казалось, что такие утонченные, взаимно вежливые, почти дистилированные на первый взгляд интеллигенты не то, что поссориться, а и поспорить между собой как следует не могут. Оказалось, еще как могут. Хотя бы по щемящему вопросу: какой быть России? Профессор Андрей Зубов из Института Востоковедения РАН считает, что Россию отягчает не груз устаревших технологий, а отмирание основных моральных критериев среди граждан: „Коммунизм уничтожил и дискредитировал дореволюционную правовую систему, у которой было множество недостатков, но опиралась она на универсальные этические принципы. Их возрождение - главное условие успеха реформ”.

Жорж Нива, профессор Женевского университета, шанс для сегодняшней России усмотрел в ее сближении с Европейским союзом и его ценностями, но предостерег от роста антагонизма с Западом.

Словно заранее отбивая многочисленные атаки со всех сторон о пристрастии россиян к имперскому мышлению, директор издательства „Прогресс” Станислав Лесневский (кстати, порадовавший участников чтений уместным подарком - новым изданием романа Владимира Максимова „Двор переди неба”), как истинный библиофил сначала поведавший о российском море разливанном каких угодно книгоизданий, вдруг подвел неожиданную черту: „Потеря имперской сущности России - это потеря самой России”.

Тут уж не выдержал Игорь Виноградов, призвавший отказаться от всех даже псевдоимперских замыслов и мессианских претензий. Позже, уже в кулуарах, главный редактор „Континента” говорил мне:

- Россия и так слишком большой материк, чтобы его можно было игнорировать. Но это не предмет для нашей гордости, а повод для нашей очень большой ответственности. И прежде всего в отношениях со

странами, которые еще недавно были в зависимости от России, а теперь проявляют характер отчуждения. Наши трудности - временные, потому что Россия не может быть слабой, хотя бы исходя из своего геополитического положения. Но мы должны перестать учить всех и навязывать свои идеалы. Национальную идею придумать нельзя, а вот построить свой дом, которым могли бы гордиться, можно. Ведь все мы хотим одного - здорового, демократического, свободного общества.

Ностальгически прозвучало на чтениях имя Андрея Сахарова, чье место до сих пор, как было сказано, пусто, а вернувшийся на родину Александр Солженицын не стал объединяющим центром. Остался без ответа и вопрос с трибуны: „Где сейчас „Межрегиональная группа” и „Московская трибуна”, претендовавшие на единение демократических сил?

Но ведь продолжается „Континент”. И если он выполнил миссию духовного сопротивления коммунизму, разве не по плечу ему миссия духовного объединения, которую, впрочем, и так несет? А как подтвердилось - вместе с лучшими умами восточноевропейских стран. Сказал же на закрытии варшавских чтений Игорь Виноградов: „Россия находится в Европе. Для нас нет другого пути. Мы вместе составляем один континент”.

Так что, „Восточноевропейский диалог” продолжается.

доказательство существования Бога, потому что это - победа духа над материей. „Континент” был против социологии великой советской империи, а создавшая его группа российских интеллигентов хотела сделать журнал, в котором российская культура заговорила бы своим голосом и без цензуры. Это удалось и с лихвой окупилось.

„Континент” можно сравнивать с „Культурой”. И не только потому, что оба эти издания начинались эмигрантами в Париже. Только польская эмиграция была значительно лучше организована, а российским эмигрантам поколения Владимира Максимова пришлось начинать с нуля. Я это понял, когда читал воспоминания Нины Берберовой „Курсив мой”. Тем большая заслуга тех, кто заложил основы „Континента” и победил вместе с ним.

Организаторы чтений

ПОЛЬША:

„Газета выборчика”

Институт русистики Варшавского университета

РОССИЯ:

журнал „Континент”* Компания REN-TV

Содействие

Российский центр науки и культуры в Варшаве

Фонд “Slavica Orientalia”

Ассоциация сотрудничества Польша-Восток

Американский институт в Москве

Леопольд Унгер

Сон разума под грохотом бомб

Леопольд Унгер

обозреватель брюссельской газеты „Le Soir”,
сотрудник польской печати, публицист
парижской „Культуры”

СОН РАЗУМА ПОД ГРОХОТ БОМБ

Эту войну Россия не проиграет. Вопрос: может ли и сумеет ли выиграть мир? В отличие от военных действий, ничто не свидетельствует о том, что по вопросам мира она руководствуется каким-то сценарием. Или, или... Или этнические чистки в Чечне, в стиле «Сталин 1944», ценой сожженной земли и неисчислимых жертв. В длительной перспективе это должно вызвать двойной эффект. Сначала нарастающую волну ненависти и жажды мести со стороны чеченского населения (это им свойственно), а также укрепление среди них уверенности, что надо доверять самим крайним вождям и готовить очередной раунд. Горы, в которые русские, пожалуй, не пойдут, превратятся в плацдарм для наступлений партизан. Тогда русских солдат погибнет больше, чем сегодня. Усилится жестокость русских, укрепится авторитет генералов и убеждение что решающую роль играет только силовой перевес. Не только в Чечне.

Или Москва попытается найти политическое, компромиссное решение, которое ценой двусторонних концессий могло бы восстановить мир. Не только силовым методом, но и путем применения разума. Может, она решиться пойти на диалог не только со своими марионетками, но и с руководителями, пользующимися доверием чеченского народа. Пока, это глас вопиющего в пустыне. Ибо в балансе появился новый элемент. Россия, даже та, которая осуждала предыдущую войну, сегодня ее поддерживает. Впервые Солженицын и Ельцин придерживаются одного мнения: с «террористами», то есть с Чечней, надо покончить. Силой.

Это не «безопасные» рассуждения. Война в Чечне уже потрясла политической сценой России, опровергла предвыборные прогнозы, перевернула списки кандидатов. Побеждает партия войны. Но война - это не политическая программа. Ни для кого, а уже наверное - не для России. Результаты выборов, достигнутые под грохот взрывающихся в Грозном бомб, не будут устойчивыми, а могут быть заразительными. Когда военный пыл остынет и разум востребует свои права, кто-то, перед очередными выборами, вспомнит «прелесть войны» и, во имя привлечения голосов, попытается развязать новую войну. И поэтому, политический компромисс необходим, также для России. Но никогда ранее не было столь трудно его достигнуть.

Эва Вильк

Острова взаимопонимания

Эва Вильк

ОСТРОВА ПОНИМАНИЯ

— Вот именно это слово. Не терпимость, не снисходительность, а понимание, — объясняет Ежи Сжедницкий, художник и эрудит из местечка Смоляны. — Ведь что такое «терпеть»? Всего лишь выражать свое согласие на существование чего-либо инородного, даже если ты этого не любишь и не понимаешь. Быть «снисходительным»? Потакать чьим-то ошибкам. А «понять друг друга» значит намного больше: узнать, уразуметь и прийти к согласию.

Сжедницкий живет в той части Польши, где время от времени попадаешь на острова понимания, в то время как многие отгородились от иноверцев крепостью пренебрежения и насмешек. Католики и православные, униаты, магометане, старообрядцы, протестанты. Монастыри и святыни, в которых духовенство ревностно бережет чистоту учения и литургии, но также священные горы, родники, скульптурные изображения святых, издавна по народному экуменические. И люди, хотя и придерживаются той или иной традиции, то говорящие с полным пониманием: — Да сколько же на свете Богов?

Папа римский Иоанн Павел II паломничает с экуменическим призывом, посетил Дрогичин, Седльце, Элк, Вигры. Именно там расположен этот архипелаг.

ПЕРВЫЙ ОСТРОВ

Первый остров образуют места чрезвычайно важные. Собственно говоря, из них он и состоит. В 10 километрах к югу от Тересполя находятся Костомлоты, а там — единственный в Польше неоуниатский* приход. Далее в восьми километрах по тому же шоссе на юг находится Кодень, а там — Мадонна де Гваделупа, которую в XVII веке новообращенный из православия в католичество Николай Сапега выкрал из папской часовни в Риме. За этот поступок он был сначала проклят, а затем, когда Мадонна прославилась совершамыми чудесами, папа римский с великими почестями простили его. На дребезжащих автобусах к Мадонне ежедневно приезжают группы католиков-богомольцев. Еще десять километрах по той же самой ухабистой асфальтной полоске — и будет Яблечна. А там — гордые православные монахи, которые с XV века засели в этом гнезде на берегу Буга. Ежегодно в день святого Онуфрия со всей Польши тянутся к ним череда православных. Чтобы замолить грехи, постоять перед чудотворной иконой, которую, как гласит легенда, века тому назад выловили из пучин Буга.

Фото Jacek Domiński

На северной оконечности острова, в Костомлотах, уже 32 года хозяйствует член монашеского ордена мариавитов ксендз Роман Пентка. В летах, измученный болезнями, он все же открывает двери прихода и без конца разъясняет хитросплетения истории, почему между Костомлотами и Яблэчной появилось такое разнообразие религий. Ведь у людей, посещающих костомлотский храм, все еще сидит в уме дата — 1596 год, вызубренная когда-то в школе, а рядом с ней понятие «Брестская уния». Но слабым росткам исторического объективизма тяжело пробиться сквозь сорняки стереотипов. И потому, увидев костомлотских старушек с гробничными свечками в руках и услышав их многоголосное пение, люди сначала говорят: «Какие-то русские ...»

— Уже больше 30 лет я стараюсь привить людям интерес к проблематике, связанной с униатами, втолковать им, что язык, который они слышат, это церковнославянский, а богослужение, которое они видят, совершается по православному обряду. А мы являемся католиками.

Так что же происходит на 25-километровом острове, где одни поселились рядом с чудотворной католической Мадонной, а другие — около святого Онуфрия, покровителя православных? К ксендзу Пентке обращаются молодожены, католичка и православный, с вопросом: «А куда нам теперь ходить?». А ксендз отвечает: «Ходите и туда, и сюда». И действительно, люди так ходят.

— Тут широкое поле для экуменической деятельности, — говорит ксендз Пентка, который дружит не только с облатами, стерегущими Мадонну, но и с монахами святого Онуфрия. — Лучшей компании не сыскать. Вот вчера был в монастыре, чайку попили.

Но тот час же соглашается с тем, что отношения на острове зависят от направления ветра. Иногда это теплое веяние, как после II Ватиканского собора. Но бывает и так, что какое-нибудь холодное дуновение занесет сюда священника — с той или другой стороны, — которому не по вкусу взаимопонимание среди 99 процентов местного населения, согласно подсчетам ксендза Пентки.

— Те, кто к нам понаехали, говорят на другом языке. Пытаются давить, меняйте мол, веру, переубеждают. Особенно молодые.

Игумен Ежи Паньковский, настоятель монастыря в Яблэчной, объявился на южном конце острова всего пару дней назад, еще только осматривает угодья, знакомится со спецификой обстановки. Он еще не успел познакомиться с ксендзом Пенткой, хоть наслышан о его визитах в монастырь.

Уроженец Белостокщины, он прибыл сюда прямо из Греции, где проучился пять с половиной лет, а до того учился в монастыре в Супрасли (из-за которого разгорелся нашумевший конфликт с католиками). Теологические познания, мол, внешность. Не успеешь двух предложений сказать, задать первый вопрос, как он уже приводит цитаты из писаний св. Августина, св. Амбrozия Миланского, св. Дамасия Брестского.

— Возьмем, к примеру, проблему объединения христиан, ведь тут вокруг Яблэчной...

— Я на это смотрю скептически. Ну, разве что Католический Костел отречется от некоторых еретических воззрений, от догмы о чистилище, о непорочном зачатии Богоматери и о ее восшествии на небеса, о непогрешимости папы римского...

— А смешанные браки? Ведь тут вокруг Яблэчной...

— Это настоящая болезнь нашего века. Напрасно Церковь смотрит на эти вещи сквозь пальцы. Ведь брак — это любовь и единство. А какое же может быть единство, если муж уже разговаривает, а жена еще постится.

— А униатская Церковь, ведь тут вокруг Яблэчной...

— И католические, и православные богословы все чаще приходят к общему мнению, что уния была величайшим заблуждением в истории православия и католицизма.

Похоже, игумена Паньковского пригнал на остров один из тех холодных ветров.

— *Всего-то 25 лет нашему батюшке*, — с пониманием, спокойно говорят прихожане из Яблэчной. Конечно, говорят они, бывают конфликты. Но дело не в теологической проблеме «*filioque*» (послужившей поводом для разделения христианства на два обряда, в которой только батюшка и разберется). Спорят о кладбищах в Яблэчной и в близлежащих Добротычах: а точнее о том, кому они принадлежат, и по какому обряду, где кого хоронить. На кладбищах лежат Аксиньи, Зиновии, Пракседы. Ошибется тот, кто попробует по имени или фамилии установить, кто им при жизни был ближе: гваделупская Мадонна или Онуфрий, который 14 веков назад жил в Египте и принял муки за веру.

ВТОРОЙ ОСТРОВ

Недавно организовали регулярные автобусные рейсы Семятычи—Брюссель. Одних Бельгия осчастливила, другим поломала жизнь. Женщины ездят туда присматривать за беспомощными стариками, мужчины — строить дома.

— *Женщины-то в большинстве возвращаются*, — сообщает рабочий мелового завода из недалекого Мельника, опохмеляясь утренним пивом. Совершает он это в необычной обстановке — на высоком речном склоне, с видом на горы и поселения, где какая-то неведомая сила тут же заставляет делать глубокие умозаключения и философские обобщения. — *Мужчины, зато часто едут дальше*.

Вблизи Семятычей находится другой остров. На карте он отмечен двумя местностями — Дрогичином и Грабаркой, расположенными в 20 километрах друг от друга. В Дрогичине пребывает епископ самой маленькой в Польше католической епархии. Грабарка — священная гора православных.

Так что и тут на маленьком пространстве соседствуют два мира — католицизм и православие. Дрогичинские костелы, воздвигнутые на речном обрыве, издали кажутся высокой крепостью. Церквушку на Грабарке окружает лес крестов, установленных на века пилигримами.

Но если придется начать день с аудиенции у епископа Пацифика Дыдыча, а закончить на долгой церемонии освящения источника с целительной водой на Гарбарке, совершающей самим митрополитом Саввой**, то перестаешь верить, что ты находишься на какой-то конкретной земле, в таком-то воеводстве и районе.

Холод каменных полированных плит в коллегии иезуитов, переоборудованной в епископский дворец. Запах ладана на священной горе. Пение монахов. Закутанные в черные ткани бледнолицые монахини. Около трех сотен молодых девушек, которые как раз приехали на ежегодный съезд православной молодежи, сменили джинсы в обтяжку на узкие длинные юбки до пят, покрыли головы платочками. Тут кроется какая-то неразгаданная женская хитрость — в этом скромном наряде они стали еще более привлекательными. Ежеминутно осеняют себя крестом и низко кланяются.

Если углубиться в холмы и леса к востоку от Дрогичина и Грабарки, то все становится еще экзотичней и менее реальным. Местный католицизм заявляет о своем присутствии высотой колоколен, а православие — яркостью красок. Например, Котерка. Едешь лесом, и нет там ничего — только шоссе, лес и пограничный шлагбаум, короче, край света. Перед самым шлагбаумом сворачиваешь на лесную поляну, окруженную болотами, а там стоит голубая церковь. Насыщенная голубизна, греческая. И источник с целительной водой. В других же местах встретишь церкви желтые или зеленые, а если свежевыкрашенные — то более чем желтые, более чем зеленые. Или кладбища. На сосновом песчаном холме за Зубачами кладбище с множеством каменных надгробных крестов, выкрашенных голубой или зеленою краской, обвязанных цветными ленточками.

Особенно нереальными кажутся такие места, как вышеупомянутая Котерка, как часовня вблизи Телятичей или Седзёнка подле Радзивилувки. Следует хорошенко расспросить местных жителей, в какую лесную просеку надо свернуть, а еще лучше подсадить кого-нибудь на заднее сиденье автомобиля. И тогда попадешь к высокому, двухъярусному строению, узкому — на ширину дверей, откроешь эти двери и увидишь поставленные на алтарь и развешанные на стенах, укутанные вышитыми рушниками православные иконы, а рядом изображения католической Богоматери Ченстоховской***. А чья это на самом деле часовня, местным жителям трудно сказать, известно лишь, что протекавшую крышу перекрыл батюшка Здунюк. А кто построил? Одни говорят, какой-то генерал. Другие — что графиня Потоцкая (естественно, католичка), потому что у нее в имении вымирала скотина.

Или же Седзёнка. Это целительный источник, но самому туда попасть трудно. А стоит, — убеждает Петр Штеймец, католик. — Ведь к Седзёнке и католики идут, и православные. Они говорят, что там когда-то стояла церковь, но ушла под землю. У них много таких легенд. Чуть дальше, с противоположной стороны шоссе, — Святая Гора. И там церковь провалилась от Божьего гнева.

На Седзёнке католический ксендз и православный священник независимо друг от друга ежегодно освящают источник. Люди, как только что не так: заболит нога, помутнеет в глазах, — идут пить воду, совершают омовение лица (иногда кидают денежки в колодец, но не стоит, так как местные пьяницы выловят), молятся у крестов, и не важно, что три креста православных, а один — католический.

— Да сколько же на свете Богов? — спрашивает Петр Штеймец из деревни Радзивилувки, Мельникского прихода. — Один. Не два, не три.

ТРЕТИЙ ОСТРОВ

От рыночной площади в приграничном городке Крынки дороги расходятся звездными лучами (что приводит в изумление историков и урбанистов). Из шести дорог достаточно выбрать три, чтобы попасть в те места, которые означают третий остров понимания.

Та, что на север, ведет к деревне Юровляны, где проживают католики, но там нет костела, есть лишь церковь. Пятьдесят с лишним лет тому назад тут заново провели границу. Испокон веков православное население выселяли тогда из Юровлян на восток, в колхозы, рассеяли по Белоруссии. А в юровлянские хаты заселили католический Нижний Ушар, расположенный всего лишь в двух километрах, но которому история определила место с восточной стороны границы. От Нижнего Ушара не осталось и следа. От Юровлян тоже вскоре ничего не останется, потому что здесь одни старики. Только церковь будет стоять, крепкая, каменная, окруженная газоном. Почему она там стоит, отчего не переделали ее на костел, не позабыли ее, не позаборсили? Может, благодаря пониманию. Пониманию истории, пониманию горя, неизбежно возникающего, когда приходится заново чертить границы.

Дорога из Крынок на юго-запад ведет к деревне Гжибовщизна. За Гжибовщизной — Вершалин, который никем не отмечен на картах. Собственно говоря, нечего и отмечать, потому что Вершалин сегодня — скорее явление литературное, нежели физическое. История Эльяша Климовича, который в 30-е годы объявил себя пророком новой религии и собрался строить новую столицу мира на поляне возле Гжибовщизны, доставила драматургам, репортёрам и кинематографистам богатый материал для попыток понять человека, живущего на стыке двух культур и религий, а может, и вообще человека.

А местные жители? В последние времена вымерли те, кто искренне верил в пророка. И многочисленные апостолы, и две последние Богородицы, и даже Павел Волошин — знаменитый гений, конструктор-самоучка. Если повезет, то наверняка встретишь кого-нибудь, у кого в па-

мяти откроется ящик с картинками времен детства. Например, Антония Налевайко, который заглядывает сюда в свой старый дом, превращенный в дачу. Он с удовольствием проводит приезжего на поросший ныне здоровенным лесом холм, покажет ненарушенный фундамент вырытый под вершалинский храм и поведает о полной приключений жизни неграмотного мужика, перед которым женщины падали на колени, а затем собирали в носовые платочки землю, по которой ступали ноги пророка. А также об актере Треле из Кракова, который с таким пониманием перевоплотился в пророка, что люди говорили: «Боже, помилуй, вылитый Эльяш!»

Чтобы до конца понять третий остров, нужно снова вернуться в Крынки и по третьей дороге, на юго-запад, дойти до Крушинян. Стоит зайти на местное кладбище, которое пополняется новыми захоронениями.

— *Недавно кого-то из Быдгощи привезли, склонили, ставят памятник*, — говорит Эва Поплавская, невысокая пожилая смотрительница крушинянской мечети, одна из последних семерых мусульман, еще живущих в деревне. Халевичи, Полтожицкие, Александровичи, Мурзичи... Над возвратившимися сюда Айшай, Мериемами, Альмирами, Таидами ставят надгробья, украшенные полумесяцем и арабскими надписями. Слившись с Польшей в XVI веке, они сохранили свою самобытность. Эву Поплавскую жизнь привела к такому разрешению этой проблемы:

— Я всегда говорю себе, что ваш Бог и наш Бог — один и Тот же. Как может быть иначе, если у вас один Бог и у нас — один? А Иисус Христос? Кто знает... Может, Он и Сын Божий, а может, как Магомет, — пророк... Когда наступают праздники, то мы с соседями приглашаем друг друга. Они зовут на свои, а мы — на наши. Иначе и быть не может.

ЧЕТВЕРЫЙ ОСТРОВ

Четвертый остров знаменит красотой озер и моренных холмов. На четвертом острове, к северу и востоку от Сейн, живут литовцы. Литовцы отмечают крестами холмы, перекрестки, высокие берега озер, дворы. Самые красивые — те старинные, деревянные. На скрещении двух балок — часовенка с фигуркой скорбящего Христа. От фигурки расходятся волнистые лучи. Над крестом — маленький крестик, иногда припоминающий византийский, украшенный побогаче большого. Под маленьким крестом — полумесяц. По мнению специалистов в литовских крестах можно проследить всю историю: влияние ислама, и православия, и языческого культа Перуна.

На островах понимания различные культуры проникают друг друга и обмениваются своим наследием. И если что-нибудь вызывает удивление, то скорее тот факт, что происходит это в таком скромном масштабе. Четвертый остров, в основе католический (по составу польско-литовский), инкрустирован несколькими местностями, в которых сохранилось древнее православие, изобилующее строгими запретами и считающее грехом почти все: бритые бороды у мужчин, накрашенные губы у

Фото Jacek Dominiak

женщин, запечатление себя на фотографии, разглядывание себя в зеркале, пользование автомобилем и телевизором, беседу с иноверцем, умывание после заката солнца. Это староверы, осевшие в Водзилках, Войнове, в Грондах-Гонецких под Августовом. Казалось бы, эти этнические заповедники, отданы на растерзание цивилизации. Однако...

В воскресенье в первой половине дня в Грондах перед строгой деревянной молельней (храмом староверов) в окружении верующих встретишь молодого человека лет двадцати в черной сутане. Это Мартиниан Ефимов, наставник, то есть приходской священник, избранный своим предшественником и получивший одобрение верующих. Наставник Ефимов, в мирской жизни называемый Мариушем или Мартином, — студент Высшей школы социальной опеки в Сувалках. По законам своей религии он, собственно говоря, не имеет права учиться в общественном заведении — это грех. Но жизнь старовера — представляет собой череду неизбежных грехов, бесконечного покаяния, поста, молитвы. Староверы постятся около 200 дней в году, со среды по пятницу, некоторые дополнительно и по понедельникам, ну и, конечно же, перед каждым праздником. А праздников бывает и по пять на неделю. Среда: прощание с праздником Пасхи (39-й день). Четверг: Вознесение Господне. Пятница: день евангелиста Иоанна Златоуста. Суббота: день перенесения мощей св. Николая Чудотворца. Ну а в воскресенье — как всегда. Иногда невольно грешишь, делая что-то, но пренебрегать трудом — тоже ведь грех. Остается каяться. Тягчайшим наказанием является — отлучение на несколько недель от церкви. Тогда грешник обязан в сенях молельни совершить тысячу земных поклонов, каждому староверу пасть в ноги со словами: «Простите, рабу Христову».

— А не грешите ли вы, наставник, объясняя все это?

— Да.

— А разговаривая с соседом-католиком или православным — тоже?

— Да.

— Кто же такие для староверов иноверцы? Не грешники ли, осужденные на вечные муки, достойные презрения?

— *Нет-нет. Мы это понимаем все иначе. Мы не уверены в нашей абсолютной правоте. Знаем одно: если мы согласимся на какие-либо перемены или реформы, то будем строго наказаны. В какой вере человек родился, в той и должен остаться.*

Может быть, для того чтобы осмыслить все эти разговоры и встречи, нужно поселиться на чердаке школы в Смолянах, как Ежи Сжедницкий — уроженец Сейн, художник, скульптор, ученик Ксаверия Дуниковского, немножко поэт и философ. Может быть для этого следовало бы провести детство под сенью монастыря доминиканцев, которые, заботясь об экономическом процветании городка, когда-то помогли построить сейненскую синагогу.

Естественно, что Ежи Сжедницкий более усердно, чем приезжие, искал ответ на вопрос, — на чем все-таки зиждется здешний феномен добрососедства и взаимного проникновения культур, местная духовность — и, как он сам говорит, сказочность. Как же это так происходит: в то время как одни презирают соседей за то, что те — русские, поляки, еретики, отщепенцы, другие строят острова мирного согласия? Он искал нужное слово и нашел его. Понимание. Понять, — как написано в словарях — значит «после длительного изучения постичь сущность кого-л., чего-л.».

POLITYKA

* «Неоуниаты» откололись от Греко-Католической Церкви в момент ее запрещения (после II Мировой войны) и благодаря некоторым компромиссам не были вынуждены уйти в подполье. — Ред.

** Глава Польской Православной Церкви. — Ред.

*** Чудотворная икона Божией Матери Ченстоховской — общая для католиков и православных (празднование в Православной Церкви — 6 марта ст. ст.). — Ред.

Есть и такие ксендзы

**Со священником Леоном Канторским
беседует Петр Мицнер**

ЕСТЬ И ТАКИЕ КСЕНДЗЫ

С вышедшим на пенсию настоятелем костела в Подкове-Лесной, священником Леоном Канторским беседует Петр Мицнер

Подкова-Лесна — это маленький городок под Варшавой. Когда-то — дачное место артистов, промышленников и военных, во время войны — место встреч чуть ли не всех групп польского подполья и приют для тысяч беженцев из разрушенной столицы. Позже — тихий, обедневший городок, замкнувшийся в себе.

Перелом наступил в 1964 г., когда настоятелем стал о. Леон. Работал он успешно: строил приходской дом, ремонтировал костел, вокруг которого вырос парк с холмами, небольшим озером, с растениями чуть ли не изо всех климатических зон. Говорил он громко и решительно, что думает о коммунизме, разговаривал со всеми (в том числе с атеистами и партийными чиновниками), ездил на велосипеде. «Мировой человек!» — говорили о нем.

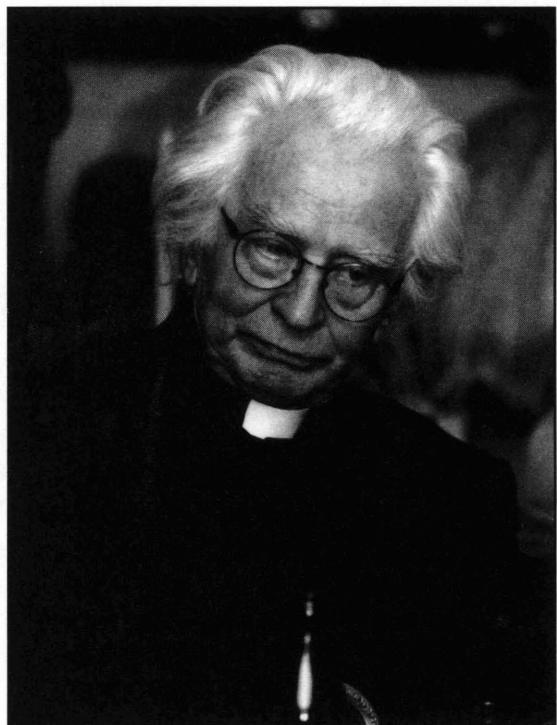

Фото Томаша Якубельского

Л.К.: Я окончил духовную семинарию во Франции, изучал богословие в католическом университете в Париже. После рукоположения в 1947 г. вернулся в Польшу. Я знал, что дела в стране плохи, но, пожалуй, это и подвигло вернуться. Работать я начал в родных местах, в Познанском воеводстве, и сразу взялся за организацию молодежных групп. Это были удивительные годы. Мы ходили по улицам, распевая религиозные песни, издавали независимые газеты. Говоря по правде, проблемы начались позже, году в 57-м. Тогда я работал в студенческом пастырстве в Варшаве. Все труднее становилось устраивать летние лагеря. Мы должны были действовать скрытно. Нас задерживали, были репрессии, административные суды.

Анна Калиновская

ЗЕЛЁНЫЙ КСЁНДЗ ЛЕОН

Поскольку у него буйные волосы без малейшего признака тонзуры и громовой голос, который, если придать ему надлежащую выразительность, мог бы во время проповеди оглушить даже самых впечатлительных рыб, - пожалуй, трудновато принять ксендза Леона за святого Франциска, и все же... Все же, когда я думаю о святом Франциске - покровителе экологов и экологии, - у меня нет сомнений, что отец Леон - один из лучших (не только в подковинском масштабе*) наследников Ассизского святого. Об этом свидетельствует уже сама красота окружающего его костел сада. Известный принцип, гласящий, что храм, как и весь город, должен соединяться с природой, ксендз Леон обогащает францисканскими идеями. Его сад - воплощенная экологическая заповедь Ассиза - напоминает и о красоте созданий неживой природы: Камней, которые доставил сюда ледник, озерной глади - где обитает Сестра Вода.

Францисканская идея - это и уважение к невзрачным, стелящимся растеням, привезенным с гор, а не только к пышным, „породистым“ садовым красавцам, это и не слишком педантичное отношение к сорнякам, которые как-никак тоже сотворены Всевышним и служат жилищем всевозможным насекомым. Крылатые братья в церковном саду тоже окружены заботой. Хоть мне и не довелось слышать, как отец Леон проповедует птицам, однако зимой,

П.М.: *В Подкове-Лесной вы тоже занялись работой с молодежью. Одним из ваших методов стало обращение или укрепление в вере с помощью биг-бита, чего раньше ни в одном польском костеле не было.*

— Это не я, это молодежь пришла ко мне с такой идеей. Они спросили, могут ли сыграть в костеле на гитаре. Почему бы и нет, ответил я, правда, не во время литургии; на майском же Богородичном молебне — пожалуйста. Они сделали усилитель из старого приемника и сыграли. Я убедился, что дело здесь не в том, чтобы себя показать, что они именно так, по-своему, хотят поклоняться Богу. И с декабря 1965 г. они играли и пели также на воскресной литургии. Через некоторое время известный композитор Катажина Гетнер написала для нас мессу в стиле биг-бит «Господь — мой друг».

— *Это был большой успех. На улицах, в поездах молодежь напевала: «Господь царствует во славе». При костеле возникло несколько ансамблей, играющих религиозный бит, блюзы. В начале 70-х в Подкову начали прибывать хиппи со всей Польши, а также из соседних социалистических стран. Они устраивали здесь свои слеты, издавали свой листок. Вас они называли «самым старшим хиппи в Польше». Благодаря вашему авторитету и деликатной пастырской опеке в «коммунах» Подковы не было ни наркотиков, ни другой патологии, которые испытывало «движение». Костел в Подкове в те годы был большим форумом независимых дискуссий. На уроках Закона Божьего мы спорили о других вероисповеданиях, о наших сомнениях, читали свои стихи и «философско-богословские» статейки, а во время воскресных проповедей могли слушать ваши скорбные слова о рабстве, которое мы сами себе навязываем, о порабощении, с которым смиряемся. В ваших устах слова Иоанна Богослова: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными», — звучали великим вызовом. Весной 1980 г., когда мы основали местное подпольное издательство, вы сразу предложили нам помочь и нашли для нас деньги на бумагу.*

— В то время, в мае 80-го, в нашем костеле полтора десятка человек из оппозиции проводили голодовку протеста против ареста Мирека Хоецкого, одного из основателей польского самиздата. Десять дней здание костела было настоящим оазисом свобод, мечтаний, чаяний, хоть мы и были плотно окружены гебешниками с подслушкой и камерами. Тогда ощущалось то, что позже, между авгу-

стом 80-го и декабрем 81-го, стало уделом всей Польши: что все мы составляем одно. Май, солнце, а в костеле и вокруг него — тысячи людей.

— Во время военного положения систематически, каждые две недели, после воскресной службы проходили встречи с выдающимися учеными, писателями, журналистами. Кроме того — спектакли, выставки известнейших польских художников. Наконец, издания (хотя бы такие, как «Рочник Подковянский» [«Ежегодник Подковы»]), публиковавшие документы по истории наших мест, напоминавшие жителям о ценностях, которыми раньше жили подковяне.

— Все это были инициативы приходского комитета, который возник в начале 1982 г. и занимался помощью семьям арестованных, привозил и распределял лекарства из Франции. Но, как видим, этим он не ограничился. Идея таких воскресных встреч была прекрасной, и я ее одобрил. Ибо я только слушаю людей, их предложения, а затем могу помочь в выполнении. Так же было в 1984 г. с польско-украинской мессой примирения, которая собрала толпы верующих и положила начало многочисленным встречам польских и украинских историков, публицистов, художников в Подкове-Лесной в последующие годы, уже не только в костеле.

80-е годы были для меня очень насыщенными. Мне всегда хотелось, чтобы дом священника был не только моим жилищем в традиционном понимании, но и домом всего прихода. Тогда так и получилось, хотя временами это было немного обременительно: дом был открыт с утра до вечера и невозможно было сосредоточиться. А ведь люди приходили с очень трудными вопросами, проблемами. Например, они спрашивали: «Как я могу уважать свою работу, раз мои начальники не уважают ни ее, ни меня?» Люди более сознательные чувствовали, что внутри реального социализма они становятся непорядочными, нравственно деградируют.

Я думаю, что многих тогда привел в Церковь инстинкт самосохранения. Иногда эти внезапные обращения не находили понимания у верующих. Те говорили: «Что? Так сразу? Пусть немного подождут, пусть пройдут наш путь». Я объяснял, что обращение — это как молния, но позже идет долгий процесс погружения корнями в веру и в этом нужно помогать, а не отталкивать.

Необыкновенным опытом была для меня встреча с одной русской девушкой. Она кончала в Москве школу, а

ради птичьей надобности и в качестве примера молодым прихожанам, появляется птичья столовая, а по весне пернатых привлекают домики в беседке возле костела.

Помню, как-то приехала съемочная группа делать фильм о ксендзе Леоне, и он сразу послал оператора снимать синицу, которая кормила птенцов в домике при костеле. Ксендз Леон чувствовал, что телезрителям это многое скажет и о его пастырском служении. Выставки и молодежный конкурс фотографий на темы природы, сбор макулатуры и ярмарки саженцев, побуждающие прихожан заботиться о подковинских садах, — вот некоторые примеры того, как воплощается в дело францисканский принцип — пробуждение восприимчивости к зеленым творениям Создателя.

Однако „о цветочках и о птичках” говорить никогда не возбранялось — тема это благодатная и безопасная. Хуже, когда уничтожение природы, порча окружающей среды, а стало быть, и игнорирование последствий этого для человеческого здоровья вытекают из государственной политики и культа заводской трубы как символа могущества социалистического государства. Самым молодым из прихожан повезло, они не помнят тех времен, когда экологические проблемы Польши были темой табу, а об отравлении окружающей среды можно было вести речь, лишь когда это касалось загнивающих „капстрран”. Да-да, были времена, когда цензура „вырезала” любую информацию о водах или воздухе в Силезии, а демонстрации протеста против постройки труб без фильтров или атомных станций „типа Чернобыль” безжалостно разгонялись. И вот в такие времена в приходской читальне им. Иоанна Павла Второго проходили выставки, показывавшие драматическую правду об угрозе природе, о ничего неделанье и цинизме властей ПНР в этих вопросах. На выставки тянулись люди не только из Подковы и окрестностей, но и из Варшавы, из

Силезии. В приходской книжной лавке продавалась нелегальная литература по проблемам угрожающего положения в сфере здравоохранения и состояния природной среды (например, бюллетень „Сервис охраны среды“). В представлявшем независимую мысль цикле воскресных „Встреч с автором“ участвовали ученые и эксперты, которые говорили о разных аспектах недосмотров в охране среды, которые „приглаживались“ и затушевывались официальной прессой или задерживались цензурой, как, скажем, страшные сведения о радиоактивном заражении после чернобыльской катастрофы. Оказалось, ксендз Леон настолько поглощен этими темами, что он сделал немало ценных замечаний, когда я, работая над книгой по экологии, попросила его быть консультантом главы „религия и экология“.

Однако самый рискованный тест на любовь к природе отец Леон выдержал во время рождественского визита („после колядки“) в наш дом, где ему пришлось встретиться с непокорным щенком таксы. Длинноносого забияку-пёсика никак не удавалось утихомирить, и ксендз Леон позволил ему залезть к себе на колени, после чего тот немедленно успокоился, точно волк из Губбию. С истинно францисканским спокойствием ксендз Леон прокомментировал как дар природы... мокрое пятнышко на своей сутане - результат собачьей благодарности. Так францисканская теория переплелась с локальной подковинской практикой. В Ассизе живые голуби вьют гнезда на вытянутой ладони фигуры святого. А в Подкове четвероногие приветствуют лаем нашего ксендза Леона.

ко мне попала через свою подругу-польку. Попросила ее окрестить. Мы пришли ко мне вечером в Страстную субботу. На приготовления не было времени. Из разговора следовало, что она немного знает Библию. Спрашиваю: «Веруешь в Бога? — Верую. — Веришь во Иисуса Христа? — Верую. — Хочешь креститься? — Да». Мы отправились в церковь, и я ее крестил. Позже, когда в связи с Международной конференцией по правам человека я оказался в России, то пытался с ней связаться, но ее отец сделал все, чтобы этого не произошло.

— Во второй половине 80-х вы приступили к не-бывало трудной и спорной деятельности, которую некоторые в шутку называли «обращением милиции». Вы принимали у себя милиционеров, исповедовали их. А с амвона разъясняли, что и среди них есть хорошие, порядочные люди. Вы пытались засыпать глубокую пропасть, отделявшую их от общества. Уже после 1989 г. благодаря вам было выстроено, частично общественными силами, новое здание отделения милиции.

Приветствуя наступающую демократию, вы открыли двери всем. Поэтому в костеле Подковы прошел, например, учредительный съезд Польской социалистической партии. Выборы в органы местного самоуправления в 1990 г. давали надежду на перестройку новой Польши снизу. В Подкове-Лесной этим занялись, в частности, ваши бывшие воспитанники. Вы сами в 1991 г. вышли на пенсию, однако по-прежнему живете в построенном вами приходском доме, руководите издательством «Люмен», возобновили издание «Рочника Подковянского», появляетесь чуть ли не на всех концертах, спектаклях, конференциях, проводимых в городе, участвуете в паломничествах. А прежде всего остаетесь авторитетом.

В 1998 г. президент Польской республики наградил восьмидесятилетнего о. Леона Кавалерским Крестом ордена «Polonia Restituta».

* Статья перепечатывается из газеты "Вядомости подковянске", выходящей в городке Подкова Лесна под Warsawой.

Анна Калиновская

Зелёный ксёндз Леон

Анна Калиновская

ЗЕЛЁНЫЙ КСЁНДЗ ЛЕОН

Поскольку у него буйные волосы без малейшего признака тонзуры и громовой голос, который, если придать ему надлежащую выразительность, мог бы во время проповеди оглушить даже самых впечатлительных рыб, - пожалуй, трудновато принять ксендза Леона за святого Франциска, и все же... Все же, когда я думаю о святом Франциске - покровителе экологов и экологии, - у меня нет сомнений, что отец Леон - один из лучших (не только в подковинском масштабе*) наследников Ассизского святого. Об этом свидетельствует уже сама красота окружающего его костел сада. Известный принцип, гласящий, что храм, как и весь город, должен соединяться с природой, ксендз Леон обогащает францисканскими идеями. Его сад - воплощенная экологическая заповедь Ассиза - напоминает и о красоте созданий неживой природы: Камней, которые доставил сюда ледник, озерной глади - где обитает Сестра Вода.

Францисканская идея - это и уважение к невзрачным, стелящимся растеням, привезенным с гор, а не только к пышным, „породистым“ садовым красавцам, это и не слишком педантичное отношение к сорнякам, которые как-никак тоже сотворены Всевышним и служат жилищем всевозможным насекомым. Крылатые братья в церковном саду тоже окружены заботой. Хоть мне и не довелось слышать, как отец Леон проповедует птицам, однако зимой,

П.М.: *В Подкове-Лесной вы тоже занялись работой с молодежью. Одним из ваших методов стало обращение или укрепление в вере с помощью биг-бита, чего раньше ни в одном польском костеле не было.*

— Это не я, это молодежь пришла ко мне с такой идеей. Они спросили, могут ли сыграть в костеле на гитаре. Почему бы и нет, ответил я, правда, не во время литургии; на майском же Богородичном молебне — пожалуйста. Они сделали усилитель из старого приемника и сыграли. Я убедился, что дело здесь не в том, чтобы себя показать, что они именно так, по-своему, хотят поклоняться Богу. И с декабря 1965 г. они играли и пели также на воскресной литургии. Через некоторое время известный композитор Катажина Гетнер написала для нас мессу в стиле биг-бит «Господь — мой друг».

— *Это был большой успех. На улицах, в поездах молодежь напевала: «Господь царствует во славе». При костеле возникло несколько ансамблей, играющих религиозный бит, блюзы. В начале 70-х в Подкову начали прибывать хиппи со всей Польши, а также из соседних социалистических стран. Они устраивали здесь свои слеты, издавали свой листок. Вас они называли «самым старшим хиппи в Польше». Благодаря вашему авторитету и деликатной пастырской опеке в «коммунах» Подковы не было ни наркотиков, ни другой патологии, которые испытывало «движение». Костел в Подкове в те годы был большим форумом независимых дискуссий. На уроках Закона Божьего мы спорили о других вероисповеданиях, о наших сомнениях, читали свои стихи и «философско-богословские» статейки, а во время воскресных проповедей могли слушать ваши скорбные слова о рабстве, которое мы сами себе навязываем, о порабощении, с которым смиряемся. В ваших устах слова Иоанна Богослова: «Познаете истину, и истина сделает вас свободными», — звучали великим вызовом. Весной 1980 г., когда мы основали местное подпольное издательство, вы сразу предложили нам помочь и нашли для нас деньги на бумагу.*

— В то время, в мае 80-го, в нашем костеле полтора десятка человек из оппозиции проводили голодовку протеста против ареста Мирека Хоецкого, одного из основателей польского самиздата. Десять дней здание костела было настоящим оазисом свобод, мечтаний, чаяний, хоть мы и были плотно окружены гебешниками с подслушкой и камерами. Тогда ощущалось то, что позже, между авгу-

стом 80-го и декабрем 81-го, стало уделом всей Польши: что все мы составляем одно. Май, солнце, а в костеле и вокруг него — тысячи людей.

— Во время военного положения систематически, каждые две недели, после воскресной службы проходили встречи с выдающимися учеными, писателями, журналистами. Кроме того — спектакли, выставки известнейших польских художников. Наконец, издания (хотя бы такие, как «Рочник Подковянский» [«Ежегодник Подковы»]), публиковавшие документы по истории наших мест, напоминавшие жителям о ценностях, которыми раньше жили подковяне.

— Все это были инициативы приходского комитета, который возник в начале 1982 г. и занимался помощью семьям арестованных, привозил и распределял лекарства из Франции. Но, как видим, этим он не ограничился. Идея таких воскресных встреч была прекрасной, и я ее одобрил. Ибо я только слушаю людей, их предложения, а затем могу помочь в выполнении. Так же было в 1984 г. с польско-украинской мессой примирения, которая собрала толпы верующих и положила начало многочисленным встречам польских и украинских историков, публицистов, художников в Подкове-Лесной в последующие годы, уже не только в костеле.

80-е годы были для меня очень насыщенными. Мне всегда хотелось, чтобы дом священника был не только моим жилищем в традиционном понимании, но и домом всего прихода. Тогда так и получилось, хотя временами это было немного обременительно: дом был открыт с утра до вечера и невозможно было сосредоточиться. А ведь люди приходили с очень трудными вопросами, проблемами. Например, они спрашивали: «Как я могу уважать свою работу, раз мои начальники не уважают ни ее, ни меня?» Люди более сознательные чувствовали, что внутри реального социализма они становятся непорядочными, нравственно деградируют.

Я думаю, что многих тогда привел в Церковь инстинкт самосохранения. Иногда эти внезапные обращения не находили понимания у верующих. Те говорили: «Что? Так сразу? Пусть немного подождут, пусть пройдут наш путь». Я объяснял, что обращение — это как молния, но позже идет долгий процесс погружения корнями в веру и в этом нужно помогать, а не отталкивать.

Необыкновенным опытом была для меня встреча с одной русской девушкой. Она кончала в Москве школу, а

ради птичьей надобности и в качестве примера молодым прихожанам, появляется птичья столовая, а по весне пернатых привлекают домики в беседке возле костела.

Помню, как-то приехала съемочная группа делать фильм о ксендзе Леоне, и он сразу послал оператора снимать синицу, которая кормила птенцов в домике при костеле. Ксендз Леон чувствовал, что телезрителям это многое скажет и о его пастырском служении. Выставки и молодежный конкурс фотографий на темы природы, сбор макулатуры и ярмарки саженцев, побуждающие прихожан заботиться о подковинских садах, — вот некоторые примеры того, как воплощается в дело францисканский принцип — пробуждение восприимчивости к зеленым творениям Создателя.

Однако „о цветочках и о птичках” говорить никогда не возбранялось — тема это благодатная и безопасная. Хуже, когда уничтожение природы, порча окружающей среды, а стало быть, и игнорирование последствий этого для человеческого здоровья вытекают из государственной политики и культа заводской трубы как символа могущества социалистического государства. Самым молодым из прихожан повезло, они не помнят тех времен, когда экологические проблемы Польши были темой табу, а об отравлении окружающей среды можно было вести речь, лишь когда это касалось загнивающих „капстрран”. Да-да, были времена, когда цензура „вырезала” любую информацию о водах или воздухе в Силезии, а демонстрации протеста против постройки труб без фильтров или атомных станций „типа Чернобыль” безжалостно разгонялись. И вот в такие времена в приходской читальне им. Иоанна Павла Второго проходили выставки, показывавшие драматическую правду об угрозе природе, о ничего неделанье и цинизме властей ПНР в этих вопросах. На выставки тянулись люди не только из Подковы и окрестностей, но и из Варшавы, из

Силезии. В приходской книжной лавке продавалась нелегальная литература по проблемам угрожающего положения в сфере здравоохранения и состояния природной среды (например, бюллетень „Сервис охраны среды“). В представлявшем независимую мысль цикле воскресных „Встреч с автором“ участвовали ученые и эксперты, которые говорили о разных аспектах недосмотров в охране среды, которые „приглаживались“ и затушевывались официальной прессой или задерживались цензурой, как, скажем, страшные сведения о радиоактивном заражении после чернобыльской катастрофы. Оказалось, ксендз Леон настолько поглощен этими темами, что он сделал немало ценных замечаний, когда я, работая над книгой по экологии, попросила его быть консультантом главы „религия и экология“.

Однако самый рискованный тест на любовь к природе отец Леон выдержал во время рождественского визита („после колядки“) в наш дом, где ему пришлось встретиться с непокорным щенком таксы. Длинноносого забияку-пёсика никак не удавалось утихомирить, и ксендз Леон позволил ему залезть к себе на колени, после чего тот немедленно успокоился, точно волк из Губбию. С истинно францисканским спокойствием ксендз Леон прокомментировал как дар природы... мокрое пятнышко на своей сутане - результат собачьей благодарности. Так францисканская теория переплелась с локальной подковинской практикой. В Ассизе живые голуби вьют гнезда на вытянутой ладони фигуры святого. А в Подкове четвероногие приветствуют лаем нашего ксендза Леона.

ко мне попала через свою подругу-польку. Попросила ее окрестить. Мы пришли ко мне вечером в Страстную субботу. На приготовления не было времени. Из разговора следовало, что она немного знает Библию. Спрашиваю: «Веруешь в Бога? — Верую. — Веришь во Иисуса Христа? — Верую. — Хочешь креститься? — Да». Мы отправились в церковь, и я ее крестил. Позже, когда в связи с Международной конференцией по правам человека я оказался в России, то пытался с ней связаться, но ее отец сделал все, чтобы этого не произошло.

— Во второй половине 80-х вы приступили к не-бывало трудной и спорной деятельности, которую некоторые в шутку называли «обращением милиции». Вы принимали у себя милиционеров, исповедовали их. А с амвона разъясняли, что и среди них есть хорошие, порядочные люди. Вы пытались засыпать глубокую пропасть, отделявшую их от общества. Уже после 1989 г. благодаря вам было выстроено, частично общественными силами, новое здание отделения милиции.

Приветствуя наступающую демократию, вы открыли двери всем. Поэтому в костеле Подковы прошел, например, учредительный съезд Польской социалистической партии. Выборы в органы местного самоуправления в 1990 г. давали надежду на перестройку новой Польши снизу. В Подкове-Лесной этим занялись, в частности, ваши бывшие воспитанники. Вы сами в 1991 г. вышли на пенсию, однако по-прежнему живете в построенном вами приходском доме, руководите издательством «Люмен», возобновили издание «Рочника Подковянского», появляетесь чуть ли не на всех концертах, спектаклях, конференциях, проводимых в городе, участвуете в паломничествах. А прежде всего остаетесь авторитетом.

В 1998 г. президент Польской республики наградил восьмидесятилетнего о. Леона Кавалерским Крестом ордена «Polonia Restituta».

* Статья перепечатывается из газеты "Вядомости подковянске", выходящей в городке Подкова Лесна под Warsawой.

Ежи Редлих

Польская коленда

Ежи Редлих

ПОЛЬСКАЯ КОЛЕНДА

У поляков колядка (по-польски — «коленда») — нечто большее, чем рождественская песня у других народов. Колядка — неотъемлемая часть национальной культуры. Это такой вид поэзии, который вышел далеко за рамки религии. В Польше даже те, кто не испытывает религиозных чувств, признают и поют коляды. К тому же у поляков рождественских песен — сотни, во много раз больше, чем у других народов.

Первая колядка на польском языке, начинающаяся словами «Здравствуй, Царю ангельский!», была записана в первой четверти XV века. В наше время ее уже не поют. Популярными, однако, остаются и поныне другие колядки XV-XVI веков. Одна из них, «Маленький Иисус», — по характеру колыбельная. Другая старинная колядка, «Идемте все в хлев к Иисусу и Деве», — пастушеская песня.

Таких пастушеских колядок имеется много, причем народные сочинители (в большинстве монахи и монахини) приспособляли Рождество Христово к условиям польской природы и климата, как будто Иисус родился не в иерусалимской пещере, а в польском крестьянском хлеве, в студеную декабрьскую ночь. В этих колядках, к яслям с Младенцем приходят как экзотические волхвы, так и польские пастухи с «нашенскими» именами.

В текстах многих колядок XVII-XVIII веков Святое Семейство совсем ополячилось: оно отождествляется с бедной крестьянской семьей, а Пресвятая Дева и Младенец Иисус — с простой деревенской матерью, убаюкивающей ребенка.

Колядки издавна поются в Сочельник, а в костелах — в полночь, во время Рождественской литургии. Она, как правило, начинается торжественной песней-колядой. До конца XVIII века это была обычно колядка «Когда Христос

рождается». Потом ее заменила другая песня, о которой стоит рассказать подробнее. В 1792 году в имение графа Красицкого в местечке Дубецк приехал известный поэт-моралист и драматург, ксендз Францишек Карпинский. Он был приглашен на Рождество. Хозяева попросили его написать колядку. Время было беспросветным — всем хотелось хоть искорки надежды на Божью помощь. И вот под мелодию торжественного полонеза, которым сопровождались — тогда уже навсегда прекращенные — коронации польских королей, Карпинский сочинил удивительные

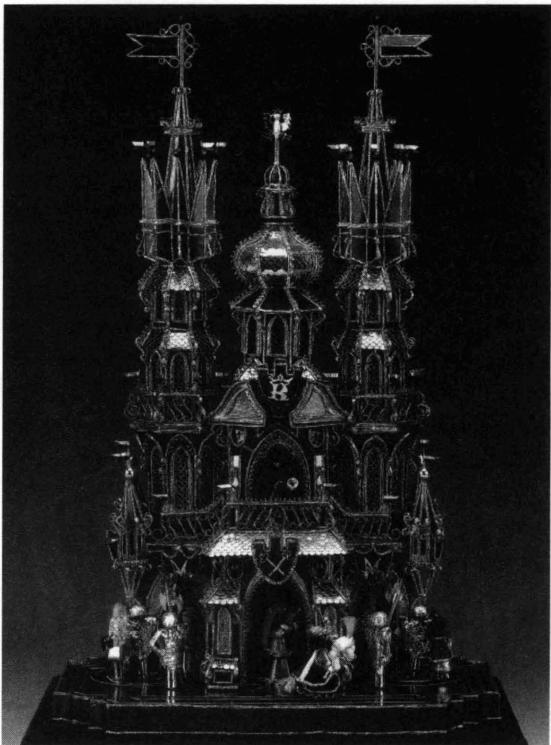

Фото-архив Редакции

Краковская „шопка“ (верепет) изображает костёл с мотивами краковской архитектуры. Работа Мачея Мошевы, многократного лауреата международных выставок народного творчества.

Св. Семейство. Лубок, 363x300мм, 1823,
Этнографический музей, Краков.
Надпись гласит:
„Что за прекрасная компания: Иисус, Иосиф и Мария!“

слова молитвенной и в то же время патриотической песни.

Есть в этой песне и литургическое, и родное, возвышенность и простота, далекое и близкое. В дальнейших строфах внушается надежда на то, что Бог поможет полякам побороть силы ада (то бишь захватчиков) и благословит свободное отчество. Колядка «Бог рождается — мощь робеет» вскоре заняла почетное место в семейные Сочельники и в Церкви. А между тем отчество, для которого испрашивалось благословение Божие, существовало уже только в человеческих сердцах. Годы неволи затянулись на десятилетия — и в прошлом, и в нынешнем столетиях. Во все эти тяжелые времена поляков воодушевляла эта рождественская песня. Ее пели и в подлиннике, и во многих пародиях и вариантах. Во время Второй Мировой войны польские летчики, служившие в британских BBC, на ту же мелодию пели в Сочельник: «Верни нам отчизну, Боже, дай вернуться нам за море». А пехотинцы пели: «Бог рождается, а мы в окопах против темных сил сражаемся».

Слова колядок переделывались не только в военное время. В годы коммунизма, в частности во время военного положения, введенного почти в канун Рождества 1981 года, бастующие рабочие на мелодии известных колядок слагали новые слова, в которых просили Младенца Иисуса вступиться за них в борьбе против насилия.

Фото-архив Р.Сакани

Фрагмент польского „вертепа“,
своебразного макета событий,
связанных с Рождеством Христовым.
Художник-самоучка часто переносил
действие в реалии польских
деревень и городов.
На фотографии - пастушеская сцена.
Музей в Карконошах, 2-я пол. XIX в.

Ежи Клочовский

О польском костеле последнего столетия

Ежи Ключовский

О ПОЛЬСКОМ КОСТЕЛЕ ПОСЛЕДНЕГО СТОЛЕТИЯ

*Интервью с профессором Ежи Ключовским, директором Института Центральной и Восточной Европы в Люблине
Беседовала Эва К. Чачковская,
корреспондент газеты „Жечпосполита”***

- Уходящий век принес Польше огромные исторические перемены — от ликвидации разделов, через обретение независимости, две тоталитарных эпохи — к свободе. Во всех событиях века участвовал костел. Поэтому невозможно говорить о современном польском костеле вне связи с историей.

- ЕЖИ КЛОЧОВСКИЙ: Невозможно понять католический костел в Польше, если не учитывать резко менявшийся в XX веке исторический контекст. До 1914 года в каждой из трех частей разделенной Польши существовала своя традиция и своеобразная формация не только поляков, но и костела. В независимой Польше костел занял свое место. Когда настало страшное время 1939-1945, костел всецело участвовал в жизни польского общества. В 1945 году условия принципиально изменились в связи с тем, что Польша был навязан коммунистический строй. Сталин передвинул границы Польши на запад, думая, что навсегда поссорит нас с немцами. В то же время у Польши было отнято то, что до 1939 года составляло ее восточные

территории - это должно было поссорить нас с восточными соседями - Украиной, Литвой, Белоруссией, и тем более вынудить к союзу с Россией. Казалось, что эта умная игра коммунистов, при их весьма изощренной религиозно-патриотической риторике, будет эффективна. В этой ситуации польская национально-освободительная мысль и костел искали возможности, с одной стороны, обустроить страну, а с другой - максимально сохранить независимость. Таков фон всей истории Польши до 1989 года, когда в новых условиях - полного краха коммунистической системы и абсолютно иной, чем в 1918 году, международной ситуации - нам удалось вновь обрести независимость. Каждый из перечисленных исторических периодов необычайно важен для костела, потому что люди костела были глубинно связаны с польской действительностью.

- Как эти исторические события повлияли на облик польского костела? Есть ли какие-то специфические категории, которые отличают его от других локальных католических церквей?

- В польской реальности произошло далеко идущее соединение культурных и религиозных элементов. Например, рождественский сочельник, который

* Фрагмент из книги „Костел XX века”, в которой двенадцать собеседников журналистки — лица как духовные, так и светские — подводят итоги века в истории католической церкви, говорят о традициях и переменах. Книга недавно вышла в издательстве „Книжная лавка св. Якова” в Катовицах.

отмечают все, сочетает религиозные, католические ценности с национальными. Таких элементов много и в польской народной культуре, и в литературе. Это тип культуры, сложившийся на почве исторического наследия - культуры национальной и в то же время христианской. В нем соединились два весьма существенных элемента: с одной стороны, элемент единства и братства людей, семей в рождественской атмосфере, с другой - элемент боли и страдания, знаком которого является распятый Христос.

- Что преобладает в польском религиозном сознании: элемент культурной традиции или личностного отношения к религии?

Отношение людей к религии может быть весьма различным, оно и является таковым, но почти все - будучи поляками - признают, что принадлежат к этой культуре. Это характерно для Польши и очень отличает нас, например, от Чехии, Германии или Франции. Не будем забывать, что в польском христианстве всегда был весьма отчетлив человеческий элемент: Христа-человека следовало принять по доброй воле, с добротой, покорностью, и никогда принять его не заставляли силой. Мы в Польше никогда не соглашались на религиозное принуждение и никогда не принимали столь распространенной церковно-государственной модели, навязывающей веру и религиозную практику. Мы всегда ценили право выбора и свободу. Мой тезис, опирающийся на многолетние исследования, таков: в Польше христианство сильнее, чем в других странах, потому что здесь не было религиозного принуждения общества со стороны собственного государства. Католическое, протестантское и

православное принуждение привело в Европе к дехристианизации. Модель „костел-теократическое государство” абсолютно чужда долгой польской истории и традиции.

- Такую роль, роль оазиса свободы, предназначила костелу история. Но без этого „испытания огнем” возможна ли была бы интеграция духовенства и общества в послевоенный период принуждения? Какое значение это имело?

Колоссальное! Обратите, пожалуйста, внимание: когда Сталин изгнал из России Андерса и решил создать польскую армию, он сказал: „Нет польской армии без капеллана”. Он послал парашютистов, чтобы они выкрали католического священника и привезли его в создаваемые подразделения. Так он хотел показать, что не будет воевать с костелом. Маршал Булганин, уполномоченный Сталина в Люблине, прикладывал усилия к тому, чтобы немедленно возобновил работу Люблинский Католический университет. Это была сознательная игра: показать - если уж Польша, то должны быть и католики. Так Сталин и его приспешники опосредованно признали огромное значение культурной связи между польским национальным самосознанием и католицизмом.

- Чем объяснялась эта связь?

Убеждением, что существует культурная интеграция поляков, что где бы они не ни находились, они встречаются друг с другом и именно в этом культурно-религиозном симбиозе лучше всего находят самих себя и собственную идентичность. Это убеждение еще больше укрепилось после войны. Костел был беден, он не имел собственности, но у него были люди. Когда люди, изгнанные с родной земли, приезжали на западные

земли, они прежде всего хотели, чтобы с ними был священник. Общность была невероятно глубокой. И русские знали, что если они хотят достигнуть своей цели, то есть уничтожить польскую государственность - а ведь было лондонское правительство, было Армия Крайова, политические партии, - необходимонейтрализовать костел. Это была умная игра. Конкордат, правда, был отменен, но в течение двух-трех лет костел имел относительную свободу. Кардинал-примас Хлонд мог назначать епископов, „церковно обживать” западные земли. Священников арестовывали только в крайних случаях, стараясь не задевать их политикой террора.

Правила этой игры изменились после фальсификации референдума, а еще более - после январских выборов от 1947 года и укрепления власти, насилию навязанной Польше. Так закончился определенный этап истории Польши и истории костела.

Тогда, в 1948-1949 годах, в корне изменилась стратегия коммунистической власти. До 1939 года Сталин уничтожал в России все религии и церкви. Во время войны он наконец понял, что все-таки надо разрешить какую-то форму религиозности, тогда начали даже открывать церкви. Явно проводилась политика не столько на уничтожение церкви, сколько на то, чтобы сделать ее максимально зависимой от государства. Зависимая церковь - это была чрезвычайно сильная традиция, глубоко укорененная еще в царской России. Идея Сталина состояла в том, чтобы церковь оказалась в руках тайной полиции. Церковные колокола должны были звонить так, как прикажут власти, церковь была обязана быть покорной, а вдобавок еще и служить. Идеалом был священник - агент политической полиции.

И до какой-то степени, по крайней мере в некоторых странах, коммунистам это удалось. Но несмотря на то, что во всех странах социалистического лагеря спецслужбы применяли по отношению к духовенству одни и те же методы - слежку, запугивание, административные преследования, аресты и даже убийства, - не все церкви удалось подчинить в равной степени. От чего это зависело?

Это невероятно интересное явление, которого мы до конца еще не проанализировали. Отчетливо видно, как удалось подчинить православные церкви. Сопротивление католической церкви было более сильным, но не везде в равной мере. Более слабое сопротивление, к примеру, официальной католической церкви в Чехословакии и Венгрии было обусловлено сильной традицией иосифизма, т.е. зависимости церкви от государства в системе габсбургской империи. Скажем, в Венгрии до прихода коммунистов церковь была очень богата, владела огромной собственностью, одна треть школ находилась в руках католической, реформистской и лютеранской церквей. Это положение было полностью ликвидировано коммунистами в первые же годы их правления. Властям удалось постепенно ввести систему далеко идущего подчинения церкви государству, называемую иногда „красным иосифизмом”. Собственно говоря, священник стал государственным чиновником. В Польше такое удалось, поскольку у бедного, разрушенного в 1945 году костела было нечего отобрать. Однако прежде всего - у нас была сильная традиция сопротивления идеологии, насилию навязываемой обществу и костелу.

Однако и в Польше служба безопасности сумела различными методами подчинить себе около 10% священников, так наз. „патриотов”, которые сотрудничали с властью. Существовал про-режимный „Пакс”. Насколько эта проблема была внутренне опасной для костела?

В наибольшей степени польский костел был зависим в 1953-1954 годах. Именно тогда огромную роль играли, в частности, „Пакс” и „ксендзы-патриоты”, служившие главным орудием разрушения костела изнутри. Но это единственный период, когда данная группа была относительно значима. В Польше процесс подчинения происходил медленней и был ограничен, так как у нас костел имел сильную основу, которую составляли не собственность и не организации (хотя, например, переход благотворительного общества „Каритас” в руки „ксендзов-патриотов” было ударом для костела), а самые широкие круги общественности. Священники имели весьма мощную опору в прихожанах, которые в то же время контролировали их, смотрели, на чьей они стороне.

- То есть стратегия костела была результатом не только суверенного решения его иерархов, но и давления верующих „снизу”?

Ведь у всякого, даже высокопоставленного, партийного поляка была мать или тетушка, которая говорила ему: „Не убивай людей, не будь мерзавцем, не плой на Польшу и на мой костел, будь человеком”. Это общественное давление играло большую роль, ослабляло удары.

В 1950 году кардинал-примас Вышинский все же подписал соглашение с правительством, которое вызвало разногласия в самом костеле, сомнения

были, скажем, у кардинала Сапеги. Если бы не то, что впоследствии примас был арестован, а прежде всего - если бы не падение системы, возможно, и сегодня этот поступок Вышинского оценивался бы иначе.

Об этом можно спорить, но я думаю, кардинал Адам Сапега, а после него кардинал-примас Август Хлонд сознавали, что то, что происходит в Польше, будет длиться десятки лет. Точно так же оценивал ситуацию и примас Вышинский. Он знал, что борьба будет идти долгие годы и костел должен сохранить силы и связь с обществом. Он сделал ставку на основные элементы культурной и религиозной идентичности поляков. Тогда это было важнее всего, и в этом была огромная сила костела. Поэтому в 1950 году, перед лицом опасности бандитского террора примас пошел на определенный компромисс с властью, будучи убежден, что под угрозой само существование организации католической церкви. Соглашение было не капитуляцией, а политическим компромиссом, дающим отсрочку и смягчающим силу террора. Сегодня это прекрасно видно в сравнении с другими коммунистическими странами.

RZECZPOSPOLITA

Женское лицо польской поэзии

**Переводы и вступление Наталии
Астафьевой**

Переводы и вступление
Наталии Астафьевой

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

О „матриархате” в польской поэзии шутил Ружевич. „Явление это - может быть, единственное во всей современной европейской поэзии: польские поэтессы”, - так начинал свою статью о Марианне Боцян Витольд Вирпша. Масштаб явления увиделся ему в эмиграции, в Западном Берлине. Мне он увиделся тоже со стороны, но с востока, из Москвы. Вот уже полжизни, возвращаясь в Москву из моих редких поездок в Варшаву, где я когда-то родилась и где в 1953 году вышел томик моих русских стихов в переводах польских поэтов, я погружаюсь в польскую поэзию, я переводила сонеты Страффа и верлибры Ивашкевича, стихи Лехоня и Лесьмяна. Но кому же, как не мне, было открывать русскому читателю польских поэтесс. Лавина восторженных писем была ответом на мою публикацию Свищиньской в „Иностранный литературе” в 1973 году, о Посвятовской годом раньше романтический юноша писал в редакцию, что на его небе загорелась новая звезда рядом с Цветаевой и Пикассо. А в 1974-м было письмо от Иллакович: она, переводчица „Анны Карениной” и Эмилии Дикinson, писала мне: „Совершенство Ваших переводов произвело на меня потрясающее впечатление”. Позже я представляла в разные годы Павликовскую, Юлию Хартвиг и Анну Каменьскую, Уршулю Кожёл, Марианну Боцян, Еву Липскую, в 1994-м - стихи из последних книг Виславы Шимборской, Нобелевская премия которой стала мировым признанием и ее творчества и места женщин-поэтов в XX веке.

Рукопись моей авторской антологии „Польские поэтессы XX века”, восемь тысяч строк стихов, лежит у меня на столе.

H.A.

Заинтересованного читателя адресуем также к большим подборкам стихотворений польских поэтесс в русском переводе, опубликованным в книгах:
Из современной польской поэзии. М., 1975 (Х.Посвятовская),
Поэты Польши. М., 1977 (К.Иллакович),
Из польской поэзии. М., 1979, Польская поэзия: XX век. М., 1993 (В.Шимборская),
Польские поэты. М., 1990 (А.Свищинская),
Польская поэзия: XX век. М., 1995 (Э.Липская).

Редакция

Лешек Шаруга

ПОЛЬКИ АСТАФЬЕВОЙ

Наталья Астафьева готовит к печати в своем переводе обширный том стихотворений польских поэтесс; в этом номере нашего журнала мы представляем голоса десяти из них.

Разумеется, можно задаться вопросом о специфике „женской литературы” - и это происходит все чаще, особенно в связи с нарастающей в Польше волной феминистской критики (в работах таких исследовательниц, как Мария Янион, Гражина Борковская или Эва Красковская). Однако прежде чем ставить подобный вопрос, просто стоит отметить, что поэзия женщин в Польше - действительно явление своеобразное, хотя бы в том смысле, что - особенно в послевоенный

период - мы имеем тут дело с творчеством высшей пробы.

Можно размышлять о том, благодаря какому стечению обстоятельств в польской поэзии возникла столь великолепная плеяда женщин-поэтов - ведь наряду с этими десятью, безусловно, можно назвать еще два десятка замечательных поэтесс. Но сосредотачиваться на графе "пол" в данном случае, пожалуй, так же бессмысленно, как апеллировать к рубрикам "социальное происхождение" или "национальность". Тем не менее женственность имеет свою неизбежную специфику, о которой, сопоставляя стихи мужчин и женщин, критик Ивона Смолька пишет так: "Все же в лирике, вышедшей из-под пера мужчины, нет такого отношения к телу: гнезду, биологическому дому, крайней опасности, "колыбели смерти", звуку, связующему с миром". Ведь окружающий мир - это продолжение нашего тела...

Казимира Иллакович

ПРИГОВОР

Приговор ему был напророчен прежде чем родился он той ночью;

и, нося под сердцем, матерь божья приговор носила в сердце тоже;

и волхвы, даряя мирру-ладан, приговор лишь подтвердили давний;

подтверждали, сердца не имея, вновь и вновь приговор фарисеи;

подтвердил, поцеловав при этом, тот апостол, который его предал;

подтвердил и Петр верный, он же Симон, вслух назвав его божьим сыном;

и вся божья Троица также, от рожденья до моленья о чаше;

и тиары, и митры, и троны, ибо мир иначе не был бы спасенным...

Только я в сердце горьком, полном скорби ежедневно приговор тот позорный отвергаю, отвергаю упорно!.

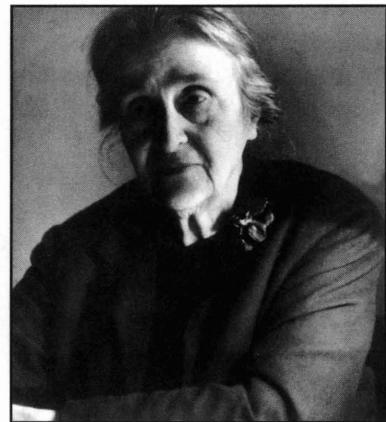

Фото PAP-CAF, archiwum

ПРОРОК АВВАКУМ И ЖНЕЦЫ

Шел Аввакум-пророк к жнецам, работавшим в поле,
нес хлеба корзину, похлебку нес из фасоли.
Ждали жнецы, сил уже больше нет...
„....Идет, наконец... Куда ж ты девал обед?”

„Вы не поверите, хоть лжецом никогда я не был:
когда я к вам шел, спустился вдруг ангел с неба,
и как я был, с горшком в руках и с корзиной,
схватил меня за волосы и вознес над долиной.
”Куда? вопрошаю. Он крыльями шумит на ветру
и говорит: „К Даниилу, который. во львином рву”

„Батюшки светыИ что?” - „Ну, что вам сказать в ответ:
вернулся я живым,
цел и невредим...
Но во львином рву
пророк Даниил
съел ваш обед”.

Казимера Иллакович (1892-

1983) какое-то время была
секретаршей маршала Пилсудского,
дебютировала как поэт в 1905 году,
в 1920-1930-е годы была связана,
хотя и не слишком тесно, с
литературной группой „Скамандр”,
к которой принадлежали, в
частности, Ярослав Ивашкевич и
Юлиан Тувим. Ее поэзию отличает
присутствие сильного религиозного
начала, проявляющееся в
переработке библейских сюжетов и
обращении к франтиканским
мотивам. Стоит подчеркнуть, что
она была в числе немногих авторов,
которым в эпоху засилья
соцреализма удавалось публиковать
стихи на эти темы, (“Религиозные
стихи”, 1955), хотя официально с
ними и велась борьба. Тогда же, не
принимая навязываемого режима
художественной жизни, Иллакович
нашла выход для своей творческой
энергии в искусстве перевода, в

частности, перевела “Анну Каренину” Льва Толстого.

Несколько младше **Беата Обертынская (1898-1980)**, львовянка, дебютировавшая как поэт в 1924 году. После начала Второй мировой войны, в 1940 году, она была арестована и около полутора лет (пока после нападения Германии на СССР не была объявлена амнистия польским гражданам) провела в тюрьмах и лагерях в Киеве, Одессе, Харькове, Старобельске, Воркуте, Москве, Самарканде и Самаре. Покинув Советский Союз с армией генерала Андерса, после войны она поселилась в Лондоне и опубликовала, в частности, книгу прозы “В доме неволи” (1946), одно из первых документальных свидетельств о советской лагерной действительности. В своей поэзии Обертынская уделила много внимания как советскому опыту (здесь ощущение экзистенциальной угрозы сталкивается с восхищением северными пейзажами), так и утрате “малой родины” и эмигрантской доле. Ее поэзия, как до, так и после войны, прежде всего вписывается в контекст лирики природы, но со временем понятие природы в творчестве Обертынской эволюционирует, становится точкой опоры для ощущения мировой

Беата Обертынская

РЕКА ВОРКУТА

Помню я тебя, чуждую, мертвую и ледяную...
Шла и шла широко по долине заиленной, средь
того света, текла и текла; равнодушно минуя
всех, кто в бездну враждебную брошен - на муку и
смерть...

Ты дымилась туманами бледными перед рассветом
и тащила за волосы их - неизвестно куда...
И они отдавались на гибель безвольно и слепо,
предрассветная мгла, исчезающая без следа...

Не умела ты вовсе, а может, и не было смысла
брать в себя отраженья, свои повторять берега
с лозняком, с блеклой глиной, что серостью скучной
нависла
над твою бесцветной, безрадостной гладью, река!

Лишь когда абрикосовым заревом пламя заката
озаряло Урал, лютый блеск снегового хребта,
околдована той красотою и страхом объята,
ты смертельный тот блеск удвоила, река Воркута!

Анна Свищинская

ДЕВЧОНКА

Умирала девчонка в госпитале
говорила подругам что ей стыдно
что война что она солдат что очень
стыдно ей просить но все же просит
никогда она не бывала на танцах
так, пускай ее оденут после смерти
в это платьице с кружевами

Умерла она одели ее в платьице
стали четверо по стойке смироно
над ее кроватью и стояли

ВОЛОСЫ КАК ВОДОПАД

Это была тяжелая ночь в госпитале,
смрад гноя, стоны раненых,
я наклонилась в темноте к ее губам,
она шептала мне, как он ее любил
и как ушел,
женщина с волосами как водопад,
Вчера
ей ампутировали ногу.

Она шептала мне о счастье и отчаянье,
держала мою руку,
на рассвете
я, уходя, сказала ей:
до вечера.

Но именно в тот вечер
в одно мгновенье
наш госпиталь исчез.
И я уже никогда не увидела
этую женщину без ноги, с волосами
как водопад.

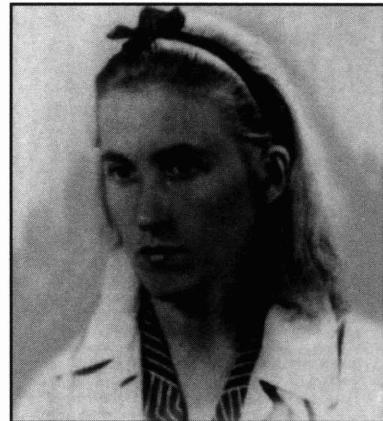

Фото-архив Редакции

гармонии, противостоящей хаосу и
жестокости истории.

К более молодому поколению
относится **Анна Свищинская**
(1909-1984). Она дебютировала в
1930 году, но прочное место в
панораме польской лирики обрела
лишь в начале семидесятых.

Характеризуя эволюцию ее
творчества, Чеслав Милош в книге
“Свидетельство поэзии” говорит о
поисках стиля, способного описать
переломное переживание, которым
стало для поэта Варшавское
восстание: “Как трудно найти
формулу для элементарного в своей
жестокости опыта, показывает
пример Анны Свищинской. Она
дебютировала перед войной томом
поэтической прозы, очень красивой,
рафинированной, в которой было
заметно увлечение историей
искусств и средневековой поэзией.
(...) Ни она сама, и никто из ее
читателей не угадал бы, чему
послужит избранный ею стиль

иллюстрированных рукописей и миниатюр". Этот стиль стал формой, в которой поэтесса воплотила опыт восстания в книге "Я строила баррикаду" (1974). А до того он был художественным способом выражения свободной, зрелой женственности в сборнике "Я - баба" (1972), который критика признала одним из важнейших

Фото ADM-CAF, Witold Rozmysłowiec

поэтических событий начала семидесятых годов.

Анна Каменьская (1920-1986), которая была также переводчицей русской поэзии, принадлежит уже к авторам военного поколения. Она дебютировала в 1945 году, а со временем, пройдя через соцреалистический опыт, все более тесно связывала свое творчество с религиозным течением в литературе. Ее стихи, все более сгущенные, все более

Анна Каменьская

НЕВЕРЬЕ

Именно так
даже когда я не верю
есть во мне место
недоступное для нерерья
краешек дикой благодати
упрямый заповедник
неистребимый
нетронутая боль таящаяся в теле
музыка что вьет гнедо в тиши

СЛЕДЫ

Боголюбивый недоверок
ищу хоть следа на песке
хоть черточки из того
что писал он пальцем
на земле библейской
хоть в воздухе витающего жеста
хоть вздоха в стародавней тишине
хоть горизонта на котором
отдыхало Его око

А вижу лишь печаль Христову
на каждом человеческом лице

Вислава Шимборская НА ИСХОДЕ ВЕКА

Должен был быть лучше прежних наш ХХ век.
Доказать это он уже не успеет,
годы его сочтены,
шаг неуверенный,
одышка.

Уже слишком много произошло
того, что не должно было произойти
а что должно было наступить,
не наступило.

Должно было повернуть к весне
и счастью, между прочим.

Должен был страх покинуть горы и долы.
Правда быстрее лжи
должна была добегать до цели.

Некоторые несчастья
не должны уже были случаться,
например, война,
голод и т. д.

Должны были быть в чести
беспомощность беззащитных,
доверие и т. п.

Кто хотел радоваться, глядя на мир,
стоит перед задачей,
увы, невыполнимой.

Глупость не смешит
Мудрость не утешает.

медитативные, стремятся к одной
неуловимой грани, за которой
“слово расплывается в молчанье”.
Нравственное послание этих стихов,
в которых реальное переживание
происходящего “здесь и теперь”
вписано во вневременное
пространство библейского
универсума, это защита от
вторжения небытия. Поззия
Каменской - выражение любви,
противостоящей жестокости мира,
дополненное дневниковые
строками “Записных книжек”, -
вызвала полемическое признание
Чеслава Милоша в стихотворении
“Читая “Записные книжки” Анны
Каменской”:

*Читая ее, я осознал, как она
богата и как я беден. (...)*

*Она не была выдающейся
поэтессой. Но это справедливо.*

*Добрый человек никогда не
научится хитростям искусства.*

Полемика об этическом
звучании поэзии имеет и должна
иметь открытый характер. Голос
Каменской в этом споре так же
важен, как голос Милоша, - он тем
более важен, что противится
сведению искусства исключительно
к эстетическому измерению. Своего
рода “наивность”, которая есть и в
близкой детскому воображению
лирике Иллакович, - один из тех
творческих импульсов, которые

позволяют преодолеть отчаяние бытия.

Такой “наивности” мы не обнаружим, однако, у ровесницы Каменьской, Юлии Хартвиг (р.1921). Эта поэзия, которую критика относит к классицизму, сочетает реалистически предметное познание действительности с поэтикой сновидения. Обе сферы опыта взаимопроникают и дополняют друг друга. Размыается граница между конкретностью и символом, между сиюминутным и временным. Многомерность мира, создаваемого в этой лирике, неразличима для всего лишь человеческого, взгляда. Потому и слова поэзии, стремящейся уловить многообразие форм, - отчасти “нечеловеческие”: они позволяют обрести дистанцию по отношению к собственному опыту и придать этому опыту смысл, выходящий за предел сиюминутности, как в одном из последних стихотворений Хартвиг, где мы читаем:

*Взгляни взором неба и взором воды
взором жертвы и взором страданья
хоть раз без обиды взгляни
Но справишься ли ты с этим?*
(“Хоть раз”)

Надежда

это уже не та молодая девушка,,
et caetedra, к сожалению
Бог должен наконец-то уверовать в человека
доброго и сильного,
но добрый и сильный
это по-прежнему двое разных людей.

Как жить - спросил меня в письме
тот, кого я опросить собиралась
о том же самом.

Снова, как и прежде,
что видно выше,
нет вопросов важнее
вопросов наивных.

НЕНАВИСТЬ

Смотрите, в какой она форме.
Как великолепно держится
в нашем столетии ненависть.
Как легко берет любые барьеры.
Как легко ей - прыгнуть, схватить за горло.

Не такая, как другие чувства.
Она и старше их и моложе.
Она сама рождает причины,
пробуждающие ее к жизни.
Если и засыпает, то никогда сном вечным.
Бессонница не отнимает, а придает ей силы.

Религия не религия -
лишь бы стать на колено на старте.
Отчизна не отчизна -
лишь бы рвануться с места.
Сойдет и справедливость для разгону.
Потом уж она понесется.
Ненависть. Ненависть.
Лицо ей искажает гримаса

любовного экстаза.

Ах, все другие чувства
слюнявы и худосочны.
С каких это пор чувство братства
способно собрать толпы?
Разве сочувствие может
первым дойти до цели?
Многих ли может сомненье увлечь за собою?
Лишь ненависть может, которая знает свое.

Догадлива, даровита, очень работоспособна.
Надо ли вспоминать, сколько сложила песен.
Сколько страниц истории пронумеровала.
Сколько ковров из людей уложила
на скольких площадях и стадионах.

Не будем себя обманывать:
умеет творить прекрасное.
Великолепны ее зарева черной ночью.
Эффектны дымы взрывов на розовом рассвете.
Не откажешь в пафосе руинам
и в грубоватом юморе
твердо торчащей над ними колонне.

Ненависть - мастер контраста
между грохотом и тишиной,
между красной кровью и белым снегом.
И никогда ей не наскучит тема:
опрятный палач
над опоганенной жертвой.

к новым заданьям в любую минуту готова.
Надо подождать - подождет.
Говорят, что она слепая. Слепая?
Зорка, как снайпер,
и смело смотрит в завтра
- она одна.

Быть может, обретение

отчужденного взгляда - как заметил
в превосходном эссе об этой поэзии
Рышард Пшибыльский - и есть
“предчувствие нового ритма мира”?

Такой же отчужденностью, хотя
она явно имеет ироническую
подоплеку, обладает и поэзия
Виславы Шимборской (р.1923), в
которой каждому „я есмь”
сопутствует неизбежное отрицание,
и тем самым жизнь человеческая

Фото Konrad Pollesz

обретает парадоксальность, как в
стихотворении „Под одной
звездочкой”:

*Знаю, пока я жива, ничто меня
не оправдывает,
поскольку я сама себе мешаю.*

Поэтический путь Шимбор-
ской, как и путь огромного
большинства ее ровесников, имел
исходной точкой опыт соцреализма.

Много лет спустя, в 1991 году, комментируя свою тогдашнюю идеологическую причастность, она констатировала:

“Я принадлежала к поколению, которое верило. Я верила. А когда перестала верить - перестала и писать такие стихи. Я вовсе не оправдываюсь и никому не хочу внушить, будто была очень умной. Нет. Я была глупой и знала гораздо меньше, чем можно было узнать потом. Я любила человечество - а вы знаете, что это такое?... Нельзя любить человечество - надо любить людей. Кто любит человечество, те, как правило, очень не любят людей”. Поэтессе удалось необычайно точно определить суть одного из наиболее драматичных периодов в польской послевоенной литературе. Этот опыт стал своего рода предостережением, повелевающим отмежевываться от всех попыток использовать искусство как инструмент, с одной стороны, и как идеологическое обоснование предпринимаемых действий - с другой. Едва ли не самым ярким выражением этого урока истории стало стихотворение Шимборской “Тerrorист, он смотрит”:

Тerrorист ужe перешел на другую сторону улицы.

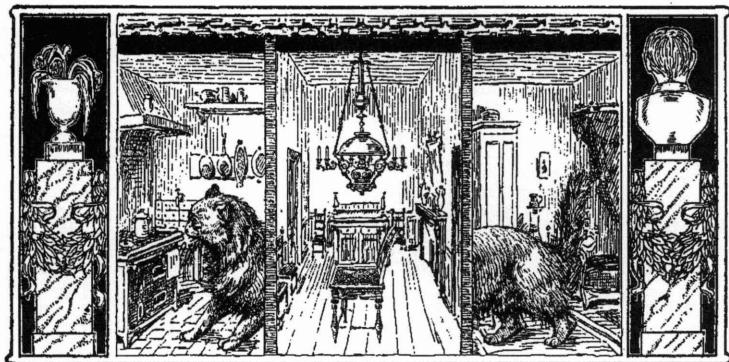
КОТ В ПУСТОЙ КВАРТИРЕ

Умереть - так с котом нельзя.
Ибо что же кот будет делать
В пустой квартире.
Лезть на стену.
Отиратся среди мебели.
Ничего как бы не изменилось,
но все как будто подменили.
Ничего как бы не сдвинуто с места,
но все не на месте.
И вечерами лампа уж не светит.

На лестнице слышны шаги,
но не те
Рука, что клала рыбу на тарелку,
тоже не та, что клала.

Что-то тут не начинается
в свою обычную пору.
Что-то тут не происходит
как должно.
Кто-то тут был и был,
а потом вдруг исчез
и нет его и нет.

Обследованы все шкафы.
Облазаны все полки.
Заглянуто под ковер.
Даже вопреки запрету
разбросаны бумаги.
Что тут еще можно сделать.
Только спать и ждать.
Ну пусть он только вернется,
Пусть только покажется.
Уж тут-то он узнает,
что так с котом нельзя.
Надо пойти в его сторону,
будто совсем не хочется,
потихонечку,
на очень обиженных лапах.
И никаких там прыжков, мяуканий поначу.

РЕЧЬ В БЮРО НАХОДОК

Я утратила двух-трех богинь по дороге с юга на север,
а также многих богов на пути с востока на запад.
Погасли мне две-три звезды, расступись, небо.
Погрузились мне в море два-три архипелага.
Я даже не знаю точно, где я оставила когти,
кто ходит в моем меху, кто в раковине моей обитает.
Родня мне поумирала, когда выползла я на сушу,
лишь какая-то косточка празднует во мне годовщину.
Я вылезала из кожи, позвонки и ноги теряла,
лишалась чувств, то есть органов чувств много-
много раз.
Давно я закрыла на это свой третий глаз,
плавником махнула на это, покачала ветвями.

Пропало, подевалось, ветрами поразревалось.
Сама себе удивляюсь, как мало меня осталось:
единичная особа, что в обличье людском пребывая,
всего-то на всего зонтик потеряла вчера в трамвае.

*Это расстояние защищает его
от всякого зла,
ну и вид, как в кино.*
Запечатленная здесь позиция
открывает нигилистический
характер всякого фундаментализма
и трагизм положения, когда выбор,
совершаемый “во имя правого
дела”, ведет к потере человеческого
облика. Сходный мотив появляется
во многих произведениях, в том
числе в стихотворении “Ненависть”.

При этом Шимборская - лауреат
Нобелевской премии по литературе
- поражает своим поэтическим
мастерством. Любое из ее
стихотворений (а публикует она их
редко) рождается в поэтике,
отличной от других, тем не менее
каждое опознаемо - как
произведение, вышедшее из-под ее
пера. Многообразие форм
поэтического дискурса,
остающегося, несмотря на
неустанную изменчивость, равным
самому себе, - это, несомненно,
отличительный признак творчества
Шимборской, автора “Трех обезьян
Брейгеля”.

Словно противоположность
этого многообразия - творчество
представительницы более молодого

поколения Уршули Кожёл (р.1931). В автocomментарии-послесловии к своей последней книге стихов “Состояния неочевидности” (1999) поэтесса пишет: “Невозможно исчерпывающе ответить, чем бывает стихотворение. Предельно кратко можно сказать: это постоянно, бесконечно удивляющая форма трансформации некой минуты и некой реальности, столкнувшейся с этой минутой”. Это краткое определение поэтического произведения, хотя и весьма неполное, представляется существенным и особо подчеркивает те качества литературы, что сформировали воображение данного поколения - скорее далекого от социальных и исторических проблем, сосредоточенного на материи жизни

Фото PAP-CAF, Andrzej Rybczynski

Юлия Хартвиг

Юлия Хартвиг

ВЛАСТЬ ИСКУССТВА

Это край деревьев Сислея тополей - погашенных свеч
- вдоль шоссе
Коренастых яблонь и груш Писарро
в крестьянских садах среди едкой зелени трав
И деревьев Коро лещин и осин бледных от росы
и таинственного замысла света
Это также край Теодора Руссо вязов и грабов
не говорящих ни на каком языке
и старающихся быть собой и больше ничем
Не символизируя ничего
и не выражая ничьего духа Просто быть пребывать
И еще конвульсивных деревьев Ван Гога
Солнечных сосен Сезанна
мускулистых стволов Курбе
Рош Ватто освещенных ощущением счастья
Это сладкая Франция в любовном плену искусства

Европа для тебя мы заповедник истории
наших старомодных идеалов
древностей с которых отерли пыль
песен которые поем
Лучшее что мы имеем мы отдаем на съеденье
дракону деспотизма и насилия
Юношей и девушек прекрасных
умы и многообещающие таланты
дань венков крестов слов
Мы легкомысленные потомки величья
не рукоположенные проповедники надежды
наследники родной риторики
которая нам в самый раз
хотя еще вчера
казалась тесновата

Уршуля Кожёл

РЕЦЕПТ МЯСНОГО БЛЮДА

Нужен лишь острый нож
нужен лишь гладкий камень
лезвием гладить камень чтоб чувственно ответил
нож должен быть беззвучный а блеск его упругий
чтоб взял всю злую нежность и нервный ток руки
Все что потом - несложно
Доска. Щепотка соли
Зелень услада глаз
Еще листок лавровый
Все что потом - обычно
Ведь главное приправы.
(С каким подать гарниром как сочетать цвета)
С огнем теперь легко спасибо Прометею.
Были бы нож да камень.
И покорная шея.

ПРОЛЕТ ГУСЕЙ

Что кричат эти гуси над кем они плачут
Капитолий разрушен спасать его поздно
У дубов короедом внутри пораженных
прахом ствол остается Прахом листвьев пламя

Что кружат они с криком где же был их гогот
в дни как ствол покоряли и кору и ветви
Падая - повторяют листву свое древо
Падая - повторяют свой и ничей облик

Вот уж глаза вглядевшись и вживившись в деревья
в дерево обратились и с ним стали прахом
увиденные листва названные взглядом
со взглядом пережитым канули в забвенье

Покидают нас листва названные нами
внутреннее не может уцелеть во внешнем
Зачем же меня к небу возносит молчанье
не крик а самых скорбных плакальщиц онемелость

Фото PAP-CAF, Adam Hawalej

и переживания ее обыденности.

Критика точно определяет
творчество Кожёл как поэзию
природы, поэзию стихий: полное
выражение этого находим в
“Проклятии знаков”:
*Да святится земля огонь вода и
воздух*
*да святится дело и всякое начало
из всех святых всего святыи времена
а святыи самого времени - Земля*

Это “планетарное”,
космическое измерение
человеческого бытия соединено с
его “провинциальным” измерением,
которое определено реальным,
конкретным местом на земле,
составляющим центр поэтической
вселенной, пространство
укорененности, обуславливающее
личность героя этой лирики.

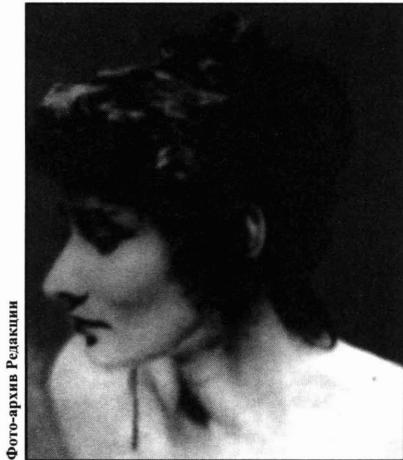
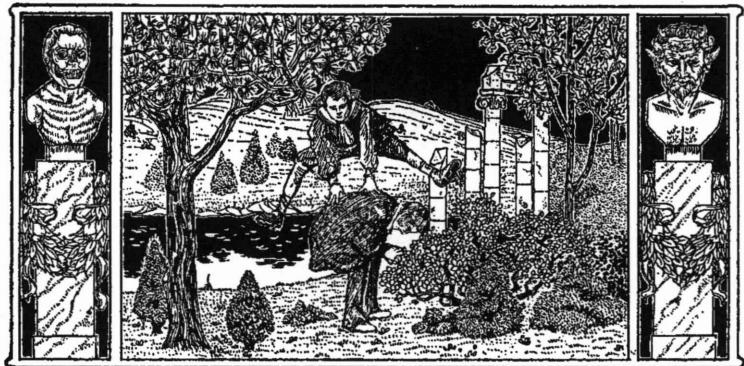

Фото-архив Редакции

Халина Посвятовская

Сознание бренности,
явственное в поэзии Кожёл,
особенно в тех стихах, где речь идет
о мимолетности мгновенья, находит
существенное дополнение в
ознаменованной смертью поэзии
Халины Посвятовской (1935-
1967):

*Халина Посвятовская вроде бы
человек
и вроде бы ей суждено умереть как
многим до нее*

*Халина Посвятовская именно
теперь трудится
над собственным умиранием.*
Труд умирания характеризует
человеческую жизнь и через это
определяет ее смысл. В этой поэзии
всякий миг бытия исполнен любви,
отменяющей ощущение бренности.

Обе стихии бытия - смерть и любовь
- без остатка заполняют судьбу
человека. Сосредоточенность на
себе усиливает интенсивность
переживания, и права Анна

зазеленел половик расшитый цветами
и Кант как редиска свеж и пахуч
разгрызаю мякоть и чувствуя на языке
острый вкус аргумента

глотаю философию
кто-то предостерегал
мудрость надо разжевывать на отдельные волокна
пью любовь большими глотками
а если нужно
слез у меня больше чем океан

белое - алхимия воды и мыла
зеленое - растений тонкие жилы
непостижимый мир сжимаю в обеих руках
между тем за окном рассвет разлился как река
и на рынке прилавки рядами возносятся в небо

Иоанна Поллякувна

*Иисус прослезился
Евангелие от Иоанна, 11, 35*

Великая есть в смерти грусть,
если Иисус заплакал,
узнав, что умер Лазарь.
Ни с чем не сравнима
боль в человеке,
в мире,
если вырвана жизнь из тела
одним рывком - как дуб.

Плакал Иисус,
хоть знал, что Лазаря он воскресит.
Что вложит в тело жизнь
еще на миг,
на месяц, на год —
чтобы дышало,
светом наполняло очи,
пожимало руки близких.

Но что с этой болью,
разорвавшей воздух, разорвавшей сердце,
размозжившей человека?
Боль возникла - стало быть, есть.
Боли нет утоленья,
боль дольше, чем жизнь,
дольше, чем смерть,
и дольше, чем воскрешенье.

Иисус заплакал.

ВГЛЯДЕТЬСЯ

Твой мир не охватить мне мыслью моей тесной,
сыпь мне его по крохам - будто кормишь птицу:
в кроху мира вглядусь я с упорством усердным,
как во фрагмент прекрасной обветшалой фрески,
пока вдруг не увижу тень Твоей лестницы.

Насиловская, когда, пытаясь
уловить своеобразие этой поэзии,
замечает: "Приятие себя во плоти,
некоторый оттенок автоэротизма -
это, несомненно, важный элемент
психики зрелой женщины, он
определяет ее равенство самой себе,
способность переживать любовь и
находить в ней удовлетворение.
Именно этот аспект не часто бывал
выражен словом, был окружен
различными религиозными и
нравственными табу". Тема лирики
Посвятовской - экстремальный
опыт, выраженный в сильнейшем

Фото Andrzej Bernat

осознании смерти, и здесь табу
эффективно нарушаются.

Сходные мотивы находим в
поэзии Иоанны Поллякувны
(р.1939), но в ее творчестве они
дополнены религиозным аспектом,
который уравновешивает чувство
отчаяния. Эта сдержанно-

немногословная, даже скучая
лирика, крайне сосредоточенная, на
границе молчания, - попытка
запечатлеть мгновенье в его
космической неповторимости.
Всякое существование просвечноено
здесь близкой небытия.
Медитативный характер стиха
противостоит нервному
переживанию экзистенциальной
тревоги, предчувствию гибели.
Конденсация переживания
выражена в молитвенной
напряженности высказывания, в
котором, как и у Посвятовской,
неистребимой ценностью является
любовь, означающая согласие на
собственную судьбу. Тело
становится "теплым гнездом боли" -
боли, которая подтверждает

Эва Липская

О ЧЕМ ДУМАЕТ ДЕВЧОНКА НА УРОКЕ ГРАММАТИКИ

Он явится тринадцатого ноября. Или потом
однажды.
Он сойдет со страниц иллюстрированного журнала
в шортах в обтяжку
которые он рекламирует на летний сезон.
Или с экрана. С парижскими сумерками Годара
и с дикой розой понятной на любом языке.

Мы с ним поедем на остров
который дорисуем на карте.
Будет качаться наш гостиничный номер
как корабль в облаках.
Кому из нас
удастся спастись?
(Девчонка приступает к этой мысли
со спасательным кругом
на сердце)

Учительница носит носки красного цвета
а ноги демонстративно выставляет вперед.
Как будто она понимает сущность времени
и существенность мысли.
Переполох воображенья. Биг-бит сердца.
Лихорадочное состояние ночи. Ночь - это форма
времени.
Это форма будущего времени
Составленная из личной формы вспомогательного
глагола: буду
будешь будем будете будут
и неопределенной формы основного глагола:
любить.
Я буду любить.

Фото PAP-CAF, Andrzej Rybczyński

реальность переживания,
отмеченного тонкой самоиронией.
Самоирония - несомненно
воспринятая вместе с опытом
поэзии Шимборской - существенная

ПРИЗНАНИЕ МУЖЧИНЫ, ОТ КОТОРОГО ЖЕНЩИНА УХОДИТ КАК ЛЕТО И ВОЗВРАЩАЕТСЯ КАК ЛЕТО

Ты уходишь от меня
как лето.
И возвращаешься ко мне
как лето.
Въезжаешь внезапно на площадь (Опель Ралли 1900
мощностью 102 л.с.)
Последний раз ты. Последний раз я.
Последнее мое терпение
но
не последнее.
Столько его наросло что хватит,
на всю нашу любовь.

Только бы оно не кончилось. Только бы не.

А ты даже не выключаешь огней.
Являешься легкая как гоночная машина.
Все больше меньше тебя.
Более или менее ты.
Являешься внезапно как катастрофа
И когда мы погибаем оба в этом дорожном
происшествии
то даже нет никого кто бы нас
хотел переехать
/нашу любовь/
чтобы она уже больше никогда не могла

уходить от меня
Как лето
и возвращаться ко мне
как лето.

черта творчества Эвы Липской
(р.1945), поэтессы, причастной к
движению “новой волны”,
связанному с именами Станислава
Бараньчака и Адама Загаевского.

Мир, созданный в этой поэзии -
особенно в новой книге,
получившей название “1999”, -
жесток, бессмыслен, пронизан
хищным абсурдом, противовесом
которому служит дисциплина
поэтического слова. Жизнь в этом
мире - парадокс, она напоминает
“циркуль чертящий квадрат”.

“Радость творчества” из
знаменитого стихотворения
Шимборской принимает у Липской
новый вид. Она уже не только
“месть смертной руки”, но и по
видимости наивная детская игра со
словом, в которой непрекаемые
иерархии рушатся, а вымысел в
стихийной языковой экспрессии
отбрасывает реальность, ставит под
сомнение серьезность поэтического
высказывания. Однако это лишь
видимость. Ибо поэзия Липской -
безжалостное осуждение мира. Ее
произведения, все более
герметичные оттого, так как они все
более концентрированы, эти акты
интенсивной, на грани озарения,
медитации, высвобождающей
усыпленную экспрессию языка,
свидетельствуют о тщете и
бессилии красоты человеческого
бытия.

Лешек Шаруга

Польки Астафьевой

Переводы и вступление
Наталии Астафьевой

ЖЕНСКОЕ ЛИЦО ПОЛЬСКОЙ ПОЭЗИИ

О „матриархате” в польской поэзии шутил Ружевич. „Явление это - может быть, единственное во всей современной европейской поэзии: польские поэтессы”, - так начинал свою статью о Марианне Боцян Витольд Вирпша. Масштаб явления увиделся ему в эмиграции, в Западном Берлине. Мне он увиделся тоже со стороны, но с востока, из Москвы. Вот уже полжизни, возвращаясь в Москву из моих редких поездок в Варшаву, где я когда-то родилась и где в 1953 году вышел томик моих русских стихов в переводах польских поэтов, я погружаюсь в польскую поэзию, я переводила сонеты Страффа и верлибры Ивашкевича, стихи Лехоня и Лесьмяна. Но кому же, как не мне, было открывать русскому читателю польских поэтесс. Лавина восторженных писем была ответом на мою публикацию Свищиньской в „Иностранный литературе” в 1973 году, о Посвятовской годом раньше романтический юноша писал в редакцию, что на его небе загорелась новая звезда рядом с Цветаевой и Пикассо. А в 1974-м было письмо от Иллакович: она, переводчица „Анны Карениной” и Эмилии Дикinson, писала мне: „Совершенство Ваших переводов произвело на меня потрясающее впечатление”. Позже я представляла в разные годы Павликовскую, Юлию Хартвиг и Анну Каменьскую, Уршулю Кожёл, Марианну Боцян, Еву Липскую, в 1994-м - стихи из последних книг Виславы Шимборской, Нобелевская премия которой стала мировым признанием и ее творчества и места женщин-поэтов в XX веке.

Рукопись моей авторской антологии „Польские поэтессы XX века”, восемь тысяч строк стихов, лежит у меня на столе.

H.A.

Заинтересованного читателя адресуем также к большим подборкам стихотворений польских поэтесс в русском переводе, опубликованным в книгах:
Из современной польской поэзии. М., 1975 (Х.Посвятовская),
Поэты Польши. М., 1977 (К.Иллакович),
Из польской поэзии. М., 1979, Польская поэзия: XX век. М., 1993 (В.Шимборская),
Польские поэты. М., 1990 (А.Свищинская),
Польская поэзия: XX век. М., 1995 (Э.Липская).

Редакция

Лешек Шаруга

ПОЛЬКИ АСТАФЬЕВОЙ

Наталья Астафьева готовит к печати в своем переводе обширный том стихотворений польских поэтесс; в этом номере нашего журнала мы представляем голоса десяти из них.

Разумеется, можно задаться вопросом о специфике „женской литературы” - и это происходит все чаще, особенно в связи с нарастающей в Польше волной феминистской критики (в работах таких исследовательниц, как Мария Янион, Гражина Борковская или Эва Красковская). Однако прежде чем ставить подобный вопрос, просто стоит отметить, что поэзия женщин в Польше - действительно явление своеобразное, хотя бы в том смысле, что - особенно в послевоенный

период - мы имеем тут дело с творчеством высшей пробы.

Можно размышлять о том, благодаря какому стечению обстоятельств в польской поэзии возникла столь великолепная плеяда женщин-поэтов - ведь наряду с этими десятью, безусловно, можно назвать еще два десятка замечательных поэтесс. Но сосредотачиваться на графе "пол" в данном случае, пожалуй, так же бессмысленно, как апеллировать к рубрикам "социальное происхождение" или "национальность". Тем не менее женственность имеет свою неизбежную специфику, о которой, сопоставляя стихи мужчин и женщин, критик Ивона Смолька пишет так: "Все же в лирике, вышедшей из-под пера мужчины, нет такого отношения к телу: гнезду, биологическому дому, крайней опасности, "колыбели смерти", звуку, связующему с миром". Ведь окружающий мир - это продолжение нашего тела...

Казимира Иллакович

ПРИГОВОР

Приговор ему был напророчен прежде чем родился он той ночью;

и, нося под сердцем, матерь божья приговор носила в сердце тоже;

и волхвы, даряя мирру-ладан, приговор лишь подтвердили давний;

подтверждали, сердца не имея, вновь и вновь приговор фарисеи;

подтвердил, поцеловав при этом, тот апостол, который его предал;

подтвердил и Петр верный, он же Симон, вслух назвав его божьим сыном;

и вся божья Троица также, от рожденья до моленья о чаше;

и тиары, и митры, и троны, ибо мир иначе не был бы спасенным...

Только я в сердце горьком, полном скорби ежедневно приговор тот позорный отвергаю, отвергаю упорно!.

Антони Кучинский

Бенедикт Дыбовский – исследователь Байкала и Камчатки

Антони Кучинский

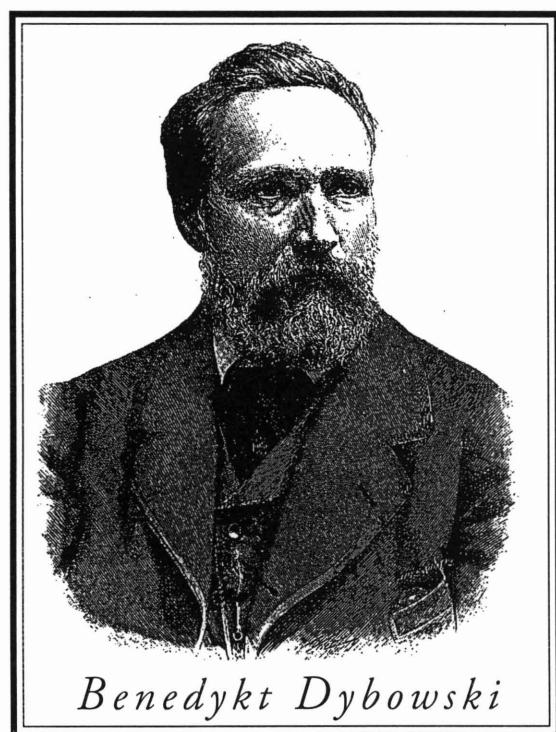
БЕНЕДИКТ ДЫБОВСКИЙ -ИССЛЕДОВАТЕЛЬ БАЙКАЛА И КАМЧАТКИ

В те времена, когда Советский Союз еще держался крепко, а понятие «перестройка» представлялось сомнительным и почти мифическим, я оказался в Иркутске. Доступ к местным архивам был ограничен, поэтому я отправился в расположенную недалеко от Иркутска Листвянку, небольшой поселок на берегу Байкала. Поселок жил, можно сказать, за счет Байкала, а небольшой порт, маленькая судоверфь и санатории обеспечивали работой местных жителей.

Во времена, когда Сибирь еще только пробуждалась к жизни, а первые колонисты и ссыльные начали заселять так называемом Забайкалье, именно в Листвянке были так называемое зимовье и почта, где останавливались перед тем, как отправиться в Кяхту или Верхнеудинск. Через Листвянку шел главный торговый путь на Кяхту, а восточное побережье Байкала позволяло наилучшим образом преодолевать этот путь. Сегодняшняя Кяхта, еще совсем недавно бывшая «закрытым» городом, производит грустное впечатление, а ведь некогда она представляла собой большую факторию. Здесь сходились торговые пути, соединявшие Россию и Китай. Здесь заканчивался путь верблюжьих караванов из Китая и Монголии. Из России туда же добирались конные упряжки. Много лет дела шли прекрасно.

Российский мех, сукно, кожи, изделия из металла, а также оружие обменивались на китайские шелка, хлопок, но прежде всего на тонны чая. Именно тогда в Кяхте начали оседать российские купцы и ремесленники, а пограничный гарнизон принимал и неблагонадежных поляков, которых ссылали на службу в сибирских батальонах.

Еще в конце XVIII века ксендз Фаустин Тетерский, сосланный в Забайкалье настоятель виленского мужского монастыря доминиканцев, упоминал Кяхту, «где была российская таможня». У Кяхты есть и своя польская история. В середине XIX века градоначальником здесь был Александр Деспот-Зенович, немало способствовавший успешному развитию города. А.Деспот-Зенович открыл типографию, был инициатором издания газеты «Кяхтинский листок», при нем вырос этот пограничный город, и именно он разработал новые

принципы таможенной политики. В то время в государственную казну поступали тысячи рублей от совершившихся здесь торговых сделок с Монголией и Китаем. Поэтому не удивительно, что А.Деспот-Зенович был назначен губернатором Тобольска. Там он пользовался всеобщим уважением и во многом способствовал повышению ранга этого сибирского города.

С Кяхтой в конце XIX века связано также имя Юлиана Талько-Гринцевича — антрополога и этнографа, который несколько лет по контракту от правительства служил там врачом. Велики его заслуги в развитии этого города и организации в нем научной жизни. По его инициативе были созданы музей и библиотека, стали выходить научные ежегодники под эгидой Российского географического общества. Об этом в Кяхте помнят до сих пор.

Но вернемся к упомянутой Листвянке. Здесь располагается Лимнологический институт Сибирского отделения Российской Академии наук, имеющий музейную экспозицию. Именно там много лет назад я услышал замечательный рассказ сотрудницы музея, проводившей экскурсию для немецких туристов. В холле музея выставлены бюсты исследователей Байкала, в том числе Бенедикта Дыбовского и Яна Черского. Именно об их заслугах в изучении природных особенностей Байкала и рассказывала с таким воодушевлением экскурсовод, особенно подчеркивая тот факт, что оба они были поляками, сосланными в Сибирь за свою патриотическую деятельность. Дальнейший разговор с ней — когда она узнала, что я тоже поляк, — значительно расширил мои знания о судьбах людей, которые так много сделали для исследования Байкала. Она говорила о том, что Байкалу угрожает экологическая катастрофа. Подчеркивала, что до сих пор весьма актуальны научные исследования Б.Дыбовского, касающиеся флоры и фауны Байкала. В 1928 г. Б.Дыбовский получил звание члена-корреспондента Академии наук СССР. Мы вместе размышляли над тем, в каких трудных условиях приходилось работать польским исследователям-первоходцам. В этой связи мы вспоминали имена и других поляков, которые, как бы наперекор злой судьбе, отдали Байкалу свой труд и знания. По сей день я помню этот разговор, мы говорили о достойных подражания достижениях ссыльных поляков в деле изучения особенностей этого «Священного моря», как называют Байкал буряты. Именно тогда из уст моей собеседницы я услышал о девизе П.П.Семенова-Тян-Шанского, много лет возглавлявшего Российское географическое общество. Он считал, что «наука — это столь общечеловеческая цель, что перед нею должны померкнуть не только личные, но национальные амбиции». Я думаю, что этот девиз можно полностью отнести к работам Б.Дыбовского, А.Чекановского, Б.Пилсудского и других поляков — исследователей Сибири. Благодаря сотрудничеству с российскими научными центрами, зачастую именно благодаря их финансовой помощи эти ученыe смогли в своих исследованиях достичь таких результатов, которые заняли достойное место в истории российской науки.

Но продолжим речь о Б.Дыбовском! О его вкладе в исследования Байкала, Дальнего Востока и Камчатки. Его сибирские приключения, как писал он в своих воспоминаниях, начались с приговора суда, отправившего его на каторгу в Сибирь за участие в восстании 1863 года. В то время, после окончания Берлинского университета, где он получил звание доктора медицины, Б.Дыбовский был профессором Варшавского высшего училища.

Дорога в ссылку началась для Б.Дыбовского 10 августа 1864 года. Сначала он ехал под конвоем по железной дороге, потом конной упряжкой, а затем частенько приходилось преодолевать значительные расстояния и пешком. В начале декабря 1864 г. он прибыл в

Иркутск и там, после непродолжительного пребывания в местной тюрьме, узнал, что местом ссылки ему назначено село Сиваково, стоящее на берегу реки Ингоды недалеко от столицы Забайкальского края Читы. Весной 1865 г. он прибыл в это село вместе с тремя товарищами по ссылке — Марианом Дубецким, Станиславом Кетлинским и Владиславом Рыбицким. Там они купили маленькую избенку с одной комнатой и начали работать в хозяйстве при тюрьме. Б.Дыбовский поработал и лесорубом, и водовозом, и лесосплавщиком. Труд этот не был для него непосильным. Не было это похоже и на каторгу, с которой часто путали ссылку, изображая ссыльных закованными в кандалы. Никоим образом неискажая представления о пребывании Б.Дыбовского в Сивакове, можно сказать, что там он пользовался относительно большой свободой передвижения по окрестностям, а сама работа, которой ему приходилось заниматься, была такой, какую выполняет обычно человек, занятый физическим трудом. Труд этот не был рассчитан на физическое истощение и медленное умирание от принудительной непосильной работы узника — недоедающего, затравленного охраной, планомерно уничтожаемого, — как это имело место в лагерях советских времен. Неудивительно поэтому, что поляки, отправленные в Сибирь во время II Мировой войны, не смогли продолжить научные изыскания своих предшественников, оказавшихся в Сибири в XIX веке.

В первые же годы ссылки, находясь в Сивакове, Б.Дыбовский провел интересные исследования в области естествознания и этнографии. Это привлекло внимание читинского генерал-губернатора Михаила Семеновича Корсакова, и он согласился перевести Б.Дыбовского в Дарасун, небольшое село в котловине, называемой Айгуньской степью, вокруг которой расположились бурятские селения. В Дарасуне наш соотечественник заведовал курортными купальнями и способствовал их развитию. Местные чиновники оказывали ему большое доверие, причем росту его авторитета немало способствовали богатые и влиятельные курортники, которые под надзором Б.Дыбовского поправляли свое здоровье. В то время он много путешествовал по окрестным степям, оказывая медицинскую помощь бурятскому населению. В своих воспоминаниях он писал, что среди бурят еще весьма распространено шаманство, а врачевание находится «в руках бурятских священников. Чаще всего имело место заболевание глаз, я помогал чем мог — медикаменты, которыми я располагал и которые рекомендовал, давали нужный результат, я завоевал доверие бурят, одновременно налаживая дружеские отношения, что оказалось весьма полезным для всех нас, живших в Дарасуне». Таким образом, у него была возможность близко познакомиться с бурятскими обычаями и привычками. Сегодня, когда в Бурятии оживают тенденции к возрождению культурных традиций этого народа, записи Б.Дыбовского, сделанные в середине XIX века, становятся важным научным документом.

Однако больше всего он был поглощен исследованиями в области естествознания. В этом ему помогали другие ссыльные поляки, особенно Виктор Годлевский. Все они имели возможность свободного перемещения по окрестностям, за ними не было слежки — более того, государство зачастую выделяло им помочь из казны для более эффективного изучения местности. Спустя некоторое время Б.Дыбовского перевели в Иркутск, а оттуда он вскоре отправился на Байкал, чтобы заняться изучением флоры и фауны этого озера. Много лет он посвятил этой работе, результаты которой оказались наиболее эффективными. На берегу Байкала в Култуке он прожил 1869-1877 годы. Этот период его жизни был заполнен самыми

различными исследованиями: он занимался вопросами возникновения озера и формирования его ложа, изучал физико-химические свойства воды, флору и фауну. По каждому из этих направлений нашим соотечественником сделаны сенсационные открытия, для которых он использовал сложные приборы, созданные им совместно с помогавшими ему в этих исследованиях другими ссылочными поляками. Прежде, до исследований, проведенных Б.Дыбовским, считалось, что животный мир Байкала весьма небогат. Б.Дыбовский же доказал, что озеро отличается просто невероятным богатством фауны. Изучение Байкала неоднократно прерывалось из-за того, что Б.Дыбовского по заданию правительства направляли с экспедициями на Дальний Восток по рекам Амур и Уссури. Во время этих экспедиций он старался расположить к себе влиятельных людей, чтобы иметь возможность продолжать изучение Байкала. Одновременно с работами на местности Б.Дыбовский обрабатывал собранный материал, который со временем был издан и произвел буквально революцию в области изучения системы байкальских вод, его рыбных запасов, а также в других вопросах биологии. За результаты в этой работе Б.Дыбовский удостоился в 1876 г. медали и стал членом Иркутского отделения Российского географического общества, а спустя год был принят в Российское географическое общество в Санкт-Петербурге.

Вместе с этими различиями пришло и освобождение. Б.Дыбовский вернулся на родину. Его надежды заняться научной работой в Варшаве и Кракове не сбылись. Полный разочарования, он пытался найти возможность послужить науке своей страны. Но и тут его постигла неудача. В это время он узнал, что есть вакантное место врача по контракту от правительства на Камчатке. Он предпринял необходимые шаги в Санкт-Петербурге, чтобы получить эту должность, и это ему удалось. А когда друзья уговаривали его не уезжать на северо-восточную окраину Азии, то Б.Дыбовский, закаленный трудными условиями исследовательской работы среди ветров и снегов Сибири, заявил: «Тот, кто искренне любит свою страну, сумеет душой оставаться всегда вместе с ней, даже если от нее отделяют тысячи километров; а не имеющему такой любви и собственная страна останется чужой, даже если он постоянно будет находиться на ее земле».

На Камчатку он приехал в июле 1879 г. и оставался там до 1883 года. В его обязанности входило прежде всего медицинское обслуживание. Надо признать, что эти обязанности он выполнял жертвенно, не забывая ни об одном из порученных ему заданий, записанных в контракте от правительства. Можно также смело сказать, что он делал гораздо больше, чем от него требовалось. Прежде всего он активно внедрял принципы гигиены. Боролся с пьянством, противодействовал спаиванию коренного населения, так как зачастую купцы расплачивались алкоголем с коряками и ительменами за меховые шкурки, которые у них приобретали. Благодаря его стараниям на Камчатке был построен лепрозорий. Он ввел обязательную изоляцию больных заразными болезнями. Занимался определением зон наибольшего распространения болезней, давал медицинские советы, лечил всех больных подряд, облегчая их страдания. Он был врачом, лечившим все болезни: занимался акушерством, хирургией, терапией, лечил туберкулез. Безграничная преданность пациентам снискала ему уважение местного населения. Он постоянно был в разъездах, помогая страждущим, и того же требовал от подчиненных ему фельдшеров. Хорошо изучив Камчатку и ее жителей, он много позже писал, что «на Камчатке чувствовал себя в большей безопасности, чем на улицах многолюдных европейских городов».

Еще одним направлением его деятельности на этом полуострове стали исследования в области естествознания и этнографии. Он предпринял смелую акцию по переселению северных оленей на Командорские острова. Для небольшого стада этих животных там оказались весьма благоприятные условия размножения. Таким образом улучшились условия существования тамошних жителей. Б.Дыбовский накапливал также словарный материал языков ительменов, алеутов, айнов и коряков. Он собрал богатейшую этнографическую коллекцию, которая до сих пор хранится в Этнографическом музее в Кракове и представляет собой обширное собрание материалов, касающихся народов Северо-Восточной Азии. Во время пребывания на Камчатке в 1991 г. я имел возможность заметить, с каким величайшим пietetом относятся к Б.Дыбовскому местные историки, этнологи и естествоиспытатели. С удивлением я обнаружил, что его заслуги как ученого на этом полуострове известны очень широко. В специальных российских изданиях также неоднократно отмечались его достижения в области естествознания, как, впрочем, и в области гуманитарных наук, в частности этнографии и языкоznания. Пользуясь случаем, напомню, что в Японии в 1971 г. вышел перевод словаря айнов, подготовленного Б.Дыбовским. В Польше же в 1998 г. был издан «Словарь ительменского языка», составленный на основе материалов, собранных Бенедиктом Дыбовским. Этот словарь, по мнению издателей — ительменки Тьян Заочной и поляка Казимежа Фелешко, — поможет возродить умирающие языки Сибири, к которым относится и язык ительменов с Камчатки.

Разносторонняя врачебная деятельность Б.Дыбовского на Камчатке и Командорских островах способствовала тому, что процесс превышения смертности над рождаемостью среди ительменов и алеутов прекратился. Это снискало ученому признание местного населения, а также российского правительства, которое в 1881 г. наградило его орденом св. Станислава и предложило кафедру зоологии в Петербургском университете. Но Б.Дыбовский вернулся на родину и в 1882 г. возглавил кафедру зоологии в Львовском университете. Во Львове он жил и работал до самой смерти (1930). Б.Дыбовский подготовил большую группу польских ученых-естественников. У него всегда сохранялись тесные связи с русской наукой. Он много печатался как в Польше, так и в России. Б.Дыбовский — это одна из наиболее интересных фигур ученого-ссыльного, который как бы наперекор злой судьбе, отправившей его в Сибирь, отдал этой земле свой труд и знания. Еще и сегодня российские ученые высоко оценивают многое, что он сделал в этой области.

Антони Кучинский - (1938) доктор исторических наук, этнолог. Автор книг о польских исследователях истории и этнографии африканских и сибирских народов. Директор Центра исследования Востока Вроцлавского университета.

Манук Жажоян

Поэма Кароля Войтылы

Манук Жажоян

ПОЭМА КАРОЛЯ ВОЙТЫЛЫ

КАРОЛЬ ВОЙТЫЛА. Крипта. Избранная поэзия, 1939—1978. Сост. и пер. с польского А.Базилевского. М., «Вахаэр», 1994 (Коллекция польской литературы).

«И заставили проходящего некоего Киринейнина Симона, отца Александрова и Руфова, идущего с поля, нести крест Его». Эти слова из Евангелия от Марка взял Кароль Войтыла эпиграфом к своему большому циклу стихов «Профили Киринейнина» (1957 год). Эпизод с Киринейнином повторяется и в остальных синоптических Евангелиях, его нет лишь у Иоанна — там Спаситель Сам несет крест Свой. Однако еще Руссо говорил, что Евангелия написаны так, что их нельзя было выдумать. Киринейнина в Новом Завете не могло не быть. Этому эпизоду толкователи уделяли не самое пристальное внимание, хотя в нем, в его синтаксической сдержанности, быть может, и сосредоточена тайна связи человека и Бога, из единства на ула съЮгоза, их на миг обретенного, но навеки утешительного единства на скорбном пути:

Почему всё не так? Магдалина, Симон из Кириней? Помнишь ли первый шаг на бесконечном пути?

Вот представить только: шел себе с поля усталый работник, отец Александров и Руфов, — и вдруг, в одно мгновение оказался в центре мировой истории!

*Профиль Киринейнина я знаю лучшие всего,
всесторонней всего.*

*Он всегда возникает рядом с другим Человеком,
за плечами его,
чтоб именно там исчезнуть,
где Человек тот поистине равен себе
и наименее беззащитен...*

Крест Господа есть крест человека. Господь принял на Себя крест человека. В буквальном смысле. И человек принял на себя Крест Господа, тоже в буквальном смысле. Симметрия? Горчайшая, но навеки утешительная симметрия. Имеет ли значение то, что Христос принял Крест добровольно, а человек (Симон Киринейний) — по принуждению, да и то — римской стражи («И заставили... нести крест Его»)? Конечно же, имеет.

*Глаза в глаза с Человеком. Улица, множество лиц — и словно кузницы стук, в висках за толчком толчок.
Я не ищу приключений. Никого не хочу оскорбить. Хочу быть сам по себе. Никто в меня да не вторгнется —
будь он нищий, смертник иль Бог.*

*Но, желая быть праведным, я торгуясь с вами, убийцы, за того — другого — Человека —
(а ведь я хочу вернуться в город)...*

(«Симон из Кириней»)

Не удержусь от предположения, что и поэт Кароль Войтыла, и верховный понтифик Иоанн Павел II считают цикл «Профили Киринейнина», состоящий из 3-х частей, своим главным поэтическим созданием. Удел Симона из Кириней — удел человеческий. Человека вообще, как такового, человека — со' временника и спутника Христа. Это — основная мысль Кароля Войтылы.

Профили Киринейнина — это профили (ипостаси) человека. Войтыла обращается в своем цикле к человеку социальному («Актер», «Рабочий с автозавода», «Рабочий с оружейного завода»), к человеку «психофизическому» («Меланхолик», «Шизотимик», «Незрячие», «Человеческий облик», «Человек эмоций», «Человек интеллекта», «Человек воли»); и наконец — к человеку-символу («Магдалина», «Симон из Кириней», «Дети»). Последнее стихотворение — поразительное по красоте:

Взявшись за руки, дети притихли на берегу. Тлеющий треугольник: деревья, земля в лунном свете. Туман еще не поднялся. Сердца над рекой растут. Будет ли так же, когда они отсюда уйдут?

«Ecce homo» — такими словами Кароль Войтыла мог бы увенчать «Профили Киринейнина». Се человек, вечный современник и спутник Иисуса, разделяющий тяжесть Его креста, даже если — помимо своей воли и неосознанно:

И тогда явится Он, и собственное ярмо возложит на плечи твои. И ты ощущишь его, очнешься и вострепещешь.

И когда Кароль Войтыла писал стихи, будучи девятнадцатилетним юношей, и когда писал их, будучи уже главой Католической Церкви, он всегда умел избегать в своей поэзии естественного соблазна религиозной риторики. Когда стихотворение оказывается лишь версификационной «иллюстрацией» того или иного догмата, евангельского эпизода и т.д. Последнее было присуще не только строгой и благородной средневековой духовной поэзии. Риторика пронизывает и современную популистско-поэтическую «христологию». Войтыла с юности и до старости пишет лишь о Нем. И в своих стихах — тоже. Но в стихах он прежде всего поэт. Вот, например, в стихотворении из цикла «Песнь о Боге сокрытом» (1944):

*Люблю тебя, дерево строгое, ибо в тебе нет тоски унылой по листьям опавшим.
Люблю тебя, дерево строгое, ведь Его ты укрыло кроной кровоточащей.*

Потрясающая метонимия: кровотечение Господнего чела в Гефсиманском саду переносится на крону дерева... Могла ли прийти такая метонимия в голову даже самому глубокому теологу?

В предисловии к антологии поэзии польских священников Войтыла писал: «Священство есть таинство и призвание. Поэтическое творчество — функция таланта; но и талант определяет призвание... Значит, можно задаться вопросом: как сосуществуют оба призвания — пастырское и поэтическое, как проникают они друг в друга в одном человеке?»

Вообще поляки — прирожденные поэты и прирожденные священники. Хотя бы потому, что польская поэзия по своей силе превосходит, пожалуй, все другие виды художественной деятельности этого народа. И хотя бы потому, что Польша — едва ли не самая религиозная страна в Европе.

И именно поэтому антология поэзии священников — явление хоть и оригинальное, но для Польши не удивительное. (Так, поэтическое творчество Кароля Войтылы очень сближается с творчеством другого польского поэта — ксендза Яна Твардовского, появившегося не так давно на русском языке в той же «Коллекции польской литературы»).

И затем, в истории культуры (и не только христианской) известны случаи предельно гармоничного, корневого соединения священства и поэзии в одном человеке. Один из самых ярких и высоких в мировой литературе примеров — «Книга скорбных песнопений» армянского поэта, монаха и богослова Григора Нарекаци.

И наконец, поэзия никогда не диссонировала со священством, совсем наоборот. Ведь и Библия написана стихами. А вслушаться в речь Христа: «Я есмь дверь: кто войдет Мною, тот спасется, и войдет, и выйдет, и пажить найдет». Что это, *проза*?

Поэтическая техника Кароля Войтылы очень современная, во многом модернистская. То или иное явление, понятие, символ, мифологема, святыня, имя (стоящие обычно в заглавии стихов) преподаны у Войтылы через оригинальнейшую, подчас сюрреалистическую детализацию. В непредсказуемых, неуловимых ассоциативных сцеплениях, в развернутой метафоризации, часто — «кинематографической».

В напряженной сосредоточенности воображения Кароль Войтыла словно для себя самого открывает свой же поэтический мир. И (как всякий поэт) не повествует о нем читателю, а пребывает в нем, в этом мире, в этой крипте.

*Итак, мы должны спуститься под каменные плиты, на которых следы
столпих ног. Нам сужено пройти через скалу, чтоб открыть человека,
затоптанного овечими копытцами: овцы не ведали, кого они топчут, —
человека ушедшего? или Человека, который вечен?
Крипта тебе расскажет: она связана с миром — мир ее окружил,
как войско усталых солдат, что не хотят отступать.*

(«Крипта»)

Почему составитель книги Андрей Базилевский (которому отдадим должное и как переводчику) решил назвать ее «Криптой»? Крипты, катакомбы, место тайных богослужений первых христиан во времена, когда христианство было смертельно опасным... Пещеры, катакомбы — на обложке избранных стихов человека, стоящего на самой вершине церковной власти?..

Впрочем, быть христианином было во все времена смертельно опасным. «Смертельно раненная Церковь» — эти слова незадолго до своей смерти произнес Пьер Паоло Пазолини. Об израненности Церкви говорил и Иоанн Павел II в последнем пасхальном послании.

Но «эта болезнь не к смерти» (апостол Павел). Ибо —
... твоё бытие всегда — бытие к смерти и бытие к будущему.

Лешек Шаруга

Обзор литературной периодики

Лешек Шаруга

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРНОЙ ПЕРИОДИКИ

Среди многочисленных попыток подвести итоги переменам в литературной жизни, сделанных в связи с десятилетием обретения Польшей суверенитета и освобождения литературы от цензурного гнета, обращает на себя внимание статья Кароля Малишевского «С перспективы 1999 года», помещенная на страницах люблинского ежеквартального журнала «Кресы» (1999, №2-3). Сопоставляя положение прозы и поэзии, автор подчеркивает: «Изменение общественной системы могло высвободить в новой прозе прорыночную установку, зато ничего подобного не удалось бы заметить в поэзии. (...) Проза воинственно добилась меркантильной независимости. Гетто литературы — это по сути дела гетто поэзии. (...) Ореол старосветской возносится над крохотным государством поэтов, ореол чего-то благородно немодного, беспомощного; старые клубы, кружки, объединения слегка обновили фасады, появились мероприятия нового типа и слеты молодых поэтов, одни премии частично утратили свою ценность в пользу других, обменялись названиями поэтические серии, сдвинулось кое-что в ранге поэтических конкурсов, но, по правде говоря, это все тот же комплекс поступков и ритуалов, ассоциирующихся в нашем обществе с поэтом, с фактом быть поэтом. Здесь большого перелома не было». Обращает внимание уменьшение интереса к поэзии: «Хуже всего отсутствие отклика, молчание незаинтересованной толпы. У меня создается впечатление, что до 1989 г. все это еще кого-то волновало, что литература в известном смысле обладала более широким значением, обрастая “далеким эхом” (...) Реальным становится образ нацеленности творчества на потребности горст-

ки друзей и знакомых, на редуцированное и маргинальное свидетельство, второразрядное в мире прежней иерархии. То, что когда-то было обочиной, анклавом аутсайдеров и отщепенцев, передвинулось ближе к центру, символизируя духовную сердцевину нашей современности: малые группы, малые цели, стилистика ксины и тайнописи, отрицание официальности, презрение к попыткам обобщать и абсолютизировать». В заключение статьи Малишевский, один из самых активных критиков среднего поколения, констатирует: «Я задумываюсь, не грозят ли осложнениями философский подход и поэтическая практика, нацеленные на герметически описываемую “приватность-будничность”, не станут ли они в долгосрочной перспективе пагубными или даже опасными для определенного типа читателей. Для тех, кто неспособен жить в антропологическом пространстве, лишенном резких чувств, сущности и отчетливых метафизических критериев. В таком контексте постмодернизм — это игра с огнем, опровержение важности определенных душевных потребностей. Я имею в виду потребность иметь духовный центр, утверждаемый надежностью и прямо органическим аспектом общепринятого, собственным выражением Красоты, Истины и т.п. Так что вскоре, может быть, появятся, если еще не появились (...) нисровергающие такую ситуацию новые участники литературно-экзистенциальной игры, от которых постмодернисты услышат вопрос о том, почему оказалась изувеченной, осмеянной и отброшенной (...) возможность цельности. И снова начнутся лихорадочные поиски абсолютного и трансцендентного. Те, кто алчет целостного представления и жаждет иллюзии теплого,

гармоничного обитания в сложной вселенной, начнут терпеливо высекать свои, написанные в согласии с творческим духом, стихотворные строки. Быть может, ближайшее будущее и есть такой ритм, который выйдет наружу в стихах, написанных именно так, и кто знает, не придется ли и нам искать укромного места для матраса и спиртовки где-нибудь в уголке собора».

Малишевский говорит от имени определенной общности, поверившей в некое «все позволено», вычитанное из писаний пророков постмодернизма, общности, которая спутала свободу с произволом и самоволием, отбросила целостные представления, предала себя на волю случайности и авантюренности. Кризис такого подхода создает среди молодежи нарастающие тенденции к принятию подходов фундаменталистского типа, заметных хотя бы на страницах ежеквартального журнала **«Фронда»**, в редакцию которого входят представляющие правый фланг польской литературной сцены писатели, в т.ч. поэты Роберт Терлецкий и Войцех Венцель, в последнее время довольно резко высказывающиеся на тему опасностей, которые несет с собой либеральный подход. И, что интересно, они ссылаются на взгляды скончавшегося год тому назад поэта и эссеиста Збигнева Херberта, превращая его в одного из своих союзников в споре — пока еще не войне — с «лево-либеральным уклоном». Пока что они еще не сумели полностью присвоить Херберта, о чем свидетельствует замечательный, почти целиком посвященный автору **«Господина Когито»** номер **«Зешитов литерацких»** (1999, №4), где наряду со многими неизданными его сочинениями и цитированным нами в предыдущем обзоре эссе Иосифа Бродского стоит обратить внимание на воспоминания о поэте Войцеха Карпинского, Петра Ключевского и Барбары Торунчик. И прав Адам Загаевский, говоря, что мы только «начинаем вспоминать» Херберта, поэта, не поддающегося замыканию в готовые

формулировки, ускользающего как от анархистов, так и от фундаменталистов, многозначного и тем самым независимого.

Независимость то плодоносит популярностью — как происходит с Хербертом, — то осуждает писателя на маргинализацию, утаенную жизнь и лишь в благоприятных обстоятельствах позволяет ему достичь более широкой публики. В первые годы после смены политической системы литературная периодика уделяла много внимания произведениям эмигрантов, нередко выдвигая глупый тезис, согласно которому только то, что написано в изгнании, имеет право называться истинной, свободной словесностью. При случае нередко популяризовали писателей второго или даже третьего сорта, противопоставляя их авторам первой величины, но творившим на родине. Однако иногда следует обратить внимание на «открытие» действительно малоизвестных, но важных для литературы фигур. Именно к таким принадлежит живший после войны в Лондоне Стефан Темерсон (1910-1988), автор замечательной **«Лекции профессора Ммаа»** (английское издание предварялось восторженным предисловием Бертрана Рассела), о творчестве которого, в т.ч. и о том, что он писал по-английски, на страницах издаваемого в Плоцке журнала **«Госцинец штуки»** (1999, №1-3) пишет один из самых интересных критиков молодого поколения Дариуш Новацкий, сборник эссе которого **«Профессия: читатель»** совсем недавно вышел в краковском издательстве **«Знак»**. В статье **«Быть Глаголом. О словесности Стефана Темерсона»** мы, в частности, читаем: «Темерсона, кажется, роль Сократа нашего времени вполне устраивала. (...) В **«Лекции профессора Ммаа»**, пожалуй, как ни в одном другом тексте Темерсона, разгулялась стихия пародии. Однако при этом роман отнюдь не обещает читателю «легкого» смеха. Чтобы идти в ногу с писателем в его издевательском подкалывании отдельных философских школ или наиболее

заметных методологических подходов, нужно быть хорошо подкованным в области истории философии или, скорее, истории идей. Тогда будет легче понять, почему Темерсон несколько шутовски заводит серьезный спор о фундаменте нашей культуры и науки. Они ведь (культура и наука) опираются на посылки, которым мы перестали удивляться, которым, что еще важнее, мы перестали задавать вопросы, признав их очевидными. Для Темерсона нет ничего очевидного».

И снова перед нами размышления, касающиеся гносеологической тревоги, неуверенности в правилах и принципах, обзывающих в культуре, наконец — поиски покровителей современного разлада, каких-то авторитетов, пусть и в эмигрантской литературе. Одного Витольда Гомбровича с его иронией недостаточно тем, кто вступил в сознательную общественную, а значит, и художественную жизнь на переломе эпох и систем, кто в принципе не склонен принимать на веру никакие истины. Они чуют за спиной дыхание тех — быть может, немногих, — кто эти готовые истины нашел. Может быть, таким образом они пытаются преодолеть «молчание незаинтересованной толпы», о котором пишет Малишевский; может быть, стремятся к восстановлению общественного авторитета писателя, голос которого в обществе когда-то был весомым, о чем говорит Тадеуш Ружевич в интервью редактору вроцлавского журнала «Одра» («О моде на Норвида и других модах» // 1999, №11): «Со времен знаменитого заявления Эмиля Золя “Я обвиняю” по основополагающему для Франции вопросу, когда голоса писателей были слышны во всей Европе, много воды утекло

в Сене. Были еще и потом голоса интеллигентов, с которыми считались все стороны: даже гитлеровцы, которые ни с чем не считались, охотно бы использовали или прикончили Томаса Манна и сотню других писателей, художников, ученых; впрочем, некоторых, как известно, им удалось купить. С другой стороны, коммунисты тоже пытались всеми способами перетянуть на свою сторону интеллигенцию, писателей: устраивали большие международные конгрессы, съезды и т.п. (...) Все это переменилось. Сейчас, может быть, пригодился бы такой, как Золя. Но Золя у нас нету. (...) Даже Солженицын, который, казалось, вернувшись из эмиграции, займет место, равное месту Золя, ничего сегодня в своей стране не значит, его голос осмеиваю, им пренебрегают...»

Быть может, это не слишком оптимистический вывод, но ответ Ружевича заведомо реалистичен. Однако это отнюдь не призыв опустить руки. Это один из многих голосов в идущей сейчас дискуссии о роли литературы и писателя в мире, который вырастает на руинах старой системы. Не следует, пожалуй, заранее полагать, что маргинализация писательских голосов будет прогрессировать, но трудно и допускать, что в ближайшее время эти голоса станут так слышны, как некогда. Мы по-прежнему находимся в переходном периоде — как на востоке, так и на западе Европы, — который еще не сформировал новых общественных отношений и структур. С тем большим вниманием стоит следить за спорами о роли культуры в жизни общества.

Янина Куманецкая

Летопись культурной жизни

Янина Куманецкая

ЛЕТОПИСЬ КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

♣ В 2000 году будет отмечать столетие своего существования варшавская "Захента" - первое в столице здание, построенное специально для художественных выставок. Инициатором его возведения было Товарищество поощрения изящных искусств, оно предоставило и средства, необходимые для строительства. В преддверии грядущих торжеств завершен продолжавшийся полгода ремонт здания. Первой экспозицией после ремонта стала открывшаяся в декабре выставка "Между экспрессией и метафорой".

♣ На рубеже столетий наконец должна приступить к работе в новом здании библиотека Варшавского университета. О необходимости нового помещения для библиотеки самого крупного высшего учебного заведения в Польше речь шла давно, а в восьмидесятые годы вопрос встал крайне остро, поскольку в старом здании на Krakowskim Предместье фонд начал подмокать, ценным книгам грозила гибель. Однако денег все не было, отчаянные призывы о помощи оставались без ответа. В 1989 году, после трансформации системы, обнаружился поистине необычный выход. Сначала говорили, что библиотека получит здание ЦК ПОРП. Когда это оказалось невозможным по техническим причинам, было решено передать здание в аренду, а на полученные средства построить новую библиотеку. Поэтому в бывшем партийном здании сегодня размещается большой банковский центр, а новая университетская библиотека построена заново. Когда-то здание ЦК было возведено на общественные взносы - на его строительство покупали так называемые "кирчики". Так вот, эти кирчики (свидетельства о покупке) владельцы - те, кто их еще сохранил (ведь дело-то было в самом начале пятидесятых годов), - стали массово присыпать в ректорат Университета. На часть доходов от банковского центра удалось построить по настоящему современную библиотеку,

расчетанную на пять миллионов томов. Здание стоит, книги перевезены. Скоро в библиотеку войдут студенты.

♣ Поздней осенью в Варшаве состоялся очередной, III Фестиваль науки. Молодежи был открыт доступ в лаборатории, организованы встречи с людьми науки, в центре города проведен большой праздник, посвященный пропаганде знаний. Мероприятие, проведенное уже в третий раз, имело большой успех. Многие когда-то сомневались, что нечто подобное может удастся в такой стране, как сегодняшняя Польша, ориентированной прежде всего на финансовое преуспечение, однако оказалось, что пессимисты не правы. Даже если учесть, что к науке относятся, в частности, как к ступеньке в финансовой карьере. Отвечая на вопрос журналиста о том, в чем смысл праздника, Магдалена Фикус, инициатор мероприятия, сказала: "Известно, что Польша не по карману, например, исследование человеческого генома. Однако мы можем объяснить, как это делается. Польская наука недостаточно финансируется, но это не значит, что она должна сидеть сложа руки".

♣ В восьмидесятые годы среди эмигрантов из Польши лица, имеющие высшее образование, составляли 14 %, а лица со средним образованием - 27 %. Сегодня среди тех, кто покидает страну, только 2 % лиц с высшим образованием (и 75 со средним). Среди тех, кто возвращается в Польшу на постоянное место жительства, преобладают люди с высшим образованием, которые ищут более благоприятных условий труда, чем в странах, где они проживали ранее.

♣ Три светоха польской культуры: Чеслав Белецкий (депутат Сейма и архитектор), Яцек Федорович (сатирик и художник) и режиссер Анджей Вайда выдвинули оригинальную идею. Они предложили построить Музей коммунизма, экспонаты для которого (например, талоны на

всё, имевшие хождение в восьмидесятые годы) начала собирать "Газета выборча". "В музее должно быть страшно, - говорит Яцек Федорович. - Это были не шутки. Людей убивали. Но должно быть и смешно, так как известно - действительность в ПНР была такова, что когда сегодня смотришь хронику и фильмы, животик можно надорвать от смеха". Есть опасение, что нелегко будет соединить эти два обличья коммунизма. Однако оригинальность проекта - в ином. Инициаторы предлагают почти приkleить здание музея к варшавскому Дворцу культуры и науки - высотному зданию в московском стиле, подаренному Польше советским народом. Некогда Дворец был символом зависимости, а сегодня, подобно бывшему зданию ЦК ПОРП, он зарабатывает репутацию оплота нового польского капитализма. Здание Музея коммунизма должно возвышаться над Дворцом культуры и науки - это будет самый высокий небоскреб в Европе. Проекты уже подготовлены. Дискуссия продолжается.

◆ На XXX этаже того самого Дворца культуры прошла выставка "Абсурдизм - картины, инсталляции, стихи", на которой представлено искусство уже в совершенно новом стиле. Абсурдисты устроили чрезвычайно изысканный светский спектакль, который слегка шокировал, но главным образом озадачивал и развлекал публику.

◆ По случаю столетия со дня рождения Тадеуша Кулисевича организованы две выставки. Одна, в галерее варшавской Академии изобразительных искусств, имела целью отдать дань памяти великому художнику, умершему десять лет назад. На ней показаны 60 произведений лучших польских художников, ответивших на именные приглашения устроителей выставки и приславших по одной работе, посвященной Кулисевичу. Вторая выставка состоялась в Галерее искусств Алиции и Божены Валь, на ней представлены все периоды творчества Кулисевича - начиная с гравюр на дереве из цикла "Шлембарк", до последних работ, в основном рисунков, отразивших его путевые впечатления.

◆ В галерее Европейской академии искусства выставлены этюды одного из самых известных современных польских художников, Франтишека Старовейского. Экспозиция называется "Что упадет со стола", а сам Старовейский сказал о ней так: "Эта выставка, кроме всего прочего, устроена и для того, чтобы студенты научились делать наброски. Всякий молодой художник сразу хочет писать картины, а на самом-то деле этому надо долго учиться... Я вытащил из комода кипу своих рисунков. В этой куче было несколько десятков голых женщин, кресты, всевозможные фантастические создания. Вот такая это выставка..."

◆ Галерея "Кордегарда" показала работы Магдалены Абаканович - странные, динамичные композиции из веревок и тканей, выражающие трагизм человеческой судьбы. Выставка называется "Шагающий".

◆ Трижды за последнее время обращался к классике Национальный музей в Варшаве. В первый раз - выставкой "Ars mitologica", когда из его бездонных запасников были извлечены произведения, имеющие отношение к восприятию античных мотивов искусством нового времени. Это картины, скульптуры, графика и произведения прикладного искусства, нередко принадлежащие знаменитым мастерам - таким, как Лукас Кранах, Рембрандт и многие другие. Вторично - выставкой "Serenissima - свет Венеции", на которой были показаны произведения венецианских художников, изображающие жемчужину Адриатики, причем акцент был сделан на методах возвращения работам старых мастеров их былого великолепия. Выставке сопутствовала демонстрация фильмов, фоном для которых послужила Венеция. Среди них было, в частности, несколько произведений Висконти, в том числе "Смерть в Венеции", "Не оглядывайся сейчас" Николаса Ригга, "Все говорят: люблю тебя" Вуди Аллена. И наконец третья выставка носит название "В кругу виленского классицизма". Она насыщена историческими аллюзиями, вызывающими интерес выбором тем и аллегорий, а не самой формой; внимания заслуживают также изделия художественных промыслов. После в Варшавы

выставка будет развернута в Музее искусства в Вильнюсе, откуда прислана часть экспонатов.

♣ Выставка, открывшаяся на этот раз в Королевском Замке, - последний аккорд торжеств Шопеновского года.: “Романтизм. Живопись во времена Фридрика Шопена”. “Пожалуй, выставка правдиво повествует о первой половине XIX века, - пишет Дорота Ярецкая, рецензентка “Газеты выборчей”. - Романтизм предстает перед нами как эпоха аллегорий, пейзажа и несколько театрального, напыщенного портретного позирования”. Здесь мы можем увидеть картины, которыми мог любоваться и которыми жил сам Шопен.

♣ 8 декабря миновало 9 лет со дня смерти Тадеуша Кантора, замечательного художника, но прежде всего - творца известного во всем мире театра “Крико-2”. Память об этом театре живет, а актеры воздают почести мастеру, играя перед краковским зданием театра сцены из спектаклей, некогда принесших Кантору славу.

♣ Гжегож Яжина - один из самых интересных, но и самых спорных режиссеров польского театра. В новом сезоне он стал директором варшавского “Театра Розмайтости”, однако перед этим поставил во Вроцлаве инсценировку “Доктора Фаустуса” Томаса Манна. Спектакль, показанный на 49-м Берлинском фестивале, проходившем в этом году под девизом “Новая генерация - Восток”, признан там самым интересным театральным представлением из нашей части света. Режиссер бережно относится к деталям эпохи, предпринимает благородную попытку от имени Европы рассчитаться с дьявольским XX веком. При этом он соблюдает потрясающую формальную дисциплину, создает спектакль почти реалистический, весьма отличный от прочих его постановок (“Тропическая дурь”, “Магнетизм сердца”), которые уже создали ему реноме самого интересного режиссера в современном польском театре.

♣ Другой “молодой разгневанный” польского театра, Петр Цепляк, показал спектакль “Винни-П.”, сделанный по собственному сценарию на основе книги Милна

“Винни-Пух”. Книга пользуется в Польше неизменной популярностью, а спектакль завоевал симпатии критики, став одной из лучших премьер лениво разворачивающегося сезона.

♣ Среди премьер стоит упомянуть о “Новом Блумсалиме” - разумеется, по “Улиссу” Джойса (инсценировка Ежи Гжегожевского), и о последней премьере варшавского Театра “Повшехны” - “Четвертой сестре” Януша Глогацкого (пьеса написана по заказу вроцлавского Театра Польского, где также состоялась премьера). Это еще одна польская пьеса (наиболее известна среди них “Любовь в Крыму” Славомира Мрожека), построенная на мотивах русской драматургии, прежде всего пьес Чехова. Глогацкий создал умный пастиш “Трех сестер”, перенеся действие в наше время, в нынешние российские реалии. “При этом мы, поляки, можем сделать неожиданное открытие, - пишет на страницах “Политики” Здислав Петрасик... Аналогии сами приходят в голову, разница лишь в том, что их дворцы культуры больше нашего, гангстер опасней нашего гангстера, наконец - что московский пьячуга пьет водяры больше, чем пьячуга из варшавского притона”. Глогацкий, хотя последнее время он все чаще пребывает в Польше, постоянно живет в США; возможно, на выбор отправной точки повлияло его американское окружение.

♣ Поутихи крики восхищения по поводу премьеры фильма “Пан Тадеуш”, поставленного Анджеем Вайдой по поэме Мицкевича. Фестиваль польского кино в Гдыне в этом году не потерпел привычной неудачи - прежде всего благодаря “Долгу” Кшиштофа Краузе. В области кинематографии следует отметить успех премьеры “Огнем и мечом” в Москве, где картина Ежи Хоффмана признана важнейшим польским фильмом последнего времени. Критика отнеслась к фильму одобрительно, в феврале будущего года он должен выйти на экраны кинотеатров. И очередной успех Анджея Вайды, хотя на сей раз на малом экране - премьера в телевизионном театре “Матеуша Бигды”, по роману Юлиуша Каден-Бандровского. В 1932 году книга воспринималась как политический памфлет, направленный против Винцентия

Витоса, вождя крестьянской партии. Оказалось, что в прочтении Вайды ее многое связывает с сегодняшней польской действительностью; спектакль стал одной из интереснейших политических постановок последнего периода.

♣ В начале декабря польское отделение ПЕН-клуба избрало новое руководство. Вправление вошло много молодых литераторов. Президентом стал историк литературы и эссеист Януш Мачеевский, его заместителями - переводчик Адам Поморский и писатель Казимеж Трацевич. Выборам сопутствовала презентация книги Анджея Мендзыжецкого, многолетнего президента этой организации. “Из дневников и воспоминаний” - это сборник случаев из жизни и размышлений 1962-1989 годов, показательных для пути, пройденного польской интеллигенцией. Встреча послужила поводом для того, чтобы поделиться воспоминаниями об Артуре Мендзыжецком, писателе, переводчике, поэте, человеке, которого любили и который был необычайно популярен в среде польских интеллектуалов. По мнению Анджея Щипёрского, он “был образцом умеренности и мудрости, добрым и честным человеком”.

♣ “Игра с огнем” - новая книга Анджея Щипёрского. “Мир пытается спастись через акт всеобщего забвения. Так он придает смысл своему дальнейшему существованию”, - пишет Щипёрский. Однако он стремится уберечь от забвенья трагедии прошлого. В “Игре с огнем” - как и в большинстве своих книг - он возвращается к сложным отношениям между немцами, поляками, евреями. Эта книга, посвященная феномену коллективной памяти, подводит к выводу о том, что забвение о трагедиях означает: они могут повториться. Этому Щиперский пытается противодействовать всем своим творчеством.

♣ Ежегодную премию “Клио” за лучшую публикацию по истории получил профессор Ежи Ключовский за книгу “Младшая Европа”, посвященную средневековым истокам христианской цивилизации Центральной и Восточной Европы. Профессор Ключовский - директор Института Центрально-Восточной Европы. Он пропагандирует идею

цивилизационного единства нашей части мира, которая продолжает существовать “как общность истории и опыта”. Много лет Ключовский преподавал в Люблиńskом католическом университете, читал лекции также в Сорбонне, Принстоне, Оксфорде. Другие лауреаты премии “Клио”: Михал Тымовский (“Государства доколониальной Африки”) и Эугениуш Цезарий Круль (“Национал-социалистическая пропаганда и индоктринация в Германии, 1919-1945”).

♣ Еще одну премию за прозаический дебют получил Антоний Либер за роман “Мадам”. На сей раз это премия им. Анджея Киёвского.

♣ После почти трехлетнего перерыва в Москве возобновились официальные польско-российские переговоры о реституции польских архивных материалов и произведений искусства, находящихся в российских архивах и музеях коллекциях. В нашей стране возобновятся поиски российских произведений искусства, пропавших во время второй мировой войны.

♣ Krakow объявлен одной из культурных столиц Европы 2000 года. Представится возможность показать концерты и выставки, постановки драматических и музыкальных театров, провести встречи с интересными людьми. Серьезная и легкая музыка, традиционный и авангардный театр, классический балет и современный танец, выставки старых мастеров и современное искусство, события мирового значения и локальные инициативы вольются в большой фестиваль культуры, который будет длиться весь год. Приглашаем вас принять в нем участие.

Станислав Лем

О знании и невежестве

„Новой Польше“ была предоставлена привилегия использовать самые интересные „Беседы к концу века“ Катажины Яновской и Петра Мухарского с выдающимися польскими интеллектуалами накануне XXI-го столетия. Krakowskim издательством „Знак“ были выпущены три тома „Бесед“. Из первого тома перепечатывается беседа со Станиславом Лемом.

*

Поистине удивительно, что на всем небосклоне, видимом с Луны, единственная планета – это голубая планета Земля. С Луны заметно единство Земли – настоящее, подлинное единство, и в то же время единственность. Но этого не хотят осознать яростно сражающиеся друг с другом народы и фракции. И ничего тут не поделаешь.

— Внимательно осмотрев вашу комнату, мы увидели, что на столе вместо компьютера стоит пишущая машинка. Почему писатель, который много лет назад предвидел новейшие технические открытия, в том числе «виртуальную реальность», пользуется почтенной пишущей машинкой, а не компьютером последнего поколения?

— У меня был отвратительный почерк, учителя предвещали, что ничего путного из меня не выйдет. Поэтому отец купил мне пишущую машинку марки «Ундервуд», и с тех пор я пишу на машинке. Компьютера не люблю — ведь по сути я консерватор.

— Однако известно, что в детстве вам очень нравилось мастерить, клеить самолетики, копаться во всяких технических устройствах. А сегодня, когда вы смотрите на компьютер, у вас не возникает желания снять с него крышку и покопаться в проволочках?

— Нет, сегодня — ни малейшего. Но прежде мне и вправду случалось мастерить. Первый автомобиль, который я купил, был гэдээровского производства. Как-то мы с женой ехали в Варшаву, и по дороге что-то сломалось. Я вывинтил карбюратор, продул главный жиклер, и мы покатили дальше. От волнения потерял несколько винтиков, наверно, они там так и лежат.

А теперь, если в машине что-то сломается, это не чинят, а выбрасывают целиком и ставят новое. Выходит, идем от простого к сложному. Живем в цивилизации одноразового употребления.

— *И поэтому вы относитесь к компьютеру без особой нежности?*

— До известной степени. Я предполагал, что компьютеры поумнеют быстрее. А они до сих пор — всего лишь накопители информации. Разумеется, их можно использовать вместо пишущей машинки, но мне и машинки вполне достаточно. Я написал на ней несколько десятков книг.

— *Значит ли это, что вы неохотно осваиваете технические новшества? Вы не любитель Интернета? Вам не нравится возиться с компьютером?*

— О нет, я не любитель Интернета. Мне даже предлагали подключиться к Интернету бесплатно, но я не согласился. По сетевым каналам могут напасть полчища вирусов, и из этого выйдет масса неприятностей.

Конечно, если бы я был по профессии, например, физиком-теоретиком, или астрофизиком, или вообще ученым, которому нужна информация из Южной или Северной Америки, или из какой-нибудь другой части света, мне пришлось бы завести Интернет. Но я — как Робинзон на необитаемом острове, где все приходится делать самому.

— *Молодое поколение, так называемое поколение Икс, презрительно называет «чайниками» тех, кто не умеет обращаться с техническими новинками. Означает ли это, что для людей, которые не в ладах с техникой, будет все меньше места в современном мире?*

— Правило следующее: если ты приобрел какой-нибудь современный видеомагнитофон или компьютер и не знаешь, как к нему подступиться, обратись за помощью к ребенку в возрасте до десяти лет. Восьми-девятилетний молодой человек легко и просто сделает все, что нужно. Я принадлежу к поколению старцев, которые уже не особенно любят лично манипулировать техникой. Это техника должна служить им.

— *Зато вы любите предсказывать будущее. Может ли владение техникой в недалеком или отдаленном будущем стать критерием социальной пригодности человека?*

— Это и впрямь большая проблема. В 60-е годы вышла книга Норберта Винера, который предсказывал, что роботизация и

автоматизация промышленности вызовут безработицу. Это уже происходит. Конечно, для хозяина-капиталиста это очень удобно. Робот вкалывает не восемь часов, а до тех пор, пока не развалится. Ему не нужно оплачивать больничные, он не берет отпусков, не бастует, не требует повышения зарплаты. Проблема только в том, что с помощью робота можно произвести все что угодно, но роботу ничего нельзя продать.

— *Быть может, благодаря генной инженерии мы создадим идеального человека, который будет конкурировать с роботами?*

— Лучше не браться за усовершенствование того, чего мы до конца не понимаем. Ведь до сих пор так мало известно о том, как функционирует наш мозг. Влезать в генетику — все равно что использовать кочергу для починки курантов. Суют внутрь металлический прут и начинают шуровать. Может, починим, а может — сломаем. По-моему, вероятней всего — сломаем. Очень велика вероятность того, что генная инженерия, как всякая технология в новейшую эпоху, может поначалу причинить больше зла, чем добра. Так было со всеми технологиями. Попытки взлететь плохо кончились для первых самолетов. Первые подводные лодки в основном тонули.

Помню, во Львове, когда я был еще совсем маленьким, мы с родителями время от времени ездили смотреть «Рацлавицкую панораму». И случалось, например, так, что шина отваливалась от автомобильного колеса. Сегодня такого вообще не бывает.

Совершенствование техники требует времени, а уж улучшить технику, именуемую генетической, — это задача грядущего века.

— *То есть, если люди будут ковыряться в генах, это приведет скорее к рождению Франкенштейна, чем идеального сверхчеловека?*

— Не думаю, чтоб все было так мрачно. Я не принадлежу к крайним пессимистам. Скорее я оптимист — немногого оптимист и немного пессимист. Наверняка с помощью генной инженерии можно будет исправить много генетических дефектов. Нынче людям очень нравится проделывать всякие штуки с собственным телом. Говорят о каких-то искусственных дамских бюстах. У толстяков вытягивают липоотсосами жир оттуда, где он не нужен, и вводят туда, где нужен. Пока что эта мода ограничена физиологическими возможностями человеческой плоти. Однако с помощью генов, разумеется, можно достигнуть гораздо большего. Скажем, превратить мышь, может, и не в крысу, но в нечто среднее между мышью и крысой. Боюсь, как бы какой-нибудь будущий

биолог не вознамерился состряпать нечто среднее между человеком и шимпанзе. В Америке уже вышла книга под названием «Третий шимпанзе». Автор считает, что мы и есть этот самый третий шимпанзе.

Как видно, будущее готовит нам всевозможные сюрпризы, которые от нас не зависят.

— Мы знаем, что наука и техника не очень-то озабочены исходящей от них угрозой, и если они замечают возможность во что-то вмешаться, они стараются ее использовать. Уже сегодня можно вообразить, что, когда лет через десять нас будут принимать на работу, нам велят лизнуть стеклышко и на основе пробы исследуют ДНК. А по результатам анализов решат, годимся мы для данной работы или нет.

— Вероятность этого действительно есть, и она очень интересна с точки зрения философской этики. Правда — то, что цвет глаз зависит от генов. То же касается цвета волос и т.д. Но конечно же, нет никакого гена интеллекта. Высшие мыслительные функции зависят от огромного количества различных генов.

В том, что можно назвать партитурой наследственности, мы уже умеем различать отдельные ноты, до-диез, фа-бемоль и даже скрипичный или басовый ключ. Но из того, что кто-то в состоянии назвать отдельные ноты, еще не следует, будто он может сыграть Девятую симфонию Бетховена.

Путь к этому еще страшно далек. Думаю, что контрольное считывание генографических карт ни нам, ни нашим детям не грозит.

— Вы говорите: ни нам, ни нашим детям это не грозит. Но с другой стороны — предугадав фантоматику и виртуальную реальность, предполагали ли вы, что они настигнут вас так скоро?

— Нет, я так не думал. Потому и рассуждал об этом так спокойно. Однажды я написал этакий иррациональный очерк для журнала «Одра» о том, что через несколько миллиардов лет Солнце истощит энергетические запасы водорода и превратится в красного гиганта, который поглотит землю. Земля превратится в спекшийся комочек угля. Одним словом, все, что на ней живет, погибнет. И это меня огорчило. Но потом я задумался. Ведь несколько миллиардов лет — это тысячи миллионов лет. Если уж мы не ведаем, что будет через

пятнадцать, двадцать, тридцать лет, то к чему размышлять о том, что произойдет миллиарды лет спустя?

В то же время когда-то я и не предполагал, что в 1970 году, сидя здесь, в Krakове, увижу по телевизору людей, разгуливающих по поверхности Луны.

Когда по ночам я иногда выхожу в сад и вижу на чистом небе Луну, я думаю о том, что где-то там все еще стоят остовы машин, брошенных американцами. Я знаю, что это правда, и вместе с тем мне кажется нереальным, что мы так быстро и так далеко шагнули. Кстати, неизвестно зачем.

Короче говоря, горизонт наших представлений о том, что может случиться, непредсказуем.

— *Независимо от того, каковы были мотивы нашего появления на Луне, тогда казалось, что человек посмотрит на себя с совершенно новой перспективы. Можно было предполагать, что знаменитые слова Армстронга: «Маленький шаг человека, большой шаг человечества» — будут очень много значить, что они изменят наше видение Земли, всего мира. А сегодня, пожалуй, оказывается, что ничего не изменилось?*

— Увы, ничего не изменилось. У Олдрина, второго астронавта после Армстронга, какое-то время наблюдались симптомы психоза. Он был убежден, что кульминационный пункт его жизни — момент, когда он был на Луне. Сознание того, что отпечатки их ботинок сохранятся на лунном песке миллионы лет, когда и следа от них самих не останется на Земле, не могло не повлиять на жизнь этих людей.

Поистине удивительно, что на всем небосклоне, видимом с Луны, единственная планета — это голубая планета Земля. С Луны заметно единство Земли — настояще, подлинное единство, и в то же время единственность. Но этого не хотят осознать яростно сражающиеся друг с другом народы, фракции, одним словом — люди. Тут уж ничего не поделаешь.

— *Значит ли это, что человечество глухо?*

— В каком-то смысле, к сожалению, да.

— *Если наука не делает нас лучше, если прогресс науки не совершенствует нас в гуманистическом отношении, то любопытно, почему все-таки люди ведут научные исследования? Быть может, современные ученые, вместо того чтобы быть аскетами науки, на самом деле — заложники славы, которую*

— каким-нибудь открытием или псевдооткрытием — можно завоевать весьма быстро?

— У меня такое впечатление, что дело не только в славе, но — грубее — в деньгах.

Сегодня невозможен Эдисон, который с помощью валика, покрытого воском, иголки и мембранны создает необходимые людям изобретения. Теперь требуются громадные лаборатории, оснащенные приборами, которые стоят миллиарды.

Американский Конгресс либо дает на это деньги, либо нет. Поэтому такую чудовищную шумиху подняли ученые в связи с метеоритом, обнаруженным на Антарктиде. Якобы он содержал какие-то следы жизни на Марсе. А на практике это повышало шансы НАСА на получение дополнительных миллиардов долларов, необходимых для подготовки путешествия на Марс.

— Как вы думаете, мы живем во времена гигантского научного ускорения или во времена беспрецедентного авантюризма?

— Прежде всего — ускорения, но и авантюризма тоже. Сегодня слишком сильно стремление быть первым, дать миру нечто новое, поразительное.

Поэтому не может умереть естественной смертью весь этот бред о зеленых человечках, о летающих тарелках, об астрологии, которой немецкое телевидение посвящает целые часы. Лично меня это оскорбляет, потому что я страшно не люблю глупостей.

Надо сказать честно: новые открытия увеличивают вероятность дальнейших открытий, однако прирост знаний в то же время ведет к расширению знания о том, сколь многое не познано. Рост знаний увеличивает наше знание о том, чего мы не знаем, о нашем невежестве.

— В том, что прогресс в науке в каком-то смысле связан с регрессом, наверняка отдают себе отчет только ученые. Мир же, как всегда, охотно верит, что наука — лекарство от всего.

Значит ли это, что культ науки преждевременен? Ведь вера в то, что наука может нас спасти, не находит подтверждения в реальности?

— Наука похожа на что-то вроде метлы, которая, подметая мир, расщепляется на все более тонкие веточки. В конечном счете идеалом, но только мрачным, негативным, предстает некий специалист, который знает все о каком-нибудь пустяке и по сути ничего не знает о целом.

Наша информационная пропускная способность, говоря языком кибернетики, осталась точно такой же, как 160–180 тысяч лет назад, когда предки наши сидели в пещерах. Поэтому из-за нынешнего информационного потопа у нас такое чувство, будто мы пребываем среди полного хаоса.

— *Вы упомянули, что суеверие наступает науке на пятки, но вы говорите и о хаосе, с которым все мы сталкиваемся. Возможно, склонность людей к вере в предрассудки объясняется тем, что они не в силах совладать с хаосом. Так что же — несмотря на научный прогресс, человек все так же затерян в мире, в космосе, как десятки и тысячи лет назад?*

— В известном смысле вы правы. Я выписываю среди прочих один журнал, который называется «Попьюлер сайенс». Там описываются так называемые «гаджеты» — начиная с велосипедов, фотоаппаратов и кончая турбовертолетами. Так вот, если бы все эти гаджеты вместе взятые сосредоточить в одной стране, ее жители сошли бы с ума.

Я убежден, что человек — существо, созданное для явлений умеренного характера. Ни слишком горячо, ни слишком холодно, ни слишком резко, ни слишком сонно, не слишком много пыла и безумства, но и не слишком много ленивой праздности. Это относится и к знанию, и к информации. В каждой области необходима умеренность.

— *Вернемся к тому, как обычные люди представляют себе науку. Отношение к науке сегодня, пожалуй, парапелигиозное. Не случайно еще недавно мы имели дело с научным мировоззрением, то бишь мировоззрением окончательным и абсолютным. Теперь в мире весьма влиятельна secta сайентологов — нечто вроде религии, но только научной. Вам не кажется, что есть что-то нездоровое в культе науки как абсолютной истины?*

— Да ведь эта сайентология — вовсе никакая не наука.

— *Конечно, не наука, но ведь не случайно она так называется.*

— Да, но, грубо говоря, тут все дело в деньгах. Просто в деньгах. Таких сект развелось огромное количество, поскольку людям требуется метафизика, а относятся они к ней так же, как люди женского пола к моде. То есть — верить следует в то, что особенно модно. Чем более невероятны фантазии какой-нибудь секты, тем она более притягательна.

— *Вы не считаете, что в особой моде sectы, которые одновременно и мистичны, и научны?*

— Но это псевдонаука. Люди науки отличают шарлатана от ученого так же, как кассирша распознает фальшивые банкноты.

— *Не видится ли вам некой мучительной загадкой то, что цивилизация, все более научная и все более суеверная, влечит за собой такой пышный хвост предрассудков?*

— Да ведь это всего лишь псевдо, псевдо... То, что когда-то называлось духами и упырями, теперь именуется пришельцами с других планет.

Однажды я резко высказался о фильме «День независимости». Там прилетают какие-то существа из космоса, преодолев световые годы пути на целой армаде кораблей только для того, чтоб уничтожить жизнь на Земле. Поставлю вопрос жестко: а какой им интерес вкладывать столько усилий и космической наличности в то, чтобы нас всех порешить? Интерес есть только у кинопродюсера, который хочет сорвать куш, а все прочее — только чтобы морочить нам голову.

Нам внушают всякие вещи, которым надо противостоять. Но люди любят, чтоб их дурачили.

Я вам этого не предлагаю, но ведь достаточно намалевать на картонке, что мы представители организации по спасению туч, и походить с ней по городу. Всегда найдется кто-нибудь, кто даст пяток злотых на спасение туч.

— *Вы ведь и сами в каком-то смысле — предсказатель будущего. Нет ли в этом доли шарлатанства?*

— Я только пытался предвидеть развитие определенных технологических тенденций.

В книге «Сумма технологии» я предложил ориентироваться на технологии, созданные самой жизнью. В том смысле, что, подглядывая за природой, мы обогатимся знанием — тем знанием, которого у нас еще нет. И действительно, наука пошла в этом направлении.

— *Лешек Колаковский в рецензии на эту книгу, написанной много лет назад, упрекнул вас в том, что вы идеолог технократии.*

— Я ответил, что, по этой логике, профессор медицины, читающий лекцию о заразных болезнях, — великий идеолог холеры и чумы.

— *Вы помните, когда вы в первый раз испугались науки?*

— Ну, испугаться-то я не испугался, скорее разочаровался, и притом довольно серьезно. Когда в первый раз? Трудно сказать. Я действительно какое-то время верил, что самые мудрые люди на свете — это университетские профессора. В каком классе гимназии я утратил эту веру? Не помню. А причиной было именно знание. К примеру, стоило Рентгену открыть Икс-лучи, как французы придумали Н-лучи. Весь французский народ был очень горд и доволен тем, что имеется контр-открытие против немецких лучей. Вот только лучей-то этих французских вообще не было. В конце концов мистификацию разоблачили.

Таких лжеоткрытий множество. Лысенко, например, верил, что можно взять любое растение, так сказать, в ежовые рукавицы и так энергично встряхнуть его наследственность, что в конце концов растение будет вести себя как положено. Яровая пшеница станет озимой, озимая — яровой и т.д. Когда-то в Krakow приехал советский ученый, правая рука Лысенко, и показал нам помидор размером больше мяча для регби. Это вызвало всеобщее восхищение, изумление и потрясение краковской аудитории, которую составляли как-никак людипольской науки.

Кто-то захотел потрогать помидор. Тогда русский сказал, что это только восковой муляж. Оригинал находится в Москве.

— Несмотря ни на что, разве не благодаря науке мы владеем миром? Или, быть может, как вы когда-то написали, эта власть — всего лишь иллюзия микробов, которые перемещаются по поверхности яблока?

— В Исландии недавно началось извержение вулкана, пробившего шестисотметровую корку ледника. Там возникло огромное, почти кипящее озеро. На самом-то деле мы сидим на тонюсенькой, едва схватившейся и отвердевшей корочке земного шара, а внутри его — огненная лава.

В сравнении с природными стихиями мы — микробы на маленькой пылинке, которая кружит вокруг Солнца.

— Сейчас, на грани столетий, есть ли у вас чувство, что вы прощаетесь с чем-то, уходящим в прошлое в состоянии малой катастрофы? Или вы приветствуете зарю нового века? Нового мира?

— Прежде всего, календарная нумерация — это чистая условность. Я думаю, что с концом XX века ничего особенно не изменится. Будут бедные и богатые. Мир будет жить дальше.

— Есть такая гипотеза об истории человечества, согласно которой цивилизация достигает определенного уровня, после чего внезапно происходит катастрофа, либо военная, либо биологическая, и человечество начинает строить все сначала. Вдруг нам остался один только шаг до такой катастрофы?

— Известный английский астрофизик Фред Хойл, человек довольно странный, нарисовал кривую развития цивилизации в виде синусоиды угасающих колебаний: упадок — подъем — упадок.

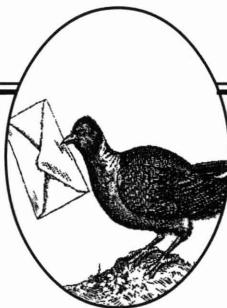
Должен сказать, что такая концепция истории как луна-парка лично мне не по нраву.

— Стало быть, на исходе XX века нам особенно нечего бояться?

— Будущее абсолютно непредсказуемо.

Октябрь 1996, дом Станислава Лема в Кракове

Из нашей почты

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

Дорогие Друзья,

поздравляю Вас с вашим исключительно хорошим журналом "Новая Польша". Это, несомненно, лучший журнал этого типа, который мне удалось найти в России. Статьи заставляют задуматься, они серьезные и хорошо написаны. В журнале богатая палитра вопросов и жанров, он прозрачно запроектирован и хорошо отредактирован. Журнал показывает очень интересную картину интеллектуальной жизни в Польше. Она богата разными точками зрения и насыщена чувством юмора. Но суть - в чистоте, отваге и теплоте. Для нового журнала - это огромный успех.

И великолепнейший подарок для мыслящих россиян. Я надеюсь, что он встретится с откликом, которого заслуживает.

Складывается, однако, впечатление, что Вы наталкиваетесь на проблему распространения. Я случайно нашла первый, сентябрьский номер в маленьком московском книжном магазине. Потом, когда я его прочитала и поняла, что это хороший журнал, хотела купить больше, для своих друзей. Но уже не нашла хотя бы один экземпляр ни в одном из магазинов, которые я посетила. И не знаю, были ли опубликованы какие либо дальнейшие номера.

Помогите мне, пожалуйста, узнать, как можно приобрести некоторое количество экземпляров вашего журнала теперь и в будущем. Есть ли в Москве магазин, либо организация, которая постоянно его распространяет? Существует ли возможность подписки?

Еще раз поздравляю вас с вашим успехом.

Ив Адлер
профессор университета в Миддлбери (США)

От редакции.

Уважаемая госпожа Адлер,

мы с большой радостью прочитали Ваше письмо. Мы, естественно, приложим все усилия, чтобы наш журнал удовлетворял всем тем высоким требованиям, которые Вы любезно сформулировали в своем письме. Будем также стараться поправить нашу систему распространения журнала. Со второго номера на второй странице обложки „Новой Польши“ мы публикуем условия подписки. С начала наступающего года мы постараемся увеличить тираж журнала. Признаемся, однако, что мы рады тому, что все экземпляры „Новой Польши“, доставленные нашим московским представителем - издательством „МИК“ в книжные магазины, были проданы так быстро.

Желаем Вам, и всем нашим читателям, успехов и счастья в наступающем году.